

1 [3] 2014

Фонд поддержки
социальных
исследований
«Хамовники»

Рустем Вахитов

**СУДЬБЫ
УНИВЕРСИТЕТА
В РОССИИ:**

имперский,
советский
и постсоветский
раздаточный
мультиинститут

Страна Oz
Москва • 2014

УДК 378(470+571)
ББК 74.58(2Рос)
В22

Издание подготовлено на средства Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (проект 2012 001).

Научный редактор: кандидат философских наук, ординарный профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Кордонский Симон Гдальевич

Научные рецензенты: доктор философских наук, доцент Российского
государственного гуманитарного университета **Резниченко Анна Игоревна;**
кандидат философских наук, доцент Башкирской академии госслужбы
при президенте РБ **Соловьев Артем Павлович**

Вахитов, Рустем Ринатович.

Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский
раздаточный мультиинститут / Р. Р. Вахитов. — Москва : Страна Оз, 2014. — 276 с.

Книга «Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут» посвящена анализу переноса западной университетской идеи в Россию. Автор доказывает, что университет в классическом виде в России не прижился, он переродился в мультиинститут – государственное учреждение, занимающееся сословной социализацией, раздатком сословных статусов и прилагающихся к ним знаний.

Причина этого процесса - в самой природе российского государства и общества в дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Теоретическая основа книги – теория раздаточной экономики О. Э. Бессоновой и теория сословности С. Г. Кордонского.

Для специалистов в области философии и социологии образования и всех интересующихся вопросами высшего образования.

УДК 378(470+571)
ББК 74.58(2Рос)

Позиция автора является независимой и может не совпадать с позицией Фонда и его учредителя.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

ISBN 978-5-906139-03-0

© Рустем Вахитов, текст , 2014
© Екатерина Трушина, макет, 2014
© Golinelli&Zacks, обложка, 2014

Содержание

От автора	6
Благодарности	10

ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА НА ЗАПАДЕ

1.1. Сущность университета	13
1.2. Доклассический западный университет: раздаточный университет в раздаточном обществе	17
1.3. Университет модернистского общества (гумбольдтовский исследовательский университет): обменный университет при государственном раздатке	33
1.4. Университет постмодернистского общества (американский исследовательский университет (АИУ)): обменно-раздаточный университет в обменно-раздаточном обществе	51
1.5. Итоги первой главы	66

ГЛАВА 2. УНИВЕРСИТЕТ В ЦАРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ РАЗДАТОЧНОГО МУЛЬТИИНСТИТУТА ГОССЛУЖБЫ – К ПЕДАГОГИЧЕСКИ-ТЕХНИЧЕСКОМУ МУЛЬТИИНСТИТУТУ

2.1. Россия после петровских реформ: модернистский раздаток	70
2.2. Судьба университета в дореволюционной России: от университета – к мультиинституту	73
2.3. Мультиинститут госслужбы: образовательный раздаток	84
2.4. Кризис российских университетов: чиновники и революционеры.	100
2.5. Советская модернизация, раздаток и сословия в советском обществе	104
2.6. Советский университет: эксперименты в высшей школе и восстановление мультиинститута	107
2.7. Сдачи и раздачи советского университета (педагогически-технического мультиинститута)	117
2.8. Плановая организация учебного и педагогического труда в советских вузах и институт обратной связи	138
2.9. Компенсаторные институты советских вузов	142
2.10. Административный псевдорынок раздаточного вуза	144
2.11. Итоги второй главы	149

ГЛАВА 3. ВУЗЫ МИНОБРНАУКИ В 1990-Е ГГ.: МУТАЦИЯ И КРИЗИС

3.1. Постсоветский этап развития России	151
3.2. Российские постсоветские вузы: сохранение ресурсного и раздаточного характера высшего образования	152

3.3. Мутация вузов Минобрнауки в период с 1991 по начало 2000-х гг. Судьба педагогически-технического мультиинститута	161
3.4. Сдачи мутировавшего постсоветского вуза.	166
3.5. Неофициальные раздачи вузовским работникам	174
3.6. Неофициальные раздачи обслуживающему персоналу вузов	191
3.7. Трансформация плановой системы и института жалоб в 1990-е гг.	194
3.8. Кризис мутировавшего постсоветского вуза: основные причины	197
3.9. Итоги третьей главы.	202

ГЛАВА 4. РЕФОРМЫ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ 2000-Х ГГ.: ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НОВЫЙ ОБЛИК УНИВЕРСИТЕТОВ

4.1. Реформа высшего образования 2000-х: общий обзор	203
4.2. ЕГЭ и его реальная цель	205
4.3. Болонская реформа: укрепление раздаточного вуза	214
4.4. Ужесточение контроля над студентами, преподавателями, администрацией и ректорами (балльно-рейтинговая система, УМК, новый порядок выборов ректоров)	235
4.5. Трансформация плановой системы и института жалоб в 2000-е гг.	243
4.6. Реформа ВАК и диссоветов	246
4.7. «Оптимизация» вузов	256
4.8. Поиски нового облика университета	259
4.9. Итоги четвертой главы.	264

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 266

Список литературы	268
Приложение	269

То же, что называется высшими научными учреждениями, является не чем иным, как освобожденной от любых формальностей в государстве духовной жизнью людей, которых внешнее увлечение или внутренняя склонность приводят к науке и исследованиям.

В. фон Гумбольдт. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине

Университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем приготавливается юношество для вступления в различные звания государственной службы.

Устав российских императорских университетов 1804 г.

От автора

КАЖДЫЙ РАЗ, когда я вхожу в университетскую аудиторию для того, чтобы прочитать лекцию или провести семинар, меня, как и всех остальных преподавателей, студенты приветствуют вставанием. Однажды я задал себе простой вопрос: почему? Ведь в странах Запада, где, кстати, и возникли университеты, ничего подобного нет. Теперь я понимаю, что с этого вопроса и началась эта книга, но тогда, конечно, мне и в голову не могло прийти, что мое досужее любопытство приведет к тому, что я буду писать монографию о специфике российского высшего образования.

Я стал задавать этот вопрос студентам. Они отвечали мне одно-типно: мы так выражаем вам свое уважение. Однако меня такой ответ не удовлетворил. Во-первых, — возражал я им, — вам меня пока не за что еще уважать: вы и не знаете меня совсем. Во-вторых, если вы меня встретите в парке в выходной день и вы при этом будете сидеть на скамейке, вы же не встанете навтыяжку передо мной. И, в-третьих, разве уважение обязательно выражать вставанием? Собственно, когда студент обращается к преподавателю по имени и отчеству, он уже выражает этим свое уважение.

В итоге мы пришли со студентами к неутешительному выводу: они делают это потому, что, когда они пришли в стены вуза, им объяснили, что здесь так принято. В нашей жизни много таких обычаев, смысла которых нам никто не объясняет, но все требуют их соблюдать.

Но ведь каждый обычай раньше имел определенный смысл, и, если мы его обнаружим, то лучше станем понимать, как устроено наше общество и отношения между людьми в нем. Так почему же студенты в российских вузах приветствуют преподавателя вставанием?

Ответ я нашел неожиданно, когда стал изучать историю российских университетов. Как известно, с эпохи Петра I в Российской империи действовал закон — «Табель о рангах», согласно которому все государственные служащие (и военные, и гражданские, и придворные) были разделены на 14 классов. Так вот, *чиновники нижестоящего класса в присутствии чиновника вышестоящего класса обязаны были стоять и сесть могли только при особом разрешении*. Кстати, в армии этот обычай сохранился до сих пор и даже отражен в воинских уставах. Параграф 48 Устава внутренней службы вооруженных сил РФ гласит: «При нахождении вне строя, как во время занятий, так и в свободное от занятий время, военнослужащие воинских частей (подразделений) приветствуют начальников по команде «Смирно» или «Встать. Смирно». Впрочем, среди чиновников он тоже сохранился как негласная традиция: если на заседании правительства появляется президент, министры встают.

«При чем же здесь университеты?» — спросит читатель. В Российской империи университеты рассматривались как учреждения, готовящие юношей для государственной службы (что и было отражено в их первых уставах). Студенты, закончившие университет на отличные оценки, представившие письменную работу и сдавшие экзамен, получали степень кандидата и 10-й класс по «Табели о рангах» (коллежский секретарь), без представления работы — 12-й класс (губернский секретарь). Преподаватели тоже были чиновниками ведомства народного просвещения, носили мундир темно-синего цвета и после защиты магистерской и докторской диссертации и замещения должности декана или ректора получали соответствующие классы. Так, ректор университета имел чин действительного статского советника (4-й класс), соответствующий чину генерал-майора.

Студенты, правда, не имели класса, но они все равно рассматривались как люди, готовящиеся к поступлению на госслужбу, которые вскоре получат определенный чин; следовательно, как своеобразные низшие чиновники. Поэтому они и ходили в мундирах соответствующего цвета, на них распространялись жесткие правила дисциплины и т. д. (их даже называли в шутку чиновниками 15-го, то есть несуществующего класса).

Итак, изначально студенты российских вузов приветствовали вставанием входящего в аудиторию преподавателя-лектора (магистра или доктора), и уж тем более декана или ректора, по той простой причине, что в России отношения между студентами и преподавателями строились как отношения между высшими и низшими чинами на государственной службе (в отличие от стран Запада, где по мере распро-

странения либеральных свобод формируются партнерские отношения между преподавателями и студентами).

В советский период из университетов исчезли студенческие и преподавательские мундиры, инспекторы и педели, карцеры для студентов, но суть отношений между преподавателями и студентами не изменилась. Более того, они остались примерно такими же и по сей день, несмотря на объявленную демократизацию. Студент обязан называть преподавателя на «вы» и по имени и отчеству, даже если тот практически его ровесник, и выполнять его распоряжения; преподаватель может сделать замечание студенту, не впустить его в аудиторию за опоздание или выставить его из аудитории за плохое поведение, даже если тот оплатил обучение и, казалось бы, получил безусловное право посещать занятия.

Более того, высшее образование и по сей день имеет у нас форму привилегии, особого правового статуса, который позволяет замещать те или иные должности на государственной службе или в бюджетной сфере. Только в Российской империи существовала единая для всех областей деятельности «Табель о рангах», а в СССР и РФ замещение должностей на госслужбе и в бюджетной сфере стали регулировать отдельными квалификационными справочниками. Так, с 2009 года в РФ действует выпущенный Минтруда «Квалификационный список должностей руководителей, специалистов и других служащих». Согласно ему в каждом учреждении и на каждом предприятии, включая и частные фирмы (!), существует строго определенная трехступенчатая иерархия должностей (руководители, специалисты, технические исполнители). Лица без высшего образования не могут рассчитывать на получение какой-либо должности на верхней ступени («руководители»). Иначе говоря, Генри Форд при таких условиях никогда не смог бы не только возглавить «Форд Мотор Компани», но и занять должность главного инженера в «Электрической компании Эдисона», где он работал до этого. Ведь, как известно, Форд не имел высшего образования и принципиально не хотел его получать, считая, что практические знания важнее. Генри Форд смог занять эти должности в США только потому, что сущность и социальная функция высшего образования на Западе иные. Там высшее образование — набор знаний и компетенций, которые выпускник приобрел за годы учебы и затем предлагает на рынке труда. Высшее образование там не гарантирует определенной должности, а его отсутствие не закрывает путь к ней.

Таким образом, высшее образование у нас — привилегия, которая раздается государством посредством государственных вузов (или частных вузов, прошедших государственную аккредитацию и лицен-

зирование) лицам, которые — в идеале! — добросовестно освоили в полной мере учебный план соответствующей специальности (профиля). Это совсем не случайно: новосибирский экономист Ольга Эрнестовна Бессонова в своих трудах доказала, что российское хозяйство на всех этапах истории России также было раздаточным. Основные необходимые для жизни материальные блага у нас и в дореволюционный, и в советский, и в современный периоды не приобретаются на рынке, а достаются тем или иным социальным группам в результате государственной раздачи. А московский социолог Симон Гдальевич Кордонский показал, что государственная раздача не распространяется у нас лишь на экономическую сферу; в ресурсы, которые раздаются государством, в России превращено всё — вплоть до здоровья. Собственно, общая мысль о том, что у нас образование — это ресурс, который раздается государством, высказана была уже Кордонским в его работе «Словная структура постсоветской России».

Итак, эта книга представляет собой приложение идей О. Э. Бессоновой и С. Г. Кордонского к российскому высшему образованию. Я считаю, что созданные ими концепции обладают большой эвристической силой и позволяют объяснить многое из того, что ускользает от внимания большинства исследователей российского высшего образования, находящихся в плену западоцентрической парадигмы. Они априори исходят из того, что у нас в России существуют примерно такие же, как на Западе, образовательные учреждения, выполняющие примерно такие же социальные функции, разве что качеством они хуже. Это заблуждение мешает им увидеть реальность, которая состоит в том, что российское и западное высшее образование отличаются по своему существу. Сходство, которое у них есть, всего лишь поверхностное. Иногда так бывает: к примеру, киты внешне похожи на рыб, но принадлежат они к млекопитающим и дышат легкими. Точно так же обстоит дело и с российскими университетами: по своей «анатомии» они совсем не похожи на западные и имеют иное происхождение и предназначение. По-своему они так же эффективны, но чтоб понять, в чем их эффективность, нужно понять их истинную социальную функцию. Попытки же реформировать российские вузы по западным лекалам, вроде недавней Болонской реформы, обречены на провал: ничего, кроме мимикрии с сохранением прежней сущности, не получится.

Какова же эта «иная анатомия нашего вуза», призвана показать предложенная вашему вниманию книга.

Благодарности

ЯХОТЕЛ БЫ ВЫРАЗИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ всем, кто оказал мне помощь при написании этой работы. Прежде всего, это фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» (г. Москва), который финансировал данное исследование. Отдельная благодарность — директору фонда Чолпон Эрмековне Бейшеналиевой и научному консультанту фонда Симону Гдальевичу Кордонскому за внимательное отношение к моему проекту и ту поддержку, которую они оказывали мне на протяжении всего проекта. Симон Гдальевич, кроме того, следил за написанием этой работы и выступил как ее научный редактор, не говоря уже о том, что в ходе исследования я опирался на разработанную им теорию сословности.

Благодарю также директора фонда «Отечественные записки» Галину Александровну Скрябину за помощь, оказанную на стадии подготовки книги к печати.

Хочу поблагодарить также Ольгу Эрнестовну Бессонову — создателя теории экономического раздатка, на чьи идеи я также опирался в своей работе и чьи слова ободрения и советы, высказанные ею в электронной переписке со мною, помогли мне в работе.

Особая благодарность — бакалавру политологии и философии университета штата Нью-Йорк в Бингемтоне (State University of New York at Binghamton) Вилене Хажимуратовой (Vilena Khazhimuratova) за подробные консультации по поводу особенностей системы обучения в американских исследовательских университетах.

Хочу также поблагодарить научных рецензентов этой книги Артема Павловича Соловьева и Анну Игоревну Резниченко. И, конечно, большую помощь мне оказала кандидат филологических наук Анна

Евгеньевна Родионова, которая в качестве профессионального филолога участвовала в литературном и научном редактировании этого текста, а в качестве моей жены поддерживала меня в период работы над этой книгой.

Благодарю и тех, кто мне помог в организации и обработке данных социологического опроса по теме исследования, — это кандидат философских наук Владимир Максимович Соколов (г. Бирск), доктор философских наук Рушана Хусаиновна Лукманова и кандидат филологических наук Азамат Абдрахманович Галлямов (г. Уфа).

Отдельная благодарность художнику Арнольду Никитину (г. Уфа), который взял на себя труд оформить схемы, имеющиеся в книге, и директору уфимского «АртКлуба» Айгуль Рашитовой.

1

Зарождение и эволюция университета на Западе

1.1. СУЩНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА

Университет – один из самых старых институтов западной цивилизации. Он возник еще на заре средневековья и существует до сих пор, хотя современный университет, конечно, сильно отличается от средневекового. Университет благополучно пережил перерождение Запада из цивилизации традиционного типа, по сути своей мало чем отличавшейся от цивилизаций Востока, в цивилизацию модернистского, а затем и постмодернистского типа, невиданную прежде в истории. Нельзя сказать, что его выживание легко ему далось. В эпоху Просвещения критика университетов как последних очагов средневековья достигла апогея. Многие интеллектуалы того времени вроде Вольтера и Дидро высказывались за упразднение университетов и превращение их составляющих – факультетов – в специализированные профессиональные государственные высшие школы. Французские якобинцы, борясь с «феодалным прошлым», закрыли Сорбонну, а затем Наполеон – и все остальные университеты Франции. Но университет как таковой выжил: средневековая корпорация благодаря усилиям немецкого философского гения неожиданно превратилась в современную «фабрику научного знания», и университет вновь занял одно из важнейших мест в культурной жизни Запада, а потом, по мере распространения западного влияния по миру, – и других стран.

Для изучения феномена университета нам прежде всего нужно определение университета, так как заниматься исследованием чего-либо и не определить его – значит рисковать попасть в плен к бэконовскому «идолу площади». Задача эта не так уж и проста. Университет как тип высшего учебного заведения существует уже более тысячи лет, и, чтобы выделить его существенные черты, нужно рассмотреть разные исторические формы университета, а именно доклассический средневековый университет, классический гумбольдтовский университет, современный исследовательский массовый университет. Найдя общие сущностные черты у всех трех, то есть то неизменное, что осталось при всех исторических трансформациях, мы и получим определение сущности университета как такового.

Что их же роднит? На мой взгляд, следующее:

1) И в средние века, и в Новое время, и в наши дни *университет был и остается учреждением высшего образования*. Это значит, что, какой бы период истории мы ни взяли, никогда в университет не попадали учащиеся, не прошедшие школы низшей ступени, иначе говоря, всегда университетское образование было надстройкой над школьным образованием. Разумеется, в средние века подготовка к учебе в университете предполагала простое овладение грамотой, все остальное – элементарные знания по математике, филологии, физике и философии – студент получал на пропедевтическом философском факультете, а начиная с XIX века для того, чтоб попасть в университет, нужно было уже до 10-12 лет поучиться в гимназии, но факт остается фактом.

2) *В университете всегда были и есть учащие (преподаватели) и учащиеся (студенты), и все они составляют корпорацию, члены которой обладают определенными привилегиями, данными ей от государства (и/или церкви)*. В разные времена это были разные привилегии, но среди них есть и неизменные: право на относительную независимость от государства и право на преподавание и возведение в ученую степень.

3) *Во все времена университет был связан с наукой. Университет в отличие от специализированных вузов или институтов – это прежде всего научное учреждение и кузница научных кадров*. Хотя принято считать, что принцип единства преподавания и научного исследования был провозглашен лишь в XIX веке Вильгельмом фон Гумбольдтом, в реальности ученые преподавали с университетских кафедр еще в средние века (только, естественно, это была другая наука, ставившая перед собой другие

цели). Альберт Великий, Фома Аквинский, Уильям Оккам были ведь университетскими преподавателями. И это не говоря о том, что еще в средние века сложилась традиция защиты диссертаций, дающих право на ученую степень, именно в рамках университетов.

Университет, конечно, готовил и готовит и специалистов узкого профиля – для государственной службы, для гражданского общества (юристов, врачей, учителей, журналистов и т. д.). Но для него это второстепенная задача (в отличие от упомянутых институтов). Более того, врач, получивший диплом в университете, а не в соответствующем институте, будет в теоретическом плане подготовлен основательнее. В этом еще одна особенность университета – в некоторой мере приобщать к фундаментальной науке даже тех, кто впоследствии не станет ученым и займется прикладной деятельностью. Однако и мировоззрение этих последних будет нести на себе отпечаток этоса науки, усвоенного в университете, и для них будут важны принципы критицизма, методичности, эмоциональной невовлеченности и т. п.

4) *Университет всегда претендовал на максимальный охват наук, а не на подготовку к одной лишь узкой специальности.* Уже в средние века в университете в обязательном порядке было четыре факультета: философский, юридический, медицинский и теологический, в современных же университетах количество факультетов намного больше. Можно сказать, что университет всегда вдохновлялся идеалом единства наук, хотя, очевидно, не существует ни одного университета, где были бы охвачены все научные дисциплины. Безусловно, в разные времена были разные концепции единства наук. В средние века оно понималось как ансамбль наук, восходящих к теологии. В эпоху Нового времени место теологии занимает философия и соответственно центральным факультетом, стягивающим все факультеты в одну университетскую корпорацию, становится философский факультет. В наши дни и теология, и философия перестали быть царицами наук и превратились в частные дисциплины; одного единого логического центра современный университет, существующий в пространстве постмодерна с его антилогоцентризмом, не имеет, объединяет же все факультеты, колледжи и департаменты университета, скорее, единая методология науки, вырабатывающая определенные требования к научному знанию. Поэтому Билл Реддинг назвал современный университет «университетом совершенства»¹ в противоположность клас-

1 См. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. Корбута. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 299 с.

сическому немецкому «университету разума», где разные факультеты рассматривались лишь как представители разных наук, восходящих к единой вершине – философии.

5) Наконец, *университет – не только научное и образовательное, но и воспитательное учреждение*. В отличие от института он готовил и готовит не только представителей определенных профессиональных сообществ, но и элиту общества в широком смысле этого слова. В процессе университетской социализации студент впитывает в себя ценности, характерные для данного общества, перенимает типичные модели поведения. Важно заметить, что главнейшую роль в университетском воспитании занимает наука (немецкие философы даже писали об «образовании через науку» как о характерной черте университета).

Итак, университет – это корпорация, состоящая главным образом из преподавателей-ученых (иногда вместе со студентами), которая получает от властей определенные привилегии, прежде всего – право на некоторую автономию от государства, право на научную деятельность и преподавание, право на возведение в ученую степень. Университет выполняет три важные социальные функции:

1. научной деятельности;
2. преподавания, то есть передачи знаний от учащихся к учащимся и подготовки таким образом ученых и профессионалов;
3. воспитания – и таким образом является одновременно научным, образовательным и воспитательным учреждением.

При этом данные три функции связаны между собой: без научной деятельности нет преподавания, а без преподавания – воспитания. Наука дает материал для преподавания, а воспитание происходит в процессе занятий наукой и обучения, так как и занятия наукой в университете, и отношения преподавателей и студентов в процессе обучения задают схему взаимоотношений в обществе и формируют соответствующую систему ценностей. Причем под наукой мы понимаем науку в ее целостности, сумму фундаментальных наук. Преподаватель как ученый занимается одной определенной наукой и принадлежит к одному факультету, но университетское образование и воспитание нацелено на выработку у студентов целостного мировоззрения на основе научного познания.

Однако перед нами общее, абстрактное определение. Иначе говоря, мы создали логическую модель университета, которой в реальности не существует; реальные университеты лишь воплощают собой те или иные ее черты. Следуя совету Гегеля идти от абстрактного к конкретному, мы можем погрузить эту модель в историческую материю, и тогда обнаружится, что в обществах разного типа – традиционном и современном – мы получаем два разных типа университета – раздаточный и обменный.

1.2. ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ЗАПАДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: РАЗДАТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РАЗДАТОЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Университет возник в Западной Европе в раннем Средневековье, то есть в цивилизации традиционного типа. *Традиционной мы называем такую цивилизацию, которая в отличие от современной не стремится создавать новые, а все время лишь воспроизводит старые, освященные традицией социальные, политические, духовные, культурные формы. При этом под традицией понимается совокупность образцов, по которым воссоздаются указанные формы. Образцами могут выступать идеализированные модели поведения, знания, технологии и т. д.*² Традиция, с точки зрения человека этой цивилизации, восходит к некоему сакральному сверхчеловеческому источнику и поэтому не может рассматриваться как собственность тех или иных индивидов. Например, та или иная технология рассматривается как данная людям неким сверхъестественным существом или мифологизированным предком, каждый цех ремесленников в Средневековье имел своего небесного покровителя – святого, к которому часто возводили изобретение данного ремесла. Но и произведенные по этой технологии вещи также не являлись в полной мере частной собственностью производителя: цех мог запретить продавать продукцию какого-либо мастера, если решал, что этой продукции слишком много и это вызовет конкуренцию или что она не

.....

2 Традиционное общество и традиция являются предметом исследования как эзотерической школы традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде), так и академической научной мысли, особенно представителей теорий модернизации и теорий национализма. Здесь можно отметить труды М. Вебера и Э. Геллнера. К. Поппер описывает традиционное общество под названием «закрытое общество», не скрывая своего критического отношения к нему. Среди современных российских авторов отметим В. Кутырева, А. Андреева и А. Селиванова, разрабатывающих своеобразную онтологическую философию традиции.

должного качества³. Фактически продукцией мастеров распоряжался цех, который был не просто производственным объединением, но и религиозной общиной и как таковой — «земным представителем» святого, которому и «принадлежала» технология.

Итак, в традиционном мире частная собственность сведена к минимуму. В идеале все природные вещи, необходимые для жизнедеятельности (земля, вода, полезные ископаемые и даже люди, которые также суть ценности, воспроизводимые социобиологически), а также все, что производится человеком, мыслится здесь как принадлежащее Богу, ангелам, святым и т. д. (даже если человек произвел материальный предмет, он не создал его идеальную сущность, Творец которой — Бог). Распоряжается же этим сакральный властный институт — государство, чья власть освящена церковью, церковь⁴ или хотя бы общины, которые являются религиозными организациями низшего порядка (как, например, братство ремесленников, община крестьян). Они раздают все эти ценности отдельным людям или сообществам (король раздает феодалам землю с крестьянами, феодалы раздают крестьянам право пользоваться землей, крестьянская община раздает отдельным крестьянам участки земли, крестьянин — отец семейства — раздает жизненные средства членам своей семьи).

Таким образом, в таком обществе все (или почти все⁵) превращено в ресурс. *Ресурс — это совокупность материальных и/или духовных ценностей, которые принадлежат не индивидам, а государству (либо церкви) и раздаются государством (либо церковью) тем или иным слоям общества для осуществления служебной деятельности на пользу этому государству и обществу. Ресурс по своей природе не способен к самовоспроизводству, его можно лишь собирать, хранить, классифицировать и раздавать. Ресурсов здесь всегда наличествует ограниченное количество, потому что в этом обществе не стремятся к созданию все новых и новых материальных и духовных благ, а стремятся лишь к воспроизводству определенного количества благ, признаваемого достаточным для удовлетворения нужд общества.*

Поскольку ресурсы сами по себе не возрастают, а, напротив, исчерпываются с течением времени, для продолжения раздач необходимы

3 Харитонович Д.Э. Ремесло. Цехи и миф // Deja vu: Энциклопедия культур [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ec-dejavu.ru/c-2/Craft.html> (дата обращения: 19.03.2014).

4 В ряде традиционных обществ церковь и государство сливаются воедино, как, например, в средневековом мусульманском обществе, но мы говорим о христианской Западной Европе, где церковь и государство взаимодействуют, но существуют раздельно.

5 Небольшой сегмент рынка существует и в этом обществе.

сдачи (хотя первичная раздача предполагает уже наличие ресурса, не созданного человеком, пример — раздача земли феодалам и их крестьянам). Сдача есть воспроизводство определенного ресурса, необходимого власти (и всему обществу в целом). Сдача — обязанность всех социальных групп, каждая из которых специализируется на определенном роде сдачи (например, крестьяне сдают сельскохозяйственную продукцию, для рыцарей главная сдача — участие в войне на стороне своего сюзерена и т. д.). Таким образом, в традиционном обществе социальная группа получает ресурс (материальные блага, привилегии, социальный статус) *для того, чтобы, используя его, выполнять свою обязанность перед государством и церковью (то есть для службы, так как сдача и есть здесь служба)*. Например, король раздает феодалам землю с крестьянами, чтобы крестьяне обеспечивали феодала и его семью материально, пока он выполняет воинскую службу королю, а также сдавали налоги государству.

Раздачи должны соответствовать сдачам (в сущности, можно раздать лишь столько ресурсов, сколько сдано). Поэтому важную роль здесь играет учет сдач и раздач, в том числе и их планирование, так, налагая на социальную группу обязанность сдать определенный ресурс, государство сразу оговаривает его количество, дабы обеспечить этим ресурсом всех тех, кто его получает в ходе раздачи.

Сдача ресурса государству (церкви) и его раздача государством (церковью) составляет суть жизнедеятельности традиционного общества. В сущности, в ходе раздачи такое общество и формируется как иерархия сословий (термин С. Г. Кордонского) — социальных групп, которые облечены определенными обязанностями (службой) перед государством и для исполнения этих обязанностей (службы) получают определенные привилегии, свободы, блага, проща говоря — ресурсы. Эти «сословия» могут не совпадать с историческими сословиями (аристократия, духовенство, бюргеры, крестьянство) и не обязательно должны быть наследственными, но и сословия традиционного архаического общества также возникают в результате раздачи ресурса государством (раздавая феодалам земли с крестьянами, король формирует сословие феодалов, раздавая городам привилегии самоуправления — сословие горожан и т. д.).

Каждое сословие борется за получение большей доли ресурса; конкуренция за ресурс перед лицом государства и есть аналог современной политики в традиционном обществе. Для того чтобы побудить государство скорректировать раздачу с учетом претензий того или иного сословия, существует институт жалоб (термин О. Э. Бессоновой). Жалобы здесь понимаются широко: это могут быть ходатайства, доносы, публичные выступления, просьбы ходочков и т. д.

Процесс сдач и раздач с обеспечивающими его социальными механизмами (служебный труд, плановая организация деятельности, институт жалоб) мы называем раздаток (термин О. Э. Бессоновой). Раздаток бывает трех видов:

- 1) *экономический* — раздаток материальных благ, необходимых для удовлетворения материальных потребностей;
- 2) *политический* — раздаток властных полномочий для поддержания в обществе порядка;
- 3) *социально-духовный* — раздаток социально-духовных благ, удовлетворяющих духовные потребности и способствующих стабильности общества.

Экономическая сторона раздатка исследована О. Э. Бессоновой⁶, которая на материале российской истории описала основные его принципы и институции. Однако ресурсным и раздаточным является не только российское, но и любое традиционное общество, в том числе таковым было и западноевропейское средневековое общество (хотя здесь раздаток имел свои особенности, которых не было ни в России, ни в странах Востока и которые затем и привели к превращению служебной собственности в частную и перерождению общества раздатка в общество рынка).

Политический и социально-духовный раздаток изучены пока крайне слабо.

Университет традиционного общества был включен в систему государственного и церковного социально-духовного, политического и экономического раздатка и в то же время сам выступал как субъект раздатка — как социально-духовного, так и экономического и политического. Поэтому предназначением университета была служба — церкви, обществу и государству — и внутри университета деятельность студентов и преподавателей рассматривалась как служебная. Именно для исполнения служебных обязанностей государство и церковь раздавали университетской корпорации привилегии, а корпорация, в свою очередь, раздавала определенные ресурсы преподавателям и студентам.

Какую же службу церкви, государству и обществу должны сослужить университеты с точки зрения средневекового мировоззрения? Это хорошо иллюстрируют слова короля Германии и Римского короля⁷ Альбрехта II (1397—1439) из его грамоты, подтверждающей привиле-

6 Она и ввела термин «раздаток»; С. Г. Кордонский употребляет термин «распределение», который, на мой взгляд, вряд ли удачен; ведь рынок тоже распределяет блага, но здесь иной, нераздаточный тип распределения.

7 Не признанного папой императора Священной Римской империи.

гии Венского университета: «Из всех благ, которые могут быть дарованы человеку в сей жизни, милостью всемогущего Бога, величайшие суть учение и искусство, ибо благодаря им указывается путь к святой и благой жизни, человеческий разум просвещается правильным познанием, воспитываются добрые нравы, укрепляется христианская вера, насаждаются справедливость и общая польза, лица самого низкого происхождения достигают высоких должностей и званий — Богу Всемогущему во славу, христианству на утверждение, всем верующим людям на благо, общей пользе и праву на поспешение, потомству на утешение»⁸.

Если перевести сказанное с цветистого языка Средневековья на современный сухой язык науки, пользу от университетов средневековое мировоззрение видело в следующем:

- 1) *в рациональном обосновании, утверждении и защите христианской веры, что, в свою очередь, предполагает «просвещение человеческого разума»;*
- 2) *в воспитании в духе благонравия посредством распространения просвещенного христианства;*
- 3) *в укреплении общественной справедливости, которая, в частности, выражается в том, что талантливые люди из низших сословий могут попасть посредством обучения в университете в высшие, иначе говоря, в ротации элит, компенсирующей недостатки общества с наследственными сословиями;*
- 4) *в удовлетворении потребностей общества в учителях семи свободных искусств (бакалаврах философии), а также в юристах, чиновниках, врачах и теологах.*

Перед нами обязанности средневекового университета перед церковью и государством (как его учредителями и покровителями), которые представляют собой сдачи. Очевидно, что университет мог осуществлять эти сдачи, потому что он был институцией, которая занималась хранением, классификацией и раздачей научного знания (специфики понимания научного знания в Средние века мы коснемся позже). Именно научному знанию (в средневековом смысле) государство, церковь и общество того времени приписывали способность защищать веру, воспитывать людей и приносить пользу обществу. Знание это рассматривалось как принадлежащее церкви, поскольку именно церковь решала, что может войти в корпус знаний, освященных традицией, а что нет, и зна-

8 Суворов Н. С. Средневековые университеты. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — С. 95—96.

ния эти были главным ресурсом, который давался в распоряжение университетской корпорации церковью. С этим ресурсом было связано важнейшее право университетской корпорации — это право на занятия наукой и преподавание, без которого университет переставал быть университетом. Если до возникновения университетов кто угодно мог заниматься комментированием текстов и обучением желающих, то после того, как церковь и государство учреждают университеты, последние практически получают монополию на научную и высококвалифицированную учебную деятельность.

Следующая привилегия университетов — *право на возведение в ученую степень*. Церковь решала, что является истинным знанием, которое способно просветить человека, укрепить веру, утвердить в обществе благонравие и справедливость, а университетская корпорация могла решать, кто достоин хранить и использовать это знание. Подробно систему университетских ученых степеней мы рассмотрим, когда речь пойдет не о церковно-государственной, а о собственно университетской раздаче.

Еще одна важная привилегия, которая давалась университетам, — *неподсудность местным властям и наличие собственных законов*. Члены университетской корпорации не принадлежали к городу, на территории которого находился университет, они имели собственное «академическое гражданство» (причем к академическим гражданам относились не только студенты и преподаватели, но и, например, их слуги, книгопродавцы и даже владельцы таверн, находившихся на территории университета). Университет располагал собственным судом, имел собственные законы и даже собственную тюрьму (карцер). Академические граждане находились под защитой папы и императора и подчинялись только им, но не местному бургомистру и даже не королю. Как правило, высшей судебной инстанцией для них был ректор, которому поручалось разбирать не только дела, касающиеся внутриуниверситетской дисциплины, но и гражданские, и даже уголовные дела.

Привилегия эта была необходима университетам, потому что они представляли собой сообщества чужеземцев, съехавшихся со всех концов западнохристианского мира в какой-либо город. Между горожанами и академическими гражданами возникали конфликты, причем попытки их урегулировать силами местных властей и по местным законам, бесспорно, в конце концов привели бы к угасанию университетов. То же самое можно сказать и о следующей привилегии — *освобождению университетов от гражданских и церковных повинностей*. Государство даровало членам университетской корпо-

рации освобождение от воинской, милицейской, постоянной и других повинностей, которые распространялись на жителей городов, где находились университеты, и от местных налогов. Вместе с тем церковь также освобождала тех священнослужителей, которые входили в университетские корпорации, от обязанности резиденции, то есть службы в том приходе, где укажет епископ. Легко догадаться, что без этого существование университетов просто было бы невозможным, так как большая часть преподавателей и студентов в Средние века были людьми духовного звания и без этой свободы они были бы вынуждены покинуть университет и отправиться в свои приходы. Что же касается освобождения от государственных и городских повинностей, то выполняя их преподаватели и студенты — не осталось бы времени для учебы.

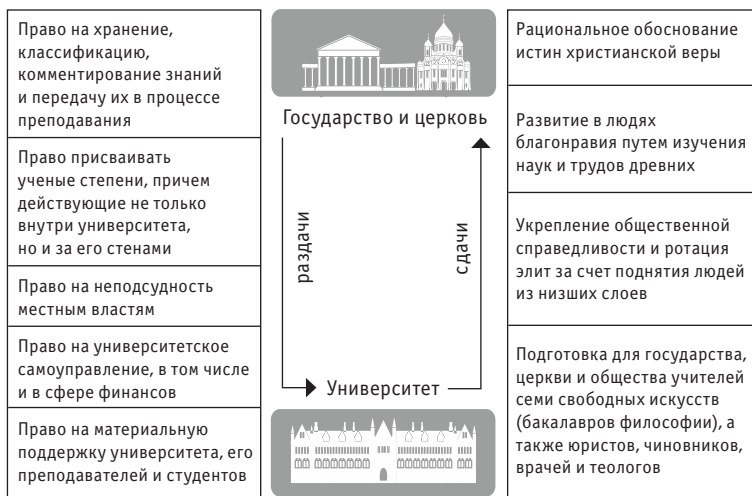
Следующая привилегия — *выдача материальных благ преподавателям, студентам и всей университетской корпорации*. Преподаватели могли получать от Папы Римского бенефиции, то есть назначение в приход, где за них служил викарий, а они получали доход, находясь на университетской должности. Кроме того, светские владыки или власти городов могли назначать профессорам жалованье. Те же из преподавателей, кто был лишен и того и другого, получали от государства право на «кормление от студентов», то есть право взимать с них гонорары за лекции.

Что же касается студентов, то их учебу, проживание, питание могли оплачивать за счет стипендий от церковных или светских властей, они могли жить и учиться за счет монашеского ордена, если к нему принадлежали, и т. д.

Как уже говорилось, государство могло обеспечивать материальным ресурсом и всю университетскую корпорацию. Это выражалось в том, что государство даровало университетам земли с крестьянами, с тем чтобы университет мог распорядиться доходом от них для обеспечения всем необходимым для жизни и учебы бедствующих преподавателей и студентов. С этим была связана еще одна привилегия — *право на самоуправление и на распоряжение финансами*, получаемыми и от собственных университетских земель, и от платы за преподавание, взимаемой со студентов. Это право было общим для всех средневековых корпораций: государство в эту эпоху не вмешивалось во внутренние дела корпораций, требуя лишь лояльности и исполнения обязанностей.

Такова была раздача государством и церковью прав и привилегий университетским корпорациям. Изобразим ее при помощи схемы 1.

Схема 1. Сдачи и раздачи средневекового университета в целом

Но, как мы уже говорили, корпорации сами занимались раздачей определенных ресурсов своим членам.

Прежде всего, речь идет о *таком ресурсе, как научное знание*. Университет — это образовательное учреждение, цель которого — передача научных знаний от преподавателей студентам. Но для того, чтобы передать научные знания, их нужно иметь. Именно поэтому в современном университете совмещены преподавание и исследование: преподаватель как исследователь добывает знание, а как собственно преподаватель — передает его студентам. *Однако особенностью средневековой науки являлось убеждение, что знание добывать не нужно*. Христианство, как и любая другая религия Откровения, провозглашает, что истина человечеству уже дана самим Богом и содержится она в Священном Писании — Библии, а также в творениях отцов церкви, которые в силу своей святости являлись лучшими комментаторами Священного Писания. Более того, в Средние века считали, что и в науках, которые непосредственно не восходят к Священному Писанию и опираются на естественный человеческий разум (например, в философии, физике, медицине), дело обстоит схожим образом. Общая установка средневековой цивилизации, как и любой традиционной цивилизации, состояла в восприятии истории как регресса. Средневековый человек считал, что все лучшее уже позади, когда

жили мудрые и высоконравственные предки, их же развращенным и выродившимся потомкам (пусть и просвещенным светом христианства) остается только хранить в чистоте переданную им традицию. Исходя из этого, средневековые ученые были убеждены, что и в области профанных наук высших своих результатов естественный человеческий разум также уже давно достиг — еще в эпоху античности, когда жили великие гении: Платон, Аристотель, Гален. *Христианским ученым остается лишь выяснить, что из наследия античной науки соответствует христианскому мировоззрению и должно быть сохранено, а что не соответствует и должно быть отброшено.* Такова, например, была позиция Фомы Аквинского по отношению к Аристотелю, которого он называл просто «Философ» и считал, что его учение — вершина естественной философии.

Итак, ученым, с точки зрения средневековой науки, не нужно добывать новое оригинальное знание (так же как средневековым ремесленникам не нужно создавать новые, оригинальные, ранее не существовавшие вещи). Оригинальность, напротив, вызывала подозрение и отторжение. М. Мак-Люэн отмечал, что в Средние века понятие авторства было очень размытым, ученый мог приводить в своем трактате огромные отрывки из других трудов без ссылок⁹. Это объясняется не только техническими особенностями создания средневековых книг, на что обращает внимание М. Мак-Люэн, но и самим пониманием знания как ресурса, который не принадлежит отдельным индивидам, а, по сути, является частью данной от Бога (либо через Откровение, либо непосредственно нашему разуму) истины, которой люди лишь могут распоряжаться. И, как уже говорилось, именно церковь как институт, который воспринимался как посредник между Богом и людьми, давала возможность ученой корпорации распоряжаться этим знанием.

Цель средневековой науки — хранить освященное традицией знание, классифицировать его и развяснять, дабы оно было понятным современникам и потомкам, сохраняло для них актуальность, отвечало их повседневным нуждам. Ученый Средневековья — не исследователь, а эрудит, классификатор и комментатор. И таких комментаторов и готовил средневековый университет.

Фактически университет был типичной средневековой корпорацией наподобие цеха ремесленников (как отмечает Ж. ле Гофф, «университет» и переводится как «объединение» и средневековые тексты

.....
 9 См. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. с англ. И. О. Тюриной. — М.: Академический Проект, 2013. — 496 с.

содержат упоминание об «университетах», то есть сообществах горожан¹⁰). Подобно любой другой корпорации, университет состоял из мастеров (магистров и докторов), подмастеров (бакалавров) и учеников (школяров, студентов), видел свою цель во взаимопомощи, предполагал обучение подмастеров и учеников и своеобразные испытания в виде изготовления «шедевров» — диссертаций. Мастерство же, которому обучались в университете, — это комментирование текстов (от Священного Писания до сочинений Галена¹¹).

Итак, научные знания в Средние века рассматривались как ресурсы — в основе своей неизменные, конечные и не являющиеся интеллектуальной собственностью ни одного из ученых. Ресурсы эти принадлежали церкви, которая решала, что входит в освященный традицией свод знаний, а что нет, и которая могла запрещать преподавать в университетах определенные книги (так, в XII веке епископ Парижа запретил преподавать на философском факультете Сорбонны «Метафизику» Аристотеля)¹². Преподаватели просто распоряжались этими ресурсами, получив такое право от университетской корпорации, а через нее — от церкви. Процесс обучения состоял в раздаче этих ресурсов студентам. Это была главная задача, которую осуществляла корпорация преподавателей по отношению к студентам.

В средневековом университете преподавались не отдельные научные дисциплины, а книги. Считалось, что по каждой науке есть книга какого-либо автора, в которой исчерпывающе решены вопросы этой науки (например, в философии — «Метафизика» Аристотеля). Как сказал об этом Роджер Бэкон, «если некто знает текст, он знает все, что относится к науке, о которой толкует этот текст»¹³. Каждый преподаватель был знатоком какой-либо книги: библейской Книги Бытия, «О граде Божьем» Августина Блаженного, «Метафизики» Аристотеля (на теологических факультетах преподавателей так и называли — по названиям книг, которые они преподают: библеисты (читающие Библию), сентенциарии (читающие «Сентенции» Петра Ломбардского) и т. д.). Статус преподавателя зависел от статуса книги: профессор,

10 См. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / Пер. с франц. А.П. Поповой. — СПб.: Александрия, 2007. — 400 с.

11 Средневековая медицина была теоретической наукой, долгое время практикующих врачей («хирургов») не допускали в университеты, считая их низшей корпорацией, грубыми ремесленниками.

12 Как видим, свобода преподавания не входила в число широких свобод и привилегий, которые имели средневековые университеты.

13 Средневековые университеты [Электронный ресурс]. URL: http://stud.ibi.spb.ru/164/gamamih/html_files/sv_univer.htm (дата обращения: 19.01.2014).

читавший по «Метафизике» Аристотеля, ценился выше и получал больше, чем профессор, преподававший идеи «Этики» того же автора. На лекциях эта книга читалась и разбиралась (о чем и говорит само латинское слово «лекция» — чтение) преподавателем. При этом книга разделялась на несколько частей, и каждая лекция была посвящена определенной части, так что прочтение и разбор всей книги могли занять и несколько месяцев, и год.¹⁴

Таким образом, лекция была буквально передачей ресурса «научное знание». Университетские статуты требовали от ординарных профессоров, чтоб они комментировали изучаемое произведение (с введением, где указывалось место текста в системе средневекового знания, и глоссами, где разбирались возражения против идей автора)¹⁵, а не просто диктовали его студентам. Но, как утверждают историки, это требование сплошь и рядом нарушалось и лекции представляли собой диктовку, тем более что книг до изобретения книгопечатания не хватало, и студенты не могли следить по книге за рассказом лектора за неимением таковой.

Экстраординарные профессора, читавшие лекции после обеда и по праздникам и занимавшие более низкую ступеньку в университетской иерархии, были освобождены от этого требования и на лекциях законно занимались диктовкой.¹⁶

Итак, преподаватель получал от церкви научные знания в процессе раздачи (ведь именно церковь в лице местного епископа решала, что можно преподавать, а что нельзя; какие книги включены в состав разрешенного знания, а какие нет), преподаватель их раздавал студентам. Сдачей для него был сам преподавательский труд, который представлял собой обязанность преподавателя перед корпорацией. Получив от корпорации ученую степень бакалавра, магистра или доктора в ходе еще одной важнейшей университетской раздачи, преподаватель одновременно получал обязанность вести лекции на данном факультете в течение как минимум года, как максимум трех лет. Корпорация контролировала работу преподавателя: от него требовалось, чтобы он дочитал курс до конца за указанный срок, а если он этого не делал, то его ждал штраф. В Болонском университете преподаватель в начале курса вносил в фонд факультета денежный залог, при этом он обязывался на каждой лекции читать определен-

14 Суворов Н. С. Средневековые университеты. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — С. 192.

15 Суворов Н. С. Указ. соч. — С. 193.

16 Суворов Н. С. Указ. соч. — С. 189—191.

ную часть книги; если же он не укладывался в график, штраф изымался из залога. В некоторых немецких университетах были особые факультетские служители — визитаторы, которые следили за тем, выполняет ли преподаватель учебный план. Штрафовался преподаватель и за опоздания и пропуски лекций. В то же время корпорация контролировала и содержание его лекций: оно должно было отвечать университетскому статуту. Иногда, если в университете господствовало одно направление (например, номинализм), преподавателям запрещалось проповедовать идеи противоположного направления.

Полноправный преподаватель (магистр или доктор, работавший в университете много лет) мог сам выбирать, по какой книге ему читать (хотя, как мы выяснили, как читать — указывала ему корпорация). Но преподаватель, только что получивший ученую степень, получал от корпорации поручение читать определенные книги в определенное время (как правило, от 2 до 4 лет). При этом бакалавру поручались экстраординарные лекции, магистру и доктору — ординарные. *Налицо планирование принудительного труда преподавателя, которое является такой же неотъемлемой чертой образовательного раздатка, как сдачи и раздачи.*

Труд студентов также носил принудительный характер. Студенты были обязаны посещать лекции, иначе их ожидал штраф или даже недопущение к экзамену. В ряде университетов студент должен был получить от профессоров письменные свидетельства, что он прослушал их лекции. Преподавателями составлялись списки присутствовавших на лекциях и семинарах студентов, иногда особые служители приходили и проверяли их присутствие.

Студенты могли выбирать себе преподавателей, но только если речь не шла об обязательных книгах (для теологов это была Библия, для медиков — Гален и Гиппократ, для философов — Аристотель и Порфирий). Слушание обязательных книг студент не должен был пропускать.

Сдача для студентов — это не только посещение лекций, но и работа на семинарах. На семинарах в средневековом университете студенты отвечали на вопросы по тексту, то есть демонстрировали знание и понимание той книги, которую на лекции им читал преподаватель. Еще одной формой сдачи был диспут — излюбленное занятие в средневековом университете. Диспут был усложненной формой семинара. Там разбирался вопрос, который затрагивается в какой-либо ученой книге, причем требовалось рассмотреть все точки зрения, выявить возражения сторон и доказать правоту одной из них.

Для этого требовалось хорошее знание текстов (включая знание значительного количества отрывков наизусть) и умение пользоваться методами формальной логики.

Диспуты разделялись на ординарные и экстраординарные (как и лекции). Ординарные диспуты и проводились не реже раза в неделю. В предпраздничные дни проводились экстраординарные диспуты — между учениками разных магистров или самим магистрами.

Те, кто принял участие в определенном количестве диспутов (6 у своего магистра и 3 общеуниверситетских), допускались к экзамену в форме ответов на вопросы коллегии во главе с деканом и к следовавшему за ним публичному диспуту. В случае успеха студент получал степень бакалавра.

Тут мы подошли еще к одной важной задаче. *Если по отношению к студентам корпорация занималась раздачей знания, то по отношению к преподавателям — раздачей ученых степеней (лишь низшая степень — бакалавр — присваивалась студентам).* Университетская корпорация, состоящая из полноправных преподавателей (докторов и профессоров), могла возводить в ученую степень и тем самым даровать право на преподавание в университете, которое имели обладатели степени, а также право на занятие государственных должностей (бакалавры философии имели право на преподавание на своем факультете и на занятие должностей учителей, чиновников и т. д.). Степени имели градацию: ниже всех была степень бакалавра, потом — лиценциата, получавшего *licentia docendi* — право на преподавание, но к преподаванию пока не допущенного, потом — степень магистра (на философском факультете) и доктора (на всех остальных). Переход от степени к степени осуществлялся посредством сдачи экзамена профессорам — членам данной корпорации, но степени имели признание на всей территории Священной Римской империи. Показательно, что статус лиценциата давался канцлером, который представлял в университете власть епископа (тогда как возведение в магистерское и докторское достоинство было уделом корпорации).

Без такого права невозможно было ни функционирование университета, где должны быть наряду с учащимися и преподаватели, ни общественная жизнь. Надо заметить, что большая часть студентов довольствовалась получением степени бакалавра философии и покидала университет, те же, кто шел дальше, сначала становились магистрами философии, а затем проходили путь от школяра до доктора на высших факультетах (*поэтому средневековый университет правильнее назвать не корпорацией студентов и преподавателей, а корпорацией студентов-преподавателей, то есть лиц, являющихся одновременно студентами на*

высших факультетах и преподавателями на философском). Университетские преподаватели также могли приносить пользу обществу не только своим научным и преподавательским трудом. Преподаватели медицинского факультета имели исключительное право на лечение больных, преподаватели теологии занимались духовной цензурой книг, преподаватели юридического факультета имели право осуществлять судебные функции в составе факультетской корпорации (это право имели кроме них лишь император и князья). Таким образом, университет выполнял свою обязанность предоставлять обществу специализированные услуги, в которых оно нуждалось, а кроме того, осуществлял функцию вертикальной социальной мобильности и защиты христианской веры. При этом высшее образование расценивалось не только как сумма знаний и умений, необходимых для выполнения какой-либо работы, но и как правовой статус, даруемый государством и церковью (через университетскую корпорацию) и обеспечивающий нахождение на определенном уровне общественной иерархии. Получается, что университетская корпорация занималась и раздатком высшего образования как правового статуса.

Университет — не только научная и образовательная, но и воспитательная организация. В этом плане задача была довольно сложной. Фактически преподаватели и старшие студенты тут раздавали новичкам «неявное знание» (термин М. Полани) о том, каким должен быть студент-философ, студент-теолог, студент-медик, студент-юрист. Задача состояла не столько в вербальном обучении — речь ведь идет о неявном знании, которое нельзя формализовать, а в демонстрации этого знания на собственном примере с целью стать объектом подражания со стороны новичков. Подражая старшему студенту и преподавателю, студенты интуитивно схватывали негласные, не произносимые вслух правила поведения члена этой корпорации. За нарушения этих неписаных, да и писаных правил студент мог понести наказание — от порицания до помещения в карцер.

Сдача студента состояла в таком поведении, которое рано или поздно должно было превратить его в полноценного члена корпорации.

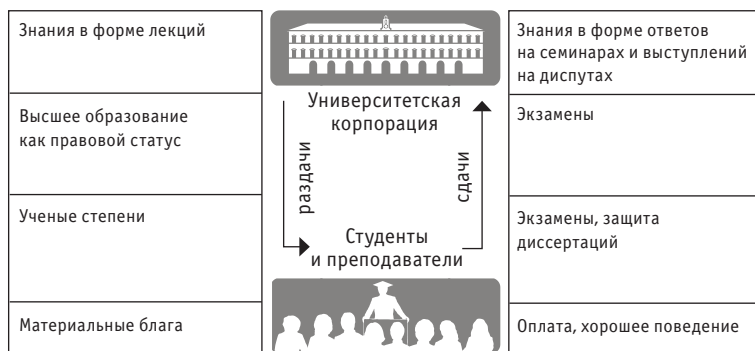
Кроме того, прививались, конечно, и качества идеального человека (с точки зрения средневекового мировоззрения). Для средневекового общества это такие качества, как набожность, широкие познания, уважение к авторитетам и следование им во всем, низкая оценка оригинальности, творческой склонности в современном смысле, осуждение стремления присвоить себе знание как гордыни. Культивирование в людях именно таких качеств было связано с восприятием научных

знаний как церковного ресурса и раздаточной формой обучения в университете.

Университетская корпорация, конечно, раздавала не только знания и хорошие манеры, но и более ощутимые материальные блага. Преподавателям, которые были лишены церковных бенефиций и государственного жалования, она предоставляла возможность «кормиться со студентов», то есть взимать с них плату за занятия. С другой стороны, студентам, которые представляли доказательства своей бедности, она разрешала эту плату не вносить или вносить в меньшем размере.

Мы уже говорили, что для раздатка необходим и механизм обратной связи, каковым является тут институт жалоб. Это верно и для такой формы раздатка, как образовательный университетский раздаток. Студент здесь должен иметь возможность высказать свое мнение о квалификации преподавателя и повлиять на его назначение или снятие с должности, иначе будет невозможно контролировать работу преподавателя. В Средние века эта возможность реализовывалась через органы самоуправления университета, куда студенты входили как члены корпорации, в частности через университетский суд. Известны случаи, когда студенты подавали в суд на ректора и выигрывали дело. Студенты через суд или органы самоуправления корпорации могли даже изгнать негодного преподавателя. Преподаватели также могли жаловаться на несправедливое, по их мнению, распределение ресурсов со стороны корпорации.

Схема 2. Раздачи университетской корпорации ее членам и сдачи членов самой университетской корпорации (Средние века)

Суммируем раздачи университетской корпорации ее членам и сдачу членов самой университетской корпорации в схеме 2.

Подведем итоги. В Средневековье господствовало общество традиционного типа, все стороны жизни которого были пронизаны церковным и государственным раздатком для осуществления служения. Характер службы зависел от социального положения, но служили церкви и государству в Средние века все, человек, исключенный из служебной иерархии и предоставленный сам себе — свободный в современном смысле слова — был презируемым изгоем (как, скажем, прокаженный).

Университет как корпорация, занимающаяся хранением, систематизацией, комментированием и передачей знания, был и объектом этого раздатка, и его субъектом. От церкви университет получал самое главное, без чего он бы просто не смог существовать: знания, освященные традицией, которыми он уже распоряжался под контролем руководителей церкви (прежде всего, местного епископа). Собственно, университет и был учреждением, которое монополизировало легальную раздачу знаний, благотворное воздействие которых признавалось обществом.

От государства университет получал целый ряд привилегий, делавших возможным его нормальное функционирование: право на независимость от местных властей, финансовую поддержку преподавателей и студентов, право на внутреннее самоуправление, право на возведение в ученую степень. Все эти привилегии позволяли университету выполнять свои обязанности перед церковью и государством: сохранять научные знания, защищать христианскую веру, предоставлять обществу специалистов по семи свободным искусствам, теологии, медицине и юриспруденции, воспитывать людей в соответствии с идеалами и ценностями этого общества.

Сама корпорация тоже занималась раздачей — знаний студентам (через лекции и семинары), ученых степеней преподавателям, права на кормление преподавателям и материальной помощи студентам (в виде отмены оплаты за лекции или содержания в коллегиях). Сдачей студентов и преподавателей был учебный и педагогический труд, который был принудительным и организованным плановым образом. Студенты имели право жаловаться на преподавателя корпорации, что позволяло бороться с низким качеством преподавания, преподаватели также имели право жалобы.

Итак, средневековый университет был практически полностью раздаточным университетом, который только и был возможен в таком служилом, практически полностью раздаточном обществе, как средне-

вековое. Обозначим этот тип высшего образования как **традиционный образовательный раздаток** (так как он существует в традиционном обществе и предметом раздатка является традиционное знание).

Крах этого общества привел и к кризису средневекового университета.

1.3. УНИВЕРСИТЕТ МОДЕРНИСТСКОГО ОБЩЕСТВА (ГУМБОЛЬДТОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ): ОБМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ РАЗДАТКЕ

В XVI—XIX веках в странах Запада произошли революционные изменения всех сторон общественной жизни — экономической, политической, социальной. Конечно, они не могли не отразиться на университетах. Университеты старого типа перестали отвечать требованиям нового общества, они стали угасать и превратились в объект нападок со стороны идеологов Просвещения, которые видели в университетах отживший атрибут феодализма и противопоставляли им специализированные профессиональные высшие школы. Вероятно, университеты совсем бы исчезли, если бы в Германии XVII—XIX веках не был создан *модернистский гумбольдтовский исследовательский университет*, который совместил в себе старую форму с новым содержанием.

Но, прежде чем говорить о нем, обратимся к тем преобразованиям, которые произошли в обществе в Новое время, и рассмотрим модернистское общество. Разумеется, это модель, которая в исторической реальности в чистом виде никогда не существовала. В реальности структуры модерна сосуществовали с остатками общества традиционного типа, и это в полной мере касается и гумбольдтовского университета. Однако изучение модели модернистского общества поможет нам понять и реальное постсредневековое европейское общество. Его суть легче схватить, указав на его качественные отличия от общества традиционного. Традиционное общество строилось, как мы говорили, на постоянном воспроизведении образцов — знаний, ценностей, моделей поведения, технологий, которые в совокупности составляют освященную религией традицию. Практически все производимые в этом обществе материальные и духовные ценности (за небольшим исключением), а также природные вещи, необходимые

для человеческой жизнедеятельности (земля, вода, полезные ископаемые и т. д.), рассматривались не как собственность отдельных лиц (частная собственность), а как принадлежащие сверхъестественным существам или существу (Богу, богам, небесным покровителям, мифологическим предкам), от имени которых все это раздавалось церковью или государством по социальным группам для выполнения ими служебных обязанностей¹⁷. Почти все здесь являлось предметом раздатка и, значит, являлось ресурсом. Более того, никакого другого способа распределения материальных и духовных ценностей в рамках такого восприятия мира и не может быть: если отдельным людям не принадлежит то, чем они пользуются, то они не могут легально без разрешения государства (или другой высшей инстанции) приобретать что-либо и обмениваться чем-либо с другими. Важно также учитывать, что ресурсов производится в этом обществе ограниченное количество, имеет место не производство все новых и новых материальных и духовных ценностей, а именно *воспроизводство* определенного количества ресурсов, которое признано достаточным для обеспечения потребностей членов данного общества (вспомним, что так и обстояло дело со знаниями в средневековом университете: там не производилось новое знание, а воспроизводилось ограниченное количество готового знания, которое в лучшем случае по-новому классифицировалось и снабжалось объяснениями, облегчающими его потребление в изменившихся условиях).

Модернистское общество объявило религию частным делом каждого человека и тем самым отвергло традицию как институт, организующий воспроизводство ресурсов для всего общества и создающий необходимые условия для их раздачи. Материальные и духовные ценности теперь рассматриваются как частная собственность, то есть как принадлежащие конкретным индивидам. Это касается не только предметов, производимых человеком, но и природных вещей, необходимых для жизнедеятельности и производства (земли, воды, полезных ископаемых, рабочей силы).

Изъятие материальных и духовных ресурсов у государства, церкви, общин и передача их в частную собственность исключает раздаток, ведь для раздачи нужно, чтоб ресурсами распоряжался стоящий над

17 Показательно, например, убеждение русских крестьян, которое стояло за идеологией «черного передела»: «земля — Божья, а распределять ее по крестьянским "мирам" должен царь»; см. об этом: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: В 2-х кн. — М.: Алгоритм, 2001.

людьми властный институт (государство, церковь, профессиональная корпорация и т. д.).

В силу этого в модернистском обществе на место раздатка приходит обмен, а на место ресурса — предмет обмена (частная собственность). В идеальном модернистском обществе все, что имеет ценность (произведено ли это человеком или является природной вещью), превращается в частую собственность, которая обменивается на другую эквивалентную ей частную собственность. В реальности раздаток в этом новом обществе сохраняется, поскольку здесь продолжает существовать государство, которое по природе своей — раздаточный институт и которое продолжает осуществлять раздачи. Во-первых, государство раздает права и обязанности своим чиновникам для исполнения ими их служебной деятельности. Государство эпохи модерн — это армия служащих (и гражданских, и военных), которые разделены на ранги и получают те или иные ресурсы в зависимости от положения на иерархической лестнице. Кроме того, государство осуществляет раздачи обществу, при помощи которых задаются правила обмена. Так, одной из главных задач классического модернистского государства (либерально-демократического государства XVIII—XIX веков) является раздача прав гражданства. Первые либеральные демократии были цензовыми демократиями. Полноправными гражданами в них, имеющими право избирать и быть избранными, являлись лишь состоятельные люди, чей доход был не ниже определенного минимума¹⁸. Классы (богатые и бедные) формировались в результате рыночных операций, но наделение членов класса политическим привилегиями — прерогатива государства.

Однако при этом государство создает условия для функционирования гражданского общества, но далее в его деятельность не вмешивается. Отношения в гражданском обществе строятся уже не на принципе раздатка, а на принципе обмена¹⁹.

Обмен имеет существенные отличия от раздатка. Представим это в форме таблицы 1.

.....

18 Так, в Великобритании до начала XIX века имущественный ценз составлял 10 фунтов стерлингов годового дохода, который приносила либо земля в графстве, либо жилое строение в городе.

19 Мы не берем в расчет филантропические организации гражданского общества, например организации, помогающие бездомным, жертвам разного рода насилия, наркоманам, алкоголикам и т. д.

Таблица 1. Обмен и раздаток: сравнительная характеристика

Обмен	Раздаток
Материальные и духовные ценности существуют не в виде государственных ресурсов, а в виде частной собственности. Обмен возможен только лишь между владельцами частной собственности; если предмет обмена принадлежит не его участникам, а третьему лицу (скажем, государству), то обмен незаконен.	Материальные и духовные ценности существуют в виде государственных ресурсов. В идеале легальный обмен здесь невозможен (возможен он только в виде нецелевого использования служебной собственности), так как отдельным индивидам ничего не принадлежит, они лишь распорядители государственной собственности.
Стороны, участвующие в обмене, равноправны.	Между ресурсодателем и ресурсополучателем существуют неравноправные иерархические отношения.
Стороны, участвующие в обмене, имеют свободу деятельности, ведь обмен не состоится, пока стороны добровольно на него не согласятся.	Деятельность ресурсодателя и ресурсополучателя носит характер обязательств и контролируется извне. Человек как объект раздатка обязан получить выделенный ресурс, он может лишь пожаловаться на несправедливость раздачи. Государство тоже обязано его обеспечивать «всем, что положено».
Целью является взаимная выгода, то есть в результате обмена потребности обеих сторон (материальные или духовные) должны быть удовлетворены; при этом выгода каждой из сторон в идеале превышает понесенный ею ущерб.	Цель — не личная, а общая выгода, раздаток — механизм выживания всего общества в целом; для отдельных членов этого общества, а иногда и для государства раздаток может быть и невыгодным.
Существует некоторое мерило (эквивалент), благодаря которому обмен становится равноценным, эквивалентным. Если даже этого мерила нет, то есть интуитивное представление соразмерности обмениваемых ценностей.	Эквивалента, мерила между предметами раздатка в самой системе нет, он возникает лишь в системе нелегального, неформального обмена. Зато существует учет, так как для того, чтобы раздавать, нужно знать, каким ресурсом обладает на данный момент государство и какая его доля требуется каждому ресурсополучателю.
Между людьми наличествует конкуренция, которая рассматривается как постоянная норма. Ее необходимость проистекает из того, что: 1) участники обмена обладают свободой, следовательно, каждый может выбрать себе любого партнера для обмена и другие участники останутся ни с чем; 2) количество предметов, обладающих потребительской ценностью, всегда больше, чем требуют общественные потребности, так как предметы производятся не планомерно, а стихийно.	Конкуренция исключается как постоянная норма (хотя она возможна эпизодически), так как 1) в идеальном случае количество долей ресурсов точно соответствует количеству их получателей; 2) ресурсы распределяет государство, от индивида мало что зависит, и для него не имеет смысла претендовать на ресурс другого, конкурируя с ним; 3) ресурсы распределяются не по индивидам, а по сословиям, и если даже есть конкуренция, то не между людьми, а между сословиями.

Обмен, как и раздаток, бывает трех видов:

1) *экономический обмен, или рынок* — легальный обмен товаров (в частности, обмен товаров на такой универсальный товар, как деньги). Вряд ли нужно подробно раскрывать сущность этой разновидности обмена. Достаточно лишь добавить, что рынок в модернистском обществе чрезвычайно развит и играет важную роль: в этом обществе материальные и духовные блага добываются людьми преимущественно через рынок.

2) *Политический обмен* — легальный обмен властных полномочий. Он составляет суть механизма представительной либеральной демократии. Любая власть одного человека над другими, не санкционированная волей «народа», здесь считается незаконной. «Народ», или корпус голосующих граждан — избирателей (электорат)²⁰, здесь по закону объявлен сувереном, то есть носителем высшей власти, но в то же время сам «народ» эту власть осуществляет, передавая ее своим представителям — членам законодательной власти, которая в идеале устанавливает правила для исполнительной и судебной власти (политикам). Однако граждане при этом не «сдают» власть (то есть перед нами не «сдача»), а передают ее на определенных условиях — в обмен на соблюдение политиками их конституционных прав (защита жизни, собственности, политических свобод и т. д.), в противном случае договор между «народом» и политиками (государством) расторгается. «Народ» и государство рассматриваются как равноправные партнеры, совершающие сделку. Мерилом власти (политическим аналогом денег) являются голоса, определенное количество которых делает какую-либо партию или какого-либо кандидата сильнее или слабее. Конкуренция выражается в борьбе за голоса политических партий и кандидатов.

Перед нами именно обмен, структурно напоминающий экономический рыночный обмен, хотя и происходящий в иной, нерыночной области.

3) *Социально-духовный обмен* — легальный обмен идеальных ценностей. Не следует забывать, что в модернистском обществе не только материальные, но и идеальные ценности (такие как знания, умения, таланты и т. д.) рассматриваются как частная собственность, которую можно обменять на материальные или духовные блага. Например, но-

20 Напомним, что в обществе классического модерна государство не всех наделяет избирательными правами. Таким образом, при помощи раздатка государство создает «народ», но потом уже не вмешивается в отношения обмена между этим народом и избираемой им законодательной властью.

вую идею изобретатель может продать за деньги, и покупатель будет использовать ее как свою в коммерческих целях. Это очевидно. Менее заметен социально-духовный идеальный обмен, в котором деньги и другие материальные ценности не участвуют, однако на нем построена культурная жизнь модернистского общества. Скажем, известный певец «обменивает» свое исполнение на почитание его слушателями, каким бы забавным ни показалось это утверждение. Он учитывает ожидания, интересы своей аудитории и если не будет этого делать, то потеряет аудиторию (как продавец должен учитывать интерес потенциального покупателя). В развитом модернистском обществе существует и мерило популярности — рейтинг того или иного артиста (аналог денег в рыночной экономике). Артисты при этом вступают в конкуренцию, которая по своей жестокости не уступает конкуренции на рынке и которая обличает сходство модернистского искусства с рыночной стихией. Таким образом, социально-духовный обмен — это особый вид обмена, в котором участвуют творцы (художники, ученые, изобретатели идеологи и т. д.) и потребители созданных ими социально-духовных ценностей.

Итак, модернистское общество устроено так, что на всех его уровнях (экономическом, политическом, социально-духовном) действует один и тот же тип отношений — обмен, предполагающий передачу частной собственности от одного лица (группы) к другому лицу (группе) на основе взаимовыгодного договора. Однако на каждом конкретном уровне этот обмен имеет свою специфику, например, на уровне экономическом это обмен товаров, один из которых может быть универсальным товаром или деньгами (товарно-денежный обмен), на уровне политическом — обмен легитимной власти, которая принадлежит избирателям (электорату), на соблюдение их конституционных прав со стороны политиков, на уровне социально-духовном — обмен духовных ценностей на популярность, общественную значимость. Выразим это при помощи таблицы 2.

Таблица 2. Формы обмена в модернистском обществе

	Предметы обмена (частная собственность)	Участники обмена	Универсальный эквивалент
Экономический уровень	Товар и деньги	Товаровладельцы и покупатели	Деньги
Политический уровень	Власть и безопасность	Политики и избиратели	Голоса
Социально-духовный уровень	Социально-духовные ценности и популярность	Творцы (художники, ученые и т. д.) и потребители духовных ценностей	Рейтинг

Ни один из этих уровней не является базисом, детерминирующим надстройку (как учил марксизм). На каждом уровне все развивается лишь по свойственным ему законам, и если политик будет стремиться не к власти, а к деньгам, то он плохой политик, точно так же как певец, который стремится к деньгам, а не к совершенствованию в своем искусстве и к успеху у ценителей, — плохой певец. Но между уровнями существует структурное сходство; одна и та же структура, или один и тот же организационный принцип, пронизывают все уровни общества, на каждом конкретном уровне воплощаясь в специфическом содержимом. Такой метод исследования почерпнут нами у философа культуры А. Ф. Лосева, который в своем труде «История античной эстетики»²¹ проповедует именно это и показывает, как античная философия, ничуть не зависящая от античной рабовладельческой экономики, движимая стремлением к одной лишь философской истине, тем не менее воплощает в своих теориях тот же принцип, что и античное рабовладение, — принцип живого безличного тела.

Однако спецификой модернистского общества является не просто обмен, а такой, при котором движущей силой является стремление к приросту ценностей. Напомню, что в традиционном обществе господствовало стремление воспроизводить ограниченное количество ценностей, которых, как считалось в этом обществе, достаточно для нормальной жизни. *Модернистское общество — это общество, где во всех сферах жизни господствует стремление к приросту, прогрессу и таковой является мерилom успешности деятельности. Модернистская цивилизация «изобретает» творчество — не так, как оно понималось в античности и в Средние века — как воспроизводство образцов, а принципиально иначе — как создание нового, доселе не бывшего. На смену воспроизводству пришло производство все большего и большего количества материальных и духовных ценностей, причем не по готовым образцам, включенным в «сокровищницу Традиции» (идеалы, модели поведения технологии), а качественно новых, рассчитанных на новые потребности и создающих эти новые потребности.*

В экономической сфере жизни общества такой прирост тождествен возникновению самовозрастающей собственности — капитала. Этот процесс подробно описан Карлом Марксом, мы обрисуем его в общих чертах. Формула деятельности модернистской или капиталистической экономики — Деньги — Товар — Деньги (то есть деньги

21 Лосев А. Ф. История античной эстетики. — Т. 1. Ранняя классика. — М.: АСТ, 2000. — С. 46—47.

обмениваются на товар, а товар — на деньги с целью получения прибыли, которая снова вкладывается в товар). Легко заметить, что в эту формулу включен и обмен (для того чтобы получить прибыль, нужно купить товар и продать его). Но это не любой обмен, а лишь обмен, направленный на получение прибыли (а не на удовлетворение личных потребностей).

Ту же самую логику мы видим в политической и социально-духовной сфере капиталистического общества. Политик (в идеале) использует свою власть не для удовлетворения личных потребностей, а для удовлетворения потребностей избирателей, которые отдают ему все больше голосов, и политик в силу этого увеличивает свою власть (то есть получает политическую прибыль)²². Актер или писатель в этом обществе также стремится угодить своей публике, чтоб его популярность стала еще больше.

Прирост в любой сфере деятельности здесь рассматривается как критерий успешности. Если у капиталиста не растет капитал, а у артиста или политика — рейтинг популярности, то это для них плохой знак.

Таково модернистское общество. *Модернистский классический университет* представлял собой зеркало этого общества, где существовал и раздаток, и обмен, но эти две области были отделены друг от друга. Он был включен в систему социально-духовного, политического и экономического обменов этого общества (и в систему прироста), и в то же время в нем самом происходили все три типа обмена. *Вместе с тем он был связан и с государственным раздатком, по той простой причине, что университет по определению — корпорация, которая получает некоторые привилегии от властных инстанций.* Однако характер этих привилегий изменился. Средневековый университет пользовался правом самоуправления и независимостью от юрисдикции местных властей, вместе с тем свободы преподавания он был лишен: церковь контролировала, какие знания раздает университет и соответствуют ли они религиозной традиции. *Модернистский (гумбольдтовский) университет — государственное учреждение. Государство в лице министра образования подбирает кандидатуры для занятия в нем профессорских должностей, при этом сохраняя за ними право на возведение в степень и даруя свободу преподавания и учебы.* Ординарный профессор гумбольдтовского классического университета

22 При этом, в отличие от политического раздатка, интересы избирателей совершенно не обязательно совпадают с интересами всего общества и государства.

(полноправный член университетской корпорации) — это государственный служащий, получающий жалование из казны (немецкие профессора и по сей день имеют статус госслужащих). Более того, *государство распоряжается и финансами университета*; университетская корпорация, состоящая из ординарных штатных профессоров, и в этом лишена самостоятельности. Наконец, государство проверяет уровень подготовки выпускников университета посредством государственного экзамена, который принимают комиссии, состоящие не из профессоров университета, где учился выпускник, а из чиновников министерства и работников соответствующей области госслужбы (юристов, врачей, учителей).

Перед нами знакомые нам уже по обществу раздатка государственные раздачи университету, но только несколько модифицированные. Государство раздает:

- финансы корпорации в целом;
- право на преподавание;
- право на возведение в степень;
- право на академические свободы (свободу преподавания и учебы);
- статус госслужащих профессорам с соответствующим жалованием и льготами.

Университетская корпорация же в ответ выполняет определенные обязанности перед государством, которые можно охарактеризовать как сдачи.

Первая и уже описанная такая сдача — подготовка специалистов. Классический университет «сдает» государству специалистов-теологов, юристов и медиков, которые готовятся на трех так называемых «хлебных факультетах» (они получили в Германии такое название, потому что готовят представителей прикладных профессий, приносящих доход, в отличие от философского факультета).

Однако эта сдача не главная. *Модернистский университет был задуман его создателями (Фихте, Шлейермахером, Гумбольдтом) как научное учреждение.* Он отличается от узкоспециальных высших школ тем, что учит научному поиску. Причем речь уже не о средневековой науке, которая только хранит, классифицирует и комментирует освященные традицией знания, а о *новой модернистской науке* (образец которой — экспериментальное математизированное естествознание), *которая не утверждает, что обладает истиной, а, напротив, утверждает, что ищет истину.* Поэтому и преподаватель в модернистском университете — это не Учитель с большой буквы, имеющий ответы на все вопросы, а ученый-исследователь, который ищет истину совместно со своими студентами и в ходе этого учит их основам научного поиска.

Гумбольдт писал об этом: «...характерной особенностью высших научных учреждений является то, что они всегда обращаются с наукой как с еще не до конца разрешенной задачей и потому постоянно остаются в поиске в отличие от школы, которая имеет дело лишь с готовыми и окончательными знаниями и учит им»²³.

Итак, модернистский университет — прежде всего научное, а уж потом образовательное учреждение. Преподавание здесь соединено с исследованием (знаменитый принцип *die Einheit von Forschung und Lehre*), поэтому еще одна сдача, которая осуществляется модернистским университетом, — это подготовка ученых-исследователей (и вообще генерация нового научного знания). Поскольку же этос науки требует от ученых готовить себе смену, то ученые эти — одновременно преподаватели университета, которым корпорация за их «научную сдачу» — написание и защиту диссертации — раздает ученые степени; государство же «раздает» университетам самих обладателей этих степеней (замещая профессорские должности кандидатурами, подобранными министерством).

Однако новый университет готовил не только представителей новой науки. *Замысел Гумбольдта состоял в том, чтобы и те студенты, которые посвящают себя прикладной деятельности, должны были прикоснуться к духу чистой науки, обучиться критическому, адогматическому подходу к вещам, с тем чтобы затем начать обустроить свою жизнь на началах рациональности.* В этом и состоит идеал Просвещения, который еще Кант сформулировал как «мужество пользоваться своим умом», а не опираться на традиционные авторитеты. В этом и состоит отличие человека модернистского общества, который исходит из рациональных соображений даже в своем обычном поведении, от человека домодернистского традиционного общества, который во всем отталкивается от традиции, установленного предшественниками канона. *Иными словами, еще одна сдача нового университета — это подготовка не только специалистов и не только ученых, но и просвещенных людей, которые приближались бы к идеалу общества модерн, то есть были бы критически мыслящими рациональными индивидами. Университет, став воплощением универсального разума (Ж. Деррида), готовит членов гражданского общества, которое в немецкой традиции, в противоположность традиции англосаксонской, не противостоит государству, а дополняет его и сотруд-*

23 Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков. Антология М., 2011 — С. 511

ничает с ним. Немецкие мыслители, стоявшие у истоков нового университета, ставили перед собой задачу сделать при помощи мирных механизмов педагогики в Германии то, что во Франции удалось сделать лишь при помощи революции и террора, а именно осуществить переход от традиционного общества к модернистскому, от общества, где все основано на вере в традиционные ценности, к обществу, где все основано на рациональных, критически осмысленных взаимовыгодных договорах²⁴.

Причем подготовка просвещенных индивидов представляет собой именно образование через науку (*Bildung durch Wissenschaft*). Под наукой понимаются не только отдельные научные дисциплины, но и цельность научных знаний, общие принципы, единые для всех наук. Они и составляют содержание философии, которой отводится центральная роль в гумбольдтовском университете. Философский факультет здесь превращается из низшего, подготовительного, в главный, который призван собрать воедино все факультеты в единую корпорацию, как философия собирает воедино частные науки.

Наконец, нельзя не упомянуть и еще об одной *сдаче нового университета — воспроизводстве этнической нации как культурного единства, или, если выразиться точнее, воспроизведении национальной культуры*. Государство эпохи модерн — национальное государство, но парадокс состоит в том, что оно было не только политическим воплощением нации, но и в определенной мере ее создателем. Средневековый мир не знал наций в современном смысле, в нем сосуществовали самые разные этнические сообщества под крылом единой имперской государственности, которая не стремилась к культурной унификации подвластного ей пространства²⁵. Даже еще в XVIII веке предки жителей современной Германии не чувствовали себя представителями единой культурной общности: они говорили на разных диалектах, имели разную конфессиональную принадлежность, разных суверенов, разные представления об истории и современности. Немецкую нацию собрал из разрозненных субэтнотосов немецкий национализм, разлитый в литературе, философии, политических идеологемах, и немалую роль в его формировании и распространении сыграл гумбольдтовский университет. Как отмечал Билл Ридингс, гумбольдтовский университет стал главным институтом, помимо нуклеарной семьи, отвечающим

.....
 24 Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. Корбута. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — С. 106.

25 См. об этом Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. — М.: Прогресс, 1991. — 322 с.

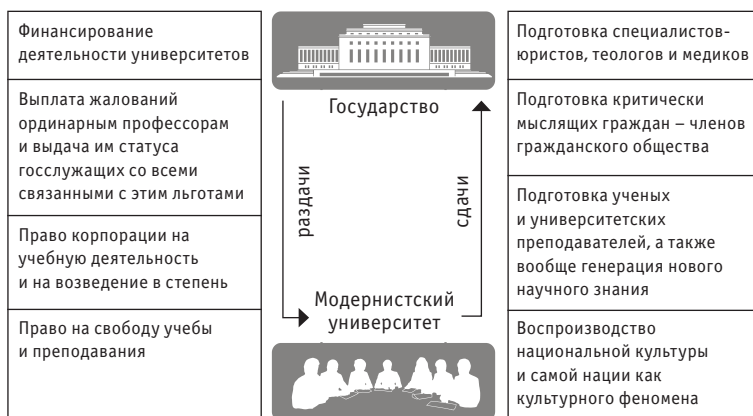
«за подготовку субъектов для национального государства модерна»²⁶. В немецкие университеты приходили баварцы, тирольцы, пруссаки, а выходили из них «общенемцы», представители единой немецкой нации, которые, в свою очередь, становились пропагандистами национализма (как формы насаждения национальной идентичности и средства скрепления людей в национальную общность) — в школах, в газетах, в стенах того же университета.

Как бы парадоксально это ни прозвучало, именно идеал цельной науки был залогом националистической миссии университета. Мы мало задумываемся над тем, что наука для идеологии национализма — такой же базис, как религия для средневековой имперской идеи. Именно развитие таких наук, как лингвистика и история, способствовали «изобретению наций» нациестроителями Нового времени. Наука на национальных языках вообще становится интегративным центром национальной культуры (поэтому Билл Ридингс и называет гумбольдтовский университет университетом культуры)

Таким образом, *модернистский университет — это одновременно и фабрика специалистов, и фабрика современной социальности, и фабрика знаний, и фабрика нации. Производимая этими фабриками «продукция» суть «университетские сдачи».*

Перечислим раздачи и сдачи в системе «государство — модернистский университет» в виде схемы 3.

Схема 3. Государственные раздачи модернистскому университету и сдачи университета государству

Как гласит теория раздатка, раздачи даются для осуществления определенных сдач. Государство финансирует классический университет, выдает статус госслужащих, жалование и места работы профессорам, дарует права на возведение в степень и на свободу учебы и преподавания, потому что это государство заинтересовано в развитии науки, получении высококвалифицированных специалистов и вообще людей просвещенных, граждан, а не просто подданных, и к тому же граждан, объединенных в политическую нацию. Перед нами модернистское государство, или государство Просвещения, которое видит свою цель в развитии гражданского общества и его идеалов, и корпус профессоров гумбольдтовского университета выступает как часть этого государства.

При этом обратим внимание: *государство в модернистском университете (не говоря о церкви, которая теперь давно отделена от государства) уже не раздает знания (как это было в средневековом университете). Иначе говоря, государственный раздаток уже не проникает внутрь учебного процесса, лишь как бы обложив университет снаружи. Это не случайность. В ходе научной революции Нового времени изменилось само понимание научного знания, и в новом своем виде научное знание плохо согласуется с раздатком*²⁷.

Прежде всего, *знание теперь — частная собственность. Оно с точки зрения человека эпохи модерн не принадлежит Богу и не дается ученым лишь в распоряжение, оно принадлежит самому ученому, который его сгенерировал, и даже связано с его именем (закон Ома, закон Ньютона и т. д.). Знание это воспринимается теперь не как Истина в последней инстанции, а как мнение, в котором в лучшем случае содержится лишь часть истины. Потому новая наука, чья цель — обрести истину, ориентирована здесь на умножение этих мнений, дабы умножить и элементы истины. Научное знание здесь не ресурс, который постоянно воспроизводится в одном и том же ограниченном объеме, скорее, оно напоминает капитал, потому что, как и он, постоянно возрастает и по природе своей стремится к бесконечному росту.*

Но капитал возрастает за счет того, что существуют пролетарии, которые продают свой труд капиталисту и производят, используя его средства производства, новую продукцию. Продав эту продукцию на рынке, капиталист получает прибавочную стоимость, часть которой он вкладывает в производство, тем самым открывая новый цикл самовозрастания капитала. В науке модернистского типа мы имеем

.....
²⁷ Хотя, как мы увидим позже, такое согласование в социальной реальности возможно.

полное структурное повторение этого процесса. Ученые здесь, как показал Томас Кун²⁸, разделяются на представителей нормальной и экстраординарной науки. Последние создают оригинальные теории и методы, которые открывают возможности для исследований новых сегментов реальности. Экстраординарные ученые в этом плане представляют собой «научных капиталистов» — владельцев парадигмы как средства производства. Однако в одиночку они не могут произвести много нового знания, даже с помощью метода и парадигмы. Для этого им нужны представители «нормальной науки», которые действуют в рамках общепринятой парадигмы и применяют теории экстраординарных ученых к конкретному материалу. Они «научные пролетарии», которые обречены при помощи орудия научного труда — парадигмы (общепризнанной образцовой теории) — создавать все больше и больше нового знания, которое будут связывать, прежде всего, не с их именем, а с именем создателя парадигмы. Нормальный ученый, таким образом, не имеет собственной оригинальной теории и использует чужую, подобно тому как рабочий не имеет собственных орудий труда и пользуется орудиями труда капиталиста. Пролетарий продает свою рабочую силу, а нормальный ученый — умение решать «головоломки», как это называет Кун (то есть решать проблемы, пользуясь уже известным методом).

Однако подобно тому, как капиталисту, чтобы получить прибыль, нужно продать произведенный пролетариями товар (то есть превратить его из вещной формы в денежную), и ученому нужно ввести произведенное знание в научный оборот. Для этого и предназначен научный обмен, структурно повторяющий в другой сфере общественной жизни товарно-денежный обмен. При этом он, конечно, не имеет прямого касательства к товарно-денежному обмену, это обмен социально-духовный.

Научный обмен состоит в том, что ученые приходят со своими новыми достижениями в журналы или на конференции, которые и являются площадками, где осуществляется научный обмен (как рынки — площадки товарно-денежного обмена). *Такой научный обмен считается легитимным и эквивалентным, если ученый, использующий достижения другого ученого, ссылается на его публикации и тем самым увеличивает его «интеллектуальный рейтинг», аналог денег в этой сфере* (знания как вид собственности в науке капиталистического общества исчислимы, и для этого существует наукометрия, одним из главных критериев при

28 См. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1975. — 288 с.

этом является индекс цитируемости — научный аналог денег, или, точнее говоря, уровня доходов индивида). Если ученый, не сославшись на другого, использует его наработки, это будет аналогично краже (собственно, это и будет кражей интеллектуальной собственности); такое поведение жестко осуждается и пресекается правилами научного сообщества. Отсюда, кстати, понятно, что Р. Мертон ошибался, когда утверждал, что наука предполагает социалистическое отношение к интеллектуальной собственности (так как ученый, согласно Мертону, должен делиться своими результатами, делать их общим достоянием). Это так, да не совсем: ученый отдает свои результаты в общее пользование научному сообществу не просто так, он хочет получить за это прирост своего рейтинга (своего «научного капитала»).

Итак, ученый — создатель нового знания — передает ученому-потребителю право на использование принадлежащего ему знания в обмен на цитирование труда ученого — создателя нового знания, опубликованного в журнале, оглашенного на конференции либо изданного в качестве научной монографии. Эта операция обмена права пользования знанием на ссылку аналогична **продаже** товара (товар обменивается на деньги, а знание — на ссылки, увеличивающие рейтинг, индекс цитируемости, своего рода «научные деньги»). То же, что совершает ученый — потребитель нового знания, аналогично **купле**.

В итоге «научный капиталист» получает рост своего авторитета, рейтинга, что привлекает к нему новых учеников, тем самым он расширяет и увеличивает свое производство нового знания. Что же получает «научный пролетарий»? То же самое, но в гораздо меньшей степени. Он приобретает статус ученого, человека, который умеет использовать научные методы и теории, который имеет определенное количество научных публикаций. В идеале он, конечно, тоже может накопить «научный капитал», приобрести учеников и стать главой собственной школы.

Конечно, при этом неизбежна конкуренция между учеными. Это следует из того, что в результате научных обменов рейтинг одних ученых увеличивается больше, чем других, тем самым одни выдвигаются на первые позиции, а другие признаются второстепенными и третьестепенными исследователями (так же как на рынке в результате операций купли и продажи одни становятся богаче, а другие беднее). Ученые, вырвавшиеся вперед, получают от научного сообщества многочисленные блага — от славы и признания до возможности сделать карьеру в научном сообществе: стать членом академии, войти в ее руководство, что уже связано с вполне материальными благами. Превращение знания в частную собственность порождает страх кражи

этой собственности, что еще больше обостряет конкуренцию между учеными и делает ее особо отвратительной: само возникновение науки нового типа, объявившей знания принадлежащими человеку, их сгенерировавшему, отмечено громкими судебными тяжбами, которые велись между выдающимися учеными того времени: Ньютоном, Гуком, Лейбницем. Эта конкуренция еще больше делает похожей науку нового типа на рынок.

В сущности, конкуренция и разделяет ученых на «научных пролетариев» и «научных капиталистов». Один побеждает в конкуренции и обретает славу и влияние, другой проигрывает и остается рядовым ученым. Изобразим процесс прироста научного знания и научного обмена в модернистской науке при помощи схем 4 и 5.

Схема 4. Прирост научного знания

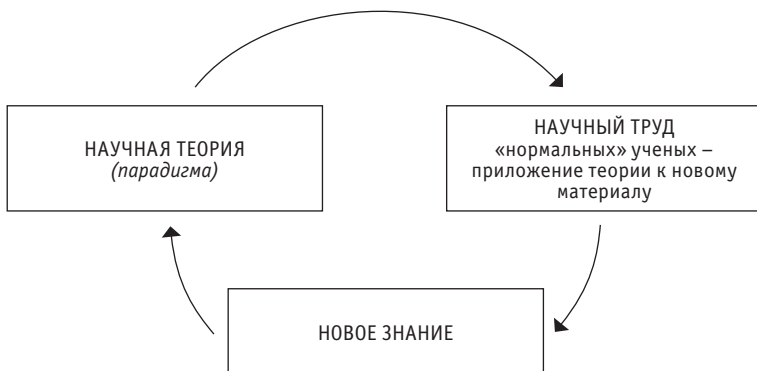
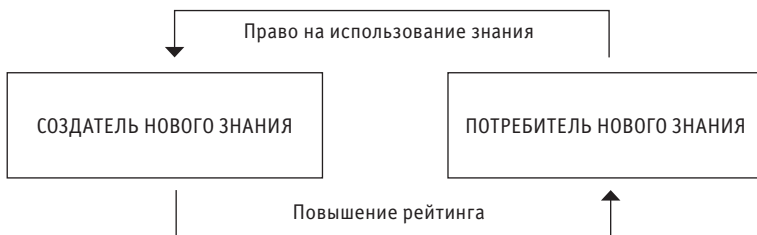

Схема 5. Научный обмен

Понимание этого раскрывает нам тайну гумбольдтовского университета. Его называют фабрикой научного знания, и это действительно так. Гумбольдтовский университет — прежде всего научное учреждение, главная цель которого — продуцирование нового научного знания и воспроизведение научного сообщества (все остальные его функции вторичны). Туда приглашаются не просто преподаватели, а оригинальные, известные ученые, то есть экстраординарные ученые, «научные капиталисты». Главными формами занятий становятся не лекция, а семинар — дискуссия после доклада на определенную тему — и работа в лаборатории под началом преподавателя. По сути, студенты здесь участвуют в научной работе преподавателя²⁹. Да и смысл лекций кардинально изменяется. Карл Ясперс так характеризовал лекции в гумбольдтовском университете: «В них (лекциях. — Р. В.) учебное знание излагается так, что для слушателя методы его получения и обоснования оживают в настоящем»³⁰. Иначе говоря, если средневековая лекция — раздача знания, то модернистская лекция — демонстрация производства нового знания (пример этого мы видим в лекциях Гегеля, которые опубликованы в его труде «Энциклопедия философских наук», бывшем изначально учебным пособием: по сути, Гегель демонстрирует там, как, используя метод диалектики, из одного понятия вывести другие).

Ученики в этом университете становятся «научными пролетариями», но не обычными, а, так сказать, временными: им предоставлена возможность перенять мастерство ученого и, если получится, самим позднее стать «научными капиталистами».

Идеальная прибыль такого преподавателя-ученого, конечно же, и в том, что среди его студентов найдутся те, кто впоследствии свяжет свою судьбу с наукой и станет представителем именно его научной школы. Тем самым он, разрабатывая детали парадигмы, созданной учителем, обеспечит еще больший прирост знания и в то же время

.....

29 Семинары в гумбольдтовском университете назывались «питомниками науки». См.: Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. — 2002. — № 5—6 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/5/shedel.html> (дата обращения: 20.03.2014).

30 «В них (лекциях. — Р. В.) учебное знание излагается так, что для слушателя методы его получения и обоснования оживают в настоящем» (Ясперс К. Идея университета / Пер. с нем. Т. В. Тягуновой. — Минск: БГУ, 2006. — С. 79). Об этом же писал и В. фон Гумбольдт: «...науку невозможно действительно преподавать как науку без того, чтобы действительно каждый раз вновь не осмысливать ее по-своему, и было бы непостижимо, если здесь (в университете. — Р. В.), и даже часто, не совершались бы открытия» (Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. М.: РОССПЭН, 2011. — С. 514).

обеспечит и прирост славы учителя, так сказать, увеличит его рейтинг в глазах научного сообщества (впрочем, и свой, так как он будет светить отраженным светом выдающегося ученого — создателя школы, к которой принадлежит ученик).

Конечно, здесь наличествует не только производство знания, но и своеобразный академический обмен. На фабрике ведь тоже пролетарии выбирают себе капиталиста и заключают с ним договор. Точно так же в модернистском университете существует свобода выбора преподавателей и дисциплин (*Lehr- und Lernfreiheit*). *Здесь нет обязательных занятий и универсального учебного плана: студенты могут слушать какие угодно дисциплины и в какой угодно последовательности, у каких угодно преподавателей, а преподаватели могут читать какие им угодно курсы, не будучи стесненными даже рамками факультета. Существует лишь два ограничения: студент должен прослушать определенное количество дисциплин по специальности, чтобы быть допущенным к госэкзамену на определенную должность (или на ученое звание доктора), а преподаватель не может менять дисциплину после того как она заявлена, внесена в расписание университета и одобрена министром в рамках списка дисциплин, читаемых в университете в данном году.* В качестве объяснения этого нововведения исследователи обращаются к трудам В. фон Гумбольдта, где говорится том, что университет — прежде всего научное учреждение, *а занятия наукой требуют свободы*. Не оспаривая верность этого утверждения великого педагога, мы хотим лишь указать на то, что идеалистическое обоснование образования через науку в качестве каркаса имеет матрицу, повторяющую отношение капиталиста и пролетария в области экономики. Свобода здесь — свобода выбора в рамках взаимовыгодного обмена. Выгода состоит в повышении научного рейтинга друг друга. С одной стороны, чем больше учеников у преподавателя, тем выше его авторитет, с другой стороны, быть учеником выдающегося ученого тоже почетно. Кроме того, ученый, предлагая свою теорию как орудие труда, дорабатывает ее, студент обретает навыки использования какого-либо метода.

Это обмен, который происходит между преподавателем и студентами. Однако в гумбольдтовском университете есть еще один обмен, который происходит уже между студентом и университетом в целом. Прослушав определенное количество курсов лекций и посетив определенное количество семинаров, студент получает диплом данного университета. Таким образом, университет обменивает диплом на учебный труд студента (и, наоборот, студент обменивает учебный труд на диплом). Учебный труд этот тоже исчислим, в модернистском университете в отличие от средневекового изучают не книги, а пред-

меты (курсы), которых известное количество и каждый из которых включает определенное число лекций и семинаров.

Кстати, осознав тот факт, что в гумбольдтовском университете мы имеем обмен, а не раздаток, мы сможем понять, почему этот университет не знает академических экзаменов (студент в течение трех или четырех лет обучения здесь никому ничего не сдает, а просто посещает лекции и семинары). Обмен по определению не носит обязательного характера, а экзамен не может не быть обязательным.

Предназначение высшего образования при этом тоже меняется. Если в средневековом обществе высшее образование дает право на получение определенных должностей в обществе, то теперь это просто возможность ознакомиться с определенными методами, получить определенные знания. В идеале гумбольдтовский университет должен привлекать тех, кому нужны знания сами по себе, а не знания как средство достижения положения в обществе. Поэтому это не массовый, а элитарный университет.

Но он служит и благу общества, и, более того, государство раздает должности тем выпускникам, кто сдал экзамены, однако эта раздача вынесена за рамки самого университета. Поэтому модернистский *(гумбольдтовский) университет мы характеризуем как обменный университет при государственном раздатке.*

Такой университет уже стал достоянием прошлого. На Западе ему пришел на смену постклассический «массовый университет», который нашел яркое воплощение в американском исследовательском университете (АИУ).

1.4. УНИВЕРСИТЕТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ОБЩЕСТВА (АМЕРИКАНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (АИУ)): ОБМЕННО-РАЗДАТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ОБМЕННО-РАЗДАТОЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Общепризнано, что западное общество, которое с XIX до середины XX века, особенно в таких странах, как Англия, было близко к модели модернистского общества, с середины XX века перешло в новую стадию развития. Ее называют по-разному: постмодернистской, постиндустриальной, информационной и т. д. и т. п. Среди ее особенностей называют утерю веры в «большие нарративы» (Истина, Добро, Справедливость), доминирование сферы услуг в экономике, возникнове-

ние «общества потребления». Общезначимого определения сущности новой стадии развития западного общества нет, хотя все согласны с тем, что это уже не тот капитализм, который был в XIX веке, и это не случайно: сам процесс трансформации западного общества еще не закончился, и основные черты постмодернистского западного общества пока что видны еще смутно и окончательно не оформились. Тем не менее, вполне уже можно строить предположения об общей направленности этого процесса и о сущности этого нового общества.

Происходит своеобразный синтез традиционного общества, построенного на раздатке ресурсов, с модернистским обществом, построенном на частной собственности в виде материальных, политических и духовных ценностей и их эквивалентном обмене. Причем это не возвращение к прежнему этапу (хотя многие современные философы культуры, например Умберто Эко, говорят о явных параллелях между постмодернистским и средневековым обществами³¹), а о возникновении нового общества, где раздаток и обмен сосуществуют и взаимопроникают, так что раздаток превращается в компенсаторный институт, укрепляющий обмен³².

Собственно, раздаток никогда не исчезал, даже в самых либеральных обществах. Я уже показал, что и в обществе классического модерна государство осуществляло раздаток — например, наделяло людей, имеющих высокий уровень материального благосостояния (членов класса богатых), избирательными правами и тем самым формировало «народ» как корпус голосующих граждан, который после этого вступал в отношения политического обмена с политиками (государством). Государство опасалось наделять этими правами большинство, которое потерпело неудачу на рынке и лишилось своих доходов, превратилось в бедняков, поскольку они могли уничтожить саму рыночную, обменную основу этого общества.

Но раздаток в классическом модернистском обществе никогда не вторгался в область обмена. Раздаток лишь создавал условия для обмена, но при этом господствовало убеждение, что в сам процесс обмена государство вмешиваться не должно. Так, государство отказывалось экономически помогать тем, кто потерпел неудачу на рынке (беднякам, безработным), так как считалось, что это будет мешать «нормаль-

31 Эко У. Средние века уже начались // RuLit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/books/srednie-veka-uzhe-nachalis-read-1667-1.html> (дата обращения: 20.03.2014).

32 См. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 123.

ному» развитию рынка и стеснять экономическую свободу и инициативу тех, кто оказался удачливым рыночным агентом.

В XX веке, особенно во второй его половине, ситуация изменяется. Практически уже не остается стран, где существует более или менее «чистая» рыночная экономика. Западные государства становятся социальными государствами, которые осуществляют обширный и разнообразный раздаток малоимущим слоям населения или разного рода меньшинствам — социальным группам, которые признаны ранее подвергавшимися дискриминации (расовые, этнические, сексуальные меньшинства, женщины). В книге О. Э. Бессоновой «Жилищный раздаток и модернизация России» подробно раскрываются формы жилищного раздатка беднейшим слоям населения в современных Великобритании, Франции и США. Такой раздаток предполагает, что определенная часть построенного жилья изымается из сферы рыночного обмена, превращается в государственный ресурс, который раздается индивидам, семьям и социальным группам, не способным самостоятельно приобрести себе жилье в силу низкого материального уровня жизни.

О. Э. Бессонова утверждает, что экономический раздаток на современном Западе предназначен для того, чтобы сохранить основу политического устройства Запада — демократию³³. Бесконтрольное свободное развитие рынка, разделяя людей на богатых и бедных, превращало западные режимы в плутократии, где властвует богатое меньшинство (так как классические либеральные демократии предполагали имущественный ценз). Борьба бедного меньшинства за политические права привела к тому, что полноправными гражданами стали и бедные, что сделало демократии устойчивыми. Экономические раздачи беднякам превратили их из социально опасных рассерженных граждан во вполне лояльных граждан, «средний класс», опору режима³⁴. Таким образом, раздачи социального государства предполагают определенные сдачи. Перед нами обычный механизм сдач-раздач.

В целом соглашаясь с О. Э. Бессоновой, мы хотели бы указать на отличия нового раздатка, укоренившегося в западном постмодернистском демократическом обществе, от того, что господствует в обществах традиционных и авторитарных. Перед нами своеобразный *мягкий раздаток*. Конечно, западное социальное государство рассчитывает на сдачу в виде лояльности со стороны социальных групп-ресурсополучателей, и, более того, так или иначе оно получает ее. Но

33 Бессонова О. Э. Жилищный раздаток и модернизация России. — М.: РОС-СПЭН, 2011. — С. 89.

34 Бессонова О. Э. Указ. соч. — С. 72.

государство при этом не требует ее под угрозой лишения раздачи, как это делается в классическом раздаточном обществе. Если бедняки будут на выборах голосовать за радикальные левацкие партии, западные парламенты не примут законы, лишаящие их за это социальных пособий и социального жилья (тогда как, например, нацменьшинства, которые в сталинском СССР, по мнению руководства, оказались не-лояльными, как, скажем, крымские татары, лишались государственных раздач вплоть до права жить на своей территории). При «мягком раздатке» раздача не предполагает обязательных, контролируемых сдач со стороны каждого ресурсополучателя. Достаточно общего результата, который все равно достигается.

Итак, на постмодернистской стадии в западном обществе, во-первых, государственный раздаток начинает проникать в сферы, которые ранее были сферами чистого обмена, огражденными от вмешательства государства, и, во-вторых, раздаток приобретает мягкий характер, когда раздача предполагает сдачу, но вообще, а не в конкретных формах от конкретных индивидов и групп под контролем государства и под угрозой лишения раздач.

Всё это находит свое отражение и в постмодернистском университете, ярким образцом которого стал американский исследовательский университет (АИУ). В нем присутствуют государственные раздачи и сдачи (как это было и в гумбольдтовском университете), но при этом раздаток проникает и в учебный процесс, который в гумбольдтовском университете был всецело сферой обмена.

Поскольку постмодернистский университет включен в систему государственного раздатка и осуществляет сдачи для государства и общества, то рассмотрим сначала эти сдачи.

Государство ожидает от постмодернистского университета, прежде всего, генерации нового научного знания, и в этом он мало чем отличается от университета модернистского. Причем речь идет и о фундаментальном, и о прикладном научно-техническом знании.

Кроме того, постмодернистский университет должен поставлять обществу специалистов разного профиля (хотя теперь они попадают на рынок труда, и, как правило, в частные фирмы, а не на госслужбу через систему госэкзаменов) и членов гражданского общества — критически мыслящих индивидов, которые, правда, уже не привязаны к какой-либо одной национальной культуре, поскольку и капитализм перешагнул национальные рамки и стал транснациональным, и сами университеты Запада превратились в космополитические сообщества (напоминая этим средневековые университеты).

Наконец, АИУ — еще и инструмент гармонизации межнациональных и межрасовых отношений в таком сложном в этом плане обществе, как североамериканское (и подобные ему).

Для осуществления этих задач государство США дарует университетам ряд льгот. Во время второй мировой войны политическое руководство США осознало, что без серьезной государственной поддержки науки невозможно выиграть войну современного типа, которая есть уже не столько противостояние людей, сколько противостояние машин и технологий. Именно тогда в США возникает сеть национальных лабораторий, напоминающих советские НИИ. Но в целом США не пошли по пути развития академической науки, как СССР, в силу того что в Америке уже имелись готовые центры фундаментальной науки — исследовательские университеты³⁵. Механизм федерального финансирования университетов был предложен в знаменитом докладе «Наука и бесконечный фронт» («Science and Endless Frontier»), написанном по просьбе президента Рузвельта одним из деятелей Манхэттенского проекта Ванневаром Бушем (Vannevar Bush) и опубликованном в 1945 году.

Следуя этой стратегии, правительство создало несколько организаций, прежде всего Национальный совет по научным исследованиям (National Research Council) и Управление научных исследований и разработок (Office of Scientific Research and Development), через которые различные департаменты финансируют фундаментальные исследования университетских ученых в различных направлениях. Уровень финансирования очень высок: в разгар «холодной войны» в 1960-е годы до 80% финансовых источников исследовательских университетов приходились на госфинансирование (в основном исходящее от военного ведомства). Теперь эта цифра снизилась, но все равно более половины денег, поступающих в университеты США, — это государственное финансирование. *Таким образом, несмотря на формальную независимость АИУ от государства, они уже более полувека являются объектами государственной финансовой раздачи, предназначение которой — обеспечить сдачу — генерацию фундаментального научного знания.*

Еще одна важная государственная раздача — так называемый акт Бэя-Долла от 1980 года (Bayh-Dole Act of 1980, BDA-1980), *который раз-*

35 Здесь и далее по: Игнатов И. И. Американский исследовательский университет как организационная инновация // Капитал страны: Федеральное интернет-издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/197177> (дата обращения: 20.03.2014).

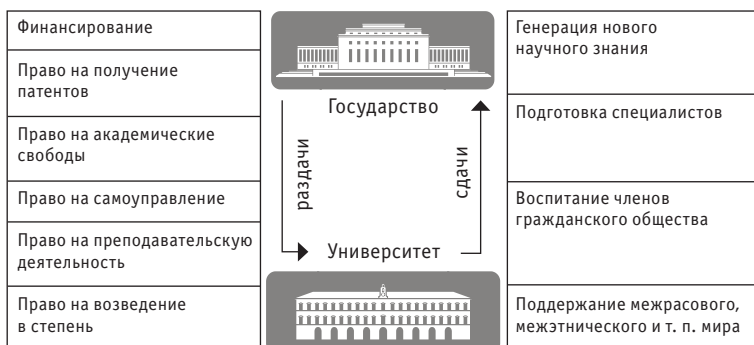
решил федеральным агентствам выдавать лицензии на патенты университетам. Эта задача подхлестнула научную и изобретательскую деятельность в университетах, привела к возникновению при университетах целой сети фирм, которые занимаются внедрением инноваций в промышленность, и наконец просто существенно пополнила и продолжает пополнять казну университетов.

Конечно, неизменной привилегией университетов на Западе, независимо от того, о каком историческом периоде идет речь — об XI или о XXI веке, — было и остается право на возведение в ученую степень. Университетские корпорации (экспертные сообщества ученых) присваивают степени бакалавров, мастеров (магистров) и докторов, при этом не требуется никакого подтверждения государственного органа для того, чтобы степень стала действительной. Правда, такое право имеют лишь высшие учебные заведения, имеющие аккредитацию, неаккредитованные вузы не выдают ученых степеней. Однако аккредитация производится не государственным органом, а профессиональной корпорацией (например, Советом университетов, куда университеты вступают на добровольной основе)³⁶. Право на возведение в ученую степень дается для нормального развития науки в университетах, ведь если решения о принятии в члены научного сообщества будут принимать не сами ученые, а чиновники (как это, кстати, и происходит в России), то велика вероятность перерождения этого сообщества, в силу того что в нем окажется много случайных, чуждых науке людей.

Сохраняется в АИУ и существующее еще со времен гумбольдтовской реформы право на свободу преподавания и учебы. В США есть федеральное министерство образования, но оно не вмешивается в учебную (и какую-либо иную) деятельность университетов, не устанавливает государственных стандартов, учебных планов и программ. Университетские и факультетские корпорации, отдельные преподаватели имеют право сами решать, что им читать, когда и каким образом. Студенты также имеют право выбирать себе преподавателей и дисциплины (в США это называется «выбирать класс»). Эти традиционные университетские свободы направлены на поддержку в студентах и преподавателях творческого духа, стремления к поиску истины, которые не должны быть вытеснены зубрёжкой назначенных министерством предметов.

36 Каверина Э. Ю. Высшие учебные заведения США: структура и классификация // Демоскоп weekly. — № 169—170 (13—26 сентября 2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0169/analit05.php> (дата обращения: 20.03.2014).

Схема 6. Раздачи государства АИУ и сдачи АИУ государству

Своеобразным возвращением к порядкам средневекового университета является *право на самоуправление*, которое реализовано в АИУ и этим отличает его от классического университета. Вспомним, что классический университет был государственным учреждением, профессора в нем имели статус государственных служащих, получали жалование из казны и назначались на свои должности министерством просвещения. АИУ не просто полностью самоуправляющаяся и независимая в этом плане от государства корпорация, но и федерация таких корпораций. Ее элементарным членом является корпорация ассоциированных профессоров департамента, именно она, а не декан факультета, решает все учебные и кадровые вопросы (за исключением самых общих, находящихся в ведении администрации университета, состоящей уже не из преподавателей, а из профессиональных управленцев). Самоуправление — тоже залог нормального функционирования университета как учебного, так и научного учреждения.

Выразим все это при помощи схемы 6.

Мы рассмотрели государственные сдачи и раздачи АИУ. Однако университет и сам выступает как субъект раздач. Эти раздачи, которые осуществляет университетская корпорация по отношению к преподавателям, студентам и абитуриентам, во-первых, разделяются на жесткие и мягкие, и во вторых, на внешние по отношению к образовательному процессу и внутренние. Напомню, что в классическом гумбольдтовском университете раздаток в системе «государство—университет» сосуществовал с научно-образовательным обменом внутри университета, но при этом они не пересекались.

В АИУ раздаток проникает в сам учебный процесс, хотя полностью не вытесняет образование обменного типа, ведь основной массив знаний, который продуцируется и передается в АИУ, — это научные знания модернистского типа (особенно это касается естественнонаучных знаний).

Внешние — это раздачи, которые университет осуществляет по отношению к некоторым преподавателям. Это, например, «тенюр» и «саббатикал».

«Тенюр» (*tenure, academic tenure*) — предоставление преподавателю контракта пожизненного найма. Профессор, имеющий тенюр (ассоциированный профессор), уже может не беспокоиться о том, что ему не продлят контракта. Его нельзя уволить, если нет очень серьезной причины для этого (каковой может быть, например, нарушение закона). Решение о включении того или иного преподавателя в состав ассоциированных профессоров принимает комиссия, состоящая из ассоциированных профессоров факультета (факультетская корпорация), которая выясняет для этого научный рейтинг профессора, отношение к нему студентов и т. д.

Расчет здесь на то, что человек, над которым не нависает «дамоклов меч» скорого увольнения, не будет отвлекаться на посторонние вещи и всецело посвятит себя преподаванию и науке. То есть тенюр как университетская раздача предполагает сдачу преподавательским и исследовательским трудом. Тем не менее это не безусловное требование: если ассоциированный профессор, имеющий тенюр, не будет писать и печатать новые статьи и книги, его никто не уволит, разве что отношение со стороны коллег к нему ухудшится.

Саббатикал (*sabbatical*) — это оплачиваемый годичный творческий отпуск, который АИУ дает своим ассоциированным профессорам примерно раз в 6—7 лет. Подразумевается, что этот отпуск будет потрачен на научную работу, и считается хорошим тоном вернуться из него с новой книгой, но такого обязательства на преподавателя университет не налагает. Как видим, и тенюр, и саббатикал — примеры мягкого раздатка.

Внешней и мягкой является также раздача льгот при поступлении для представителей расовых, этнических и прочих меньшинств. Ее принесла эпоха борьбы за права расовых, этнических, сексуальных меньшинств, которая началась в США в 1960-е годы и продолжается до сих пор. Еще с 1960-х годов на федеральном уровне были приняты законы, облегчающие чернокожим получение образования. Позднее на самых разных уровнях — от федерального до уровня отдельных университетов — были приняты «Программы позитивных действий»

«Affirmative action programs»³⁷. В 1970-е годы правительство внедрило программу субсидий и компенсаций представителям расовых и этнических меньшинств, желающих поступить в университеты, но не имеющих для этого достаточных средств³⁸. В 2003 году Верховный суд США своим решением официально рекомендовал американским университетам учитывать расу и этническую принадлежность абитуриентов при решении вопроса об их приеме и, таким образом, узаконил такие раздачи, которые в реальности существуют в США с 1960-х³⁹. Суть их в том, что если белый и черный абитуриент будут иметь одинаковый уровень знаний, то администрации университета рекомендовано сделать выбор в пользу черного. Мотивируется такая «позитивная дискриминация» тем, что представители этих групп населения в прошлом испытывали дискриминацию, и по сей день им труднее подготовиться к учебе в университете. Если черный и белый абитуриент формально показывают одинаковый результат, то фактически черный в значительном количестве случаев приложил гораздо больше труда, чтоб его достичь (так как он, скорее всего, учился в худшей школе, где преподавали не такие квалифицированные учителя, жил в худшем районе, где условия не способствовали упорной учебе, не имел денег на книги, репетиторов и т. д.). Эти аргументы признаются вполне резонными большинством американского академического сообщества (хотя есть и противники таких льгот), но даже сторонники признают, что эти льготы имеют смысл лишь до тех пор, пока не произойдет культурное выравнивание разных групп населения, а значит носят временный характер (кроме того, они должны быть адресными, так как сейчас уже немало благополучных «черных» семей).

Несмотря на критику «позитивной дискриминации» со стороны «правых сил» США, очевидно, что она направлена на уравнивание шансов белых и представителей меньшинств, а значит, на предотвращение межрасовых столкновений.

37 Битва за льготы // Школа № ВУ — белорусский школьный портал. Все для школьника, учителя, абитуриента, родителя [Электронный ресурс]. URL: http://www.school-city.by/index.php?page=%C1%E8%F2%E2%E0+%E7%E0+%EB%FC%E3%EE%F2%FB&option=com_content&task=view&id=10408&Itemid=3 (дата обращения: 20.03.2014).

38 Мультикультурализм // www.grandars.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/multikulturalizm.html> (дата обращения: 19.03.2014).

39 В США афроамериканцев хотя и лишают льгот при поступлении в университеты // AgriNEWS: Новости агробизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://agrines.com.ua/show/246575.html> 3 (дата обращения: 20.03.2014). В 2012 году решение Верховного суда США по делу Фишер, о котором идет речь в данной статье, ограничило это право меньшинств; университетам было рекомендовано прибегать к позитивной дискриминации лишь в крайнем случае, но сам феномен остается и признан законным.

Внутренние раздачи в АИУ связаны с учебным процессом и потому погружены в образовательный обмен, который в АИУ также сохранен, хотя и ограничен.

Обмен здесь начинается с поступления. Абитуриент предъявляет в университет результаты тестирования, эссе, сведения о своих достижениях. Университет предлагает ему специализации, учебные курсы, возможность слушать известных лекторов и т. д. Абитуриент выбирает определенный университет, а университет и факультеты выбирают абитуриентов. Как мы видели, в этот обмен уже вплетен раздаток, так как ряд абитуриентов, например представители расовых меньшинств, имеют льготы при поступлении.

Став студентом, новичок оказывается перед перспективой выбора курсов. Многие курсы являются элективными, администрация вуза здесь не предписывает их посещение. Выбор предмета, конечно, имеет определенные ограничения. Студент может свободно выбирать предметы только в течение первых двух недель семестра. Если он после этого сменит учебный курс, то ему не вернут деньги, которые он заплатил за него. Кроме того, если на курс записалось много студентов, а университет предоставил маленькую аудиторию и все не умещаются, тех, кто позже записался, ставят в очередь и они попадают на занятия по мере выбывания других студентов, которые записались раньше. Количество студентов на одном учебном курсе (в «классе») обычно не превышает 19, поскольку считается, что работа с большими группами неэффективна. Студент может выбрать класс и после указанного срока, но тогда ему придется получить разрешение администрации⁴⁰. Но в общем-то эти ограничения, как видим, не принципиальны.

После выбора курса между преподавателем и студентом заключается договор. Это выражается в том, что профессор передает студенту (через университетскую администрацию в письменном виде или онлайн в электронном виде) «силлабус» (syllabus) — документ, в котором указаны личные данные профессора, название курса, его краткое содержание, рекомендуемая литература и система оценки (какие виды работ предполагаются: домашние задания, презентации, промежуточные экзамены, конечные экзамены — и какой процент от общего суммарного труда отводится на эти работы). Указывается также «стоимость» курса — количество «кредитов» (единиц трудоемкости), которые студент

40 Всё, что Вы всегда хотели узнать об учебе в США, но боялись спросить // Lenta.ru — новостная лента [Электронный ресурс]. URL: <http://davegerman.livejournal.com> (дата обращения: 10.03.2014).

получит за курс, если сдаст его на оценку не ниже минимальной по пятибалльной системе от 4 (A) до 0 (F). Суть договора состоит в том, что профессор обязуется быть доступным для студента в определенные часы, консультировать в эти часы, провести в определенный срок лекции и семинары, принять экзамены, проверить письменные работы, оценивать работы и ответы объективно, в соответствии с заявленными критериями. Студент обязуется посещать занятия, участвовать в дискуссиях, провести презентации, сдать экзамен в виде письменной работы, приложив учебный труд, объем которого определен в кредитах (количество кредитов зависит от того, сколько времени займут занятия в аудитории и решение домашних заданий, т. е. сколько потрачено труда), причем качество труда должно быть не ниже определенной оценки.⁴¹ В случае если и преподаватель, и студент выполняют свои обязательства, преподаватель получит оплату от университета, а студент — определенное количество академических кредитов, суммируя которые он потом получит диплом.

Кроме того, между преподавателем и студентом наличествует и обмен, который я уже описывал, говоря о гумбольдтовском университете: преподаватель отдает свои образовательные услуги студенту в обмен на повышение своего рейтинга, которое происходит, когда студент выбирает его курс.

Мы уже упоминали академические кредиты. Их нужно рассмотреть подробнее. Возникновение их представляет собой дальнейшее развитие образования обменного типа. В классическом немецком университете взаиморасчет студента с вузом производился без использования символического эквивалента (аналога денег при рыночной сделке). Студент обменивал определенное количество прослушанных курсов на диплом, выдаваемый ему вузом (где указывалось, какие дисциплины он изучал). Трудоемкость курсов при этом не измерялась. В АИУ «академические деньги» появляются. Это «академические кредиты», в которых исчисляется учебный труд студента. Каждый курс, который студент может прослушать, «стоит» определенное количество кредитов, как правило — от 1 до 5 в зависимости от сложности курса. Это значит, что, если студент освоит этот курс, ему начислят от 1 до 5 кредитов. Пользуясь своей свободой составлять индивидуальный учебный план, студент набирает то количество кредитов, которое необходимо для получения диплома, свидетельствующего, что студентом получена определенная сумма знаний по той или иной специальности, соответствующая ква-

41 Москалюк А. Что такое GPA? // Нова робота [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gotostudy.com.ua/articles/38.html> (дата обращения: 21.03.2014).

лификации бакалавра или магистра (то есть администрация обменяет ему диплом на необходимое количество кредитов).

Академические кредиты — также и мера труда преподавателя. Чем больше у преподавателя сложных и объемных курсов, за которые полагается много кредитов, тем больше он получит оплаты от администрации (конечно, в случае если эти курсы выберут студенты).

В чем же появляется раздаток в процессе учебы в АИУ? В классическом университете не было обязательных курсов. Студенту предоставлялась полная свобода преподавания, администрация не обязывала его выбирать те или иные курсы. Правда, он знал, что если он прослушает меньше определенного количества курсов, то его не допустят к государственному экзамену, который дает определенную государственную должность (юриста, врача, учителя). Но студент мог и не стремиться к государственной должности, скажем, он достаточно обеспечен и не собирается служить, университет нужен лишь затем, чтобы расширить свой кругозор. В таком случае он вообще слушал столько курсов, сколько ему хотелось. Кроме того, государственный экзамен сдавали вне университета и к его требованиям администрация университета не имела отношения.

В АИУ есть обязательные курсы, или курсы по основной специализации (*major field*). Скажем, если студент хочет получить диплом бакалавра политологии, то он должен обязательно прослушать такие курсы, как история, политология, философия. Это требование администрации, без выполнения которого администрация не выдаст студенту диплом. Разумеется, это не значит, что студент будет ходить в определенные часы к определенному преподавателю, которого ему назначила администрация. Он сам выбирает и преподавателя, и год, на котором он будет слушать курс, и даже уровень обязательного курса (курсы могут различаться по степеням сложности). Кроме того, этих курсов не так уж и много, примерно треть от общего количества предлагаемых. Однако перед нами все равно определенное ущемление свободы учебы и отход от принципа обмена. Без сдачи обязательных курсов студент не получит диплом, даже если он набрал необязательными курсами количество кредитов, достаточное для получения диплома бакалавра или магистра. Таким образом, получение диплома — это не просто процесс обмена суммы кредитов на диплом между студентом и администрацией, но и своеобразный раздаток, причем жесткий⁴². Сдача студента —

42 Другое дело, что для многих студентов получение диплома не так уж важно, важнее пребывание в стенах определенного вуза, что дает некий престижный статус («студент Гарварда» и т. п.).

труд по овладению обязательными курсами, раздача администрации — диплом и ученая степень (бакалавра или магистра).

Далее, в классическом университете не было академических внутриуниверситетских экзаменов. Студенты сдавали лишь государственный экзамен после окончания университета, причем принимала его комиссия, которая состояла не из профессоров данного университета, а из служащих-практиков, подчиненных тому министерству, по линии которого собирается работать претендент. Отсутствие академических экзаменов обусловлено было гумбольдтовским идеалом: студенты должны в университете стремиться к знаниям и к научному поиску, а не к сдаче экзамена на определенную оценку (что отличается от искреннего стремления к научной истине, как брак по расчету отличается от брака по любви). В АИУ экзамены наличествуют. По окончании большинства курсов, а иногда даже посреди них преподаватель назначает экзамен. Студент должен получить по этому экзамену оценку выше F (неудовлетворительной), иначе курс ему не будет зачтен и, соответственно, он не получит кредитов за этот курс. Оценка за экзамен зависит не только от ответа (как правило, письменного, представляющего собой эссе по данной теме, иногда вкупе с тестами, которые нужно решить, выбрав правильный вариант из перечня ответов), но и от посещаемости лекций и семинаров, активности участия в семинарах и других факторов. Передача возможна только через год при том условии, что студент заново прослушает курс (и снова за него заплатит). Однако преподаватель может поставить и оценку «безусловно неудовлетворительно», что лишает студента права передачи, поскольку считается, что преподаватель признал студента негодным к данной специальности. Если такая оценка поставлена по обязательному курсу, студенту придется менять основную специализацию. То есть преподаватель осуществляет раздачу права продолжить далее учебу в университете и при помощи экзамена контролирует знания студентов и заставляет их овладевать дисциплиной.

Каждый год обучения студент в АИУ обязан взять определенное количество курсов (сколько обязательных и сколько элективных — решать самому студенту, но не меньше определенного минимума) и получить определенное количество кредитов (например, 24 за первый год), иначе в следующем году он покинет университет. Каждый семестр администрация высчитывает средний балл студента (GPA — Grade Point Average) путем деления суммарного количества баллов, полученных за все курсы, выбранные в семестре (каждая оценка — от «отлично» (A) до «неудовлетворительно» (F) — дает соответственно от

4 до 0 баллов за кредит), на суммарное количество кредитов за все выбранные и сданные курсы. Если средний балл окажется ниже 3.0, администрация вынесет студенту предупреждение и назначит ему испытательный срок (как правило, семестровый). К нему приставят особого преподавателя — адвайзера, который будет следить за успеваемостью такого студента. Этому студенту запретят брать много кредитов, посещать другие здания университета, кроме учебных, и даже посещать кафе, ходить на вечеринки и т. д. (то есть здесь имеет место даже вмешательство администрации в частную жизнь студента). Если успеваемость студента не повысится, то его исключают из университета⁴³. Перед нами, очевидно, уже черты образовательного раздатка (хотя довольно мягкого, не регламентирующего процесс учебы до мелочей). Раздаток предполагает наличие у определенной социальной инстанции власти раздавать определенные привилегии для обеспечения возможности определенной сдачи в форме принудительного служебного труда. В случае современного АИУ в качестве такой инстанции выступает преподаватель как член университетской корпорации и университета в целом. Он фактически решает, кому и на какую оценку зачесть определенный предмет. Если предмет обязательный или успеваемость студента низкая, от преподавателя фактически зависит, получит ли студент диплом и будет ли он вообще учиться в университете. Выставление оценки (влияющей на средний балл) — это раздача, которую осуществляет преподаватель и которая нужна для осуществления студенческой сдачи — учебного труда, который выражается в посещении лекций, участии в семинарах, проведении презентаций, сдачи экзаменов (причем значительная часть — 90% — составляют экзамены и презентации). Нет нужного количества сдач (кредитов и баллов, дающих средний балл и свидетельствующих, что сдано такое-то количество учебного труда такого-то качества) — нет и раздач (положительных оценок, права учиться на следующем курсе и диплома). Труд этот является принудительным и контролируется администрацией (которая принимает решение об исключении) и преподавателем (выставляющим оценки): если студент будет трудиться плохо, то сначала ограничат его личную свободу, а потом и вовсе исключат из университета.

Обратим внимание, что предметом раздатка являются не знания (знания здесь, как и в гумбольтовском университете, обмениваются

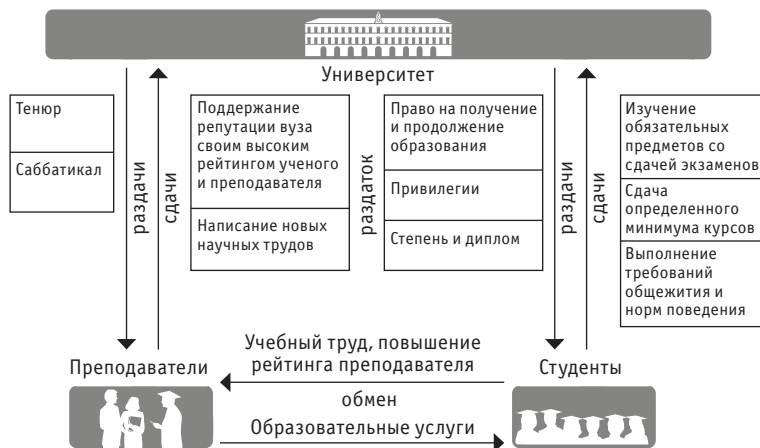
43 Исключение из американского университета // Все про США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usadvice.ru/2011/03/kak-isklyuchayut-iz-universiteta-v-ssha.html> (дата обращения: 21.03.2014).

преподавателем на прирост знания и авторитета, которые происходят в результате соучастия студентов в научном поиске преподавателя), а такие ресурсы, как право на продолжение учебы на следующем курсе и в итоге на получение диплома.

Обмен здесь продолжает существовать (преподаватель обменивается знаниями со студентами, университет обменивает диплом на суммарный учебный труд студента), но он ограничен и потеснен раздатком (преподаватель раздает студентам право на зачет курса и получение определенного количества кредитов, университет раздает право на получение диплома при условии сдачи строго определенных обязательных курсов).

Попытаемся изобразить это в виде схемы 7.

Схема 7. Внутренние раздачи и сдачи в АИУ вкпе с образовательным обменом

Мне представляется, что проникновение раздатка в «святая святых» западного исследовательского университета — в сам процесс образования — связано, прежде всего, с возникшей во второй половине XX века потребностью в массовости образования. Наука из элитарного предприятия превратилась в производительную силу. Индустрия, система образования, здравоохранения, сфера услуг настолько разрослись и усложнились, что также стали требовать людей с квалификацией, соответствующей высшему образованию. Однако гумбольдтовский университет с его максимальной свободой учебы не способен был удовлетворить эту потребность (поскольку, как уже говорилось, он был элитарным). В нем отсутствовали механизмы при-

нуждения и поэтому учебу заканчивали лишь те, кто действительно имел сильную самостоятельную мотивацию к образованию и искренний интерес к научному знанию (остальные просто уходили). Массовизация образования привела в университеты среднего студента, которого нужно заставлять учиться. А образовательный раздаток и основан на принудительном учебном труде.

И, во-вторых, приоритетом для студентов являются уже не чистые знания, а приобретение некоего символического капитала, складывающегося из репутации вуза, среднего балла студента, человеческих связей, возникших в университете. Всё это в дальнейшей жизни человека не менее важно, чем поученные в ходе учебы знания и компетенции.

Добавим к этому, что АИУ готовит уже не столько ученых, сколько представителей гражданского общества, людей критически мыслящих, креативных, инициативных, то есть обладающих качествами, требуемыми рынком. На это направлены основные формы обучения, господствующие в АИУ, — такие новейшие методы, как кейс-стади, метод портфолио, творческие эссе, деловые игры и т. д., отодвинувшие на второй план классические лекции, семинары и практикумы. Эти новые формы обучения формируют в человеке умение находить нестандартное разрешение проблемной ситуации, причем часто моделируются ситуации, встречающиеся в жизни: в бизнесе, в сфере управления, рекламы.

На этом завершим обзор АИУ и подведем итоги первой главы.

1.5. ИТОГИ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Университет — корпорация преподавателей-ученых, которая получает определенные привилегии от государства и иных общественных институтов за то, что она выполняет определенные социально важные функции: прежде всего, занимается научными исследованиями, передает научные знания представителям молодого поколения, готовя специалистов для общества и новые кадры для науки, и, наконец, воспитывает молодежь в духе базовых ценностей данного общества и готовит элиту общества.

Университет на Западе возникает в традиционном обществе, где господствует государственный и церковный раздаток жизненно важных ресурсов по социальным группам-сословиям и сдачи производимых

ресурсов обратно государству и церкви. Средневековый университет также представляет собой раздаточный социальный институт (традиционный образовательный раздаток). Он получает государственные и церковные привилегии (право на свободу от местных властей, на бенефиции и денежную помощь преподавателям и студентам, на преподавание, возведение в степень и самоуправление) для выполнения важных для общества функций (сохранение и распространение научного знания, защита веры, христианское просвещение общества и смягчение нравов, подготовка специалистов по юриспруденции, медицине и теологии). Таким образом, с одной стороны, университет раздает ученые степени (бакалавра, магистра, доктора), которые обеспечивают определенное сравнительно высокое место в обществе и право на продолжение обучения в университете и подъема по университетской иерархии, с другой стороны, преподаватели раздают студентам знания. Знания в средневековом обществе представляют собой ресурс. Они рассматриваются как исходящие от Бога и потому принадлежащие не людям, а церкви, которая контролирует раздачу знаний в университете. Средневековая наука не стремится к умножению знаний, их всегда ограниченное количество, которого достаточно для нужд общества и которое нужно лишь воспроизводить, классифицировать, комментировать и раздавать. Раздача происходит через лекции, проверка усвоения знаний — через семинары и диспуты. Раздача предполагает сдачу: студенты сдают учебный труд, а преподаватель оценивает его качество на семинарах и во время диспутов. Свобода учебы и преподавания отсутствует, всё контролируется церковью и университетской корпорацией. Отношения между преподавателями и студентами иерархические: студент — ученик, преподаватель — мастер средневекового цеха.

После перехода Запада на стадию модерна изменяется и само общество, и университет. В обществе происходит переход от раздатка к обмену и приросту как базовой матрице. Обмен предполагает наличие частной собственности как предмета обмена, равноправие и свободу выбора для участников обмена, конкуренцию. Обмен разделяется на экономический (рынок), политический (представительная, либеральная демократия) и социально-духовный (наука, искусство буржуазного общества). Прирост (капитала, власти, духовных благ) — цель устремлений, критерий успешности во всех сферах жизни этого общества.

Раздаток тоже сохраняется, но внутри самого государства (государство раздает своим членам — чиновникам — полномочия и обязанности для выполнения ими служебной деятельности). Граж-

данское общество функционирует по правилам обмена, государство старается не вмешиваться в его деятельность и лишь задает правила обмена, что тоже связано с раздатком (например, обеспеченным гражданам классическое модернистское государство раздает избирательные права).

Классический модернистский университет (гумбольдтовский университет), который возникает в результате реформирования средневекового университета, полностью повторяет эту структуру современного общества. Профессора университета являются здесь государственными чиновниками, которые включены в государственный раздаток и за свой служебный труд (научную деятельность и преподавание) получают раздачи (жалованье, должности, свободу преподавания и свободу научного исследования). Особо подчеркнем, что преподаватель в гумбольдтовском университете — ученый нового типа, который не только сохраняет, но и приумножает научное знание, и само научное знание теперь рассматривается не как ограниченный набор ресурсов для раздачи, а как частная собственность исследователя, которой он может делиться с другими исследователями в обмен на признание его научных заслуг (цитирование) и рост научного рейтинга.

Следовательно, профессора — не только госчиновники-ресурсополучатели, но и участники научного и образовательного обмена. Учеба в гумбольдтовском университете — обмен, и потому сфера, где студенты встречаются с преподавателями, представляет собой аналог гражданского общества. Преподаватели отдают студентам свои знания (точнее, методы получения этих знаний) в обмен на прирост своего научного и преподавательского рейтинга (ведь преподавание теперь не раздача знаний, а демонстрация самовоспроизводства научного знания: преподавая, профессор или доцент одновременно занимается научной деятельностью). Затем общее суммарное количество своего учебного труда студент обменивает на диплом, который ему выдает университетская корпорация в целом. Иначе говоря, студент здесь вступает в отношения обмена с университетской корпорацией как равноправный и свободный партнер — отсюда и наличие у него свободы выбора преподавателей и курсов, отсутствие внутренних академических экзаменов.

Затем, сдав государственный экзамен комиссии, состоящей из чиновников соответствующего министерства, выпускник гумбольдтовского университета превращается из члена гражданского общества в государственного чиновника.

Во второй половине XX века западное общество трансформируется в постмодернистское. Это выражается, в частности, в том, что уси-

ливается роль государства, которое начинает вмешиваться в сферу обмена, ограничивая свободы рынка, облагая богатых высокими налогами и перераспределяя изъятые средства, превращенные в государственный ресурс, в пользу дискриминируемых групп посредством социальных раздат.

В постмодернистском американском исследовательском университете, пришедшем на смену гумбольдтовскому, мы наблюдаем проникновение раздатка в сам учебный процесс. Университет остается получателем государственных раздат и центром фундаментальных и прикладных научных исследований, в нем сохраняется свобода преподавания и учебы, но теперь она ограничена. Наряду с элективными есть обязательные курсы, появились внутренние академические экзамены, за низкий средний балл студента наказывают, принуждая к учебе, а если балл остается низким, студента исключают. В обменно-раздаточном обществе и университетское образование становится обменно-раздаточным.

Такова эволюция западного университета. Теперь перейдем к университетам в России.

2

Университет в царской и советской России от раздаточного мультиинститута госслужбы – к педагогически-техническому мультиинституту

2.1. РОССИЯ ПОСЛЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ: МОДЕРНИСТСКИЙ РАЗДАТОК

Специалисты по университетской истории утверждают, что до эпохи петровских реформ в России уже были университеты средневекового типа. К таковым, например, можно отнести Московскую славяно-греко-латинскую академию и Киево-Могилянскую академию⁴⁴. Однако история не оставила России времени для медленного, постепенного и естественного перерождения средневековых университетов в модернистские, как это произошло на Западе. Университеты современного типа в России были учреждены «сверху», государством в ходе петровской модернизации общества и для ее успешного осуществления. Несмотря на то, что они копировали европейские, точнее, германские образцы (прежде всего, прусский «университет Просвещения», а впоследствии и гумбольдтовский университет), очень скоро они приобрели «туземные» черты, которые были связаны со спецификой самого российского общества той эпохи и которые сильно отличались от черт оригинала.

А общество это было типичным традиционным обществом, которое переживало насильственную модернизацию «сверху». Государство в России со времен Петра I и до XX века самыми жестокими средствами

.....

44 См. Андреев Ю. А. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Знак, 2009. — 648 с.

насаждало внешние формы западного модерна (от индустрии и науки до светской одежды и светских музыкальных произведений), часто вопреки желанию общественности. Пересадки базовых культурных матриц модерна — индивидуализма, рынка, гражданского общества — не предусматривалось. Напротив, модернизация производилась с использованием социальных практик российского традиционного общества, и прежде всего раздатка, который, как показала О. Э. Бессонова, господствовал в России с древнейших времен и продолжает господствовать и сейчас⁴⁵.

Общество, возникшее в результате петровских реформ и с определенными вариациями существовавшее вплоть до 1917 года, также представляло собой общество раздатка. Оно было поделено на сословия⁴⁶, среди которых важнейшими были тягловые (крестьяне, ремесленники, мещане, купцы, заводчики, крепостные рабочие), которые сдавали государству необходимые для жизнедеятельности материальные блага, и служилые (чиновники и аристократия), которые служили государству как на воинской, так и на правоохранительной и гражданской службах. Элиту общества составляли дворяне, на которых была возложена не только обязанность военной и гражданской службы (при Петре — пожизненной, при его преемниках — сокращенной до 25 лет), но и функции полицейских и налоговых инспекторов при крепостных крестьянах, которых государство выдавало дворянам в пожизненное пользование вместо жалованья — чтобы крестьяне сами содержали своего барина. Это была именно служебная, а не частная собственность (и так продолжалось вплоть до указа о вольности дворянства), государство ее давало, но оно могло ее и отобрать в случае неэффективного распоряжения этим государственным ресурсом (вспомним конец фонвизинского «Недоросля», где чиновник Правдин за самодурство Простаковой передает дом ее, землю и крестьян в опеку государству).

Наконец, само чиновничество было устроено на манер армии управленцев, в которой были свои рядовые, младший, средний и старший офицерский состав. Петровская «Табель о рангах» делила чиновников на 14 классов, причем каждому классу полагались свои права и обязанности и каждый класс гражданской службы соответствовал званию в армии и во флоте.

45 См. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. — М.: РОССПЭН, 2006. — 144 с.

46 В данном случае термин «сословия» употреблен в общепринятом смысле, а не в том смысле, который он имеет в теории С. Г. Кордонского.

Отличие послепетровской России от России допетровской, средневековой, состояло лишь в том, что в ресурс были превращены и феномены модерна, которые государство стало раздавать по стратам — «состоявиям»⁴⁷, требуя от этих сословий соответствующей сдачи. При этом данные феномены могли сохранить прежние названия, но коренным образом изменить свои социальные функции, адаптировавшись к государству раздатка. В этом и состояла суть той консервативной модернизации, которую осуществили Петр I и его преемники.

Это легко увидеть на примере создания в России индустрии, и, прежде всего, системы заводов. На Западе (в Англии) промышленность сформировалась преимущественно благодаря усилиям частных предпринимателей. Технологии и технические достижения (прежде всего, машины, ставшие основой индустрии) были созданы в ходе научно-технического прогресса и представляли собой род частной собственности, вовлеченной в самые разные виды обмена — от социально-духовного (обмен научными и техническими знаниями) до экономического (купля и продажа изобретений). Само функционирование индустрии было связано с расширением частного капитала — «мотора» промышленного капитализма, благодаря которому собственность на средства производства (машины, сырье) сконцентрировалась в руках капиталистов. Дополнительными условиями были возникновение рынка продукции, которая производилась промышленными предприятиями (мануфактурами, фабриками, заводами) и рынка труда (продажа пролетариями своей рабочей силы капиталистам).

Российское государство, при Петре поставившее себе цель ускоренной индустриализации, покупало на Западе машины, технологии, услуги иностранных специалистов и превращало их из частной собственности в государственный ресурс, для освоения которого были созданы два сословия: заводчиков и крепостных рабочих. Сословие заводчиков формировалось из дворян и купцов, сословие крепостных рабочих — из крепостных крестьян близлежащих к заводу деревень. На заводчиков возлагалась обязанность поставлять государству продукцию вверенного им завода (металл, оружие и т. д.) и надзирать за рабочими, принуждая их к высокопроизводительному труду и в то же время обеспечивая им необходимые условия для этого. Сам завод, земли и недра, а также крестьяне-мастеровые отдавались им государством в условную служебную собственность, которой они могли

47 В смысле, который имеет этот термин в теории С. Г. Кордонского.

распоряжаться по указанному государством назначению, но которую государство могло и отобрать в случае неэффективного ее использования. Раздачей для заводчиков была прибыль от работы завода, которую они могли законно присваивать. Сословие крепостных рабочих было сформировано в начале XVIII века двумя указами — 1721 года о покупке людей к заводам и 1736 года о прикреплении мастеровых. Крепостные рабочие были обязаны трудиться на заводе, не имея возможности самовольно покинуть его и перейти на другой завод. Но при этом они освобождались от барщины, рекрутской повинности, получали материальное обеспечение, медицинскую помощь, пенсию в случае инвалидности. При заводах действовали школы, выпускники которых становились учениками специалистов на заводах (русский изобретатель Иван Ползунов окончил горнозаводскую школу при Екатеринбургском металлургическом заводе). Талантливые работники имели возможность карьерного роста, становясь мастерами, специалистами (смотрителями, механиками) и дослуживаясь даже до обер-офицерских чинов. Фактически рабочие, как и заводчики, были служащими государства, имевшими определенные классы по «Табели о рангах». Были случаи, когда заводчики (например Демидовы) посылали своих крепостных рабочих для «повышения квалификации» на английские заводы, оплачивая их обучение из своего кармана. Перед нами первый в истории России вариант некапиталистической индустриализации, который во многом предвосхищал советскую сталинскую индустриализацию.

Эта же схема (перенос в Россию с Запада института общества модерн и включение его в механизм государственных сдач и раздач с созданием соответствующих сословий) использовалась при распространении в России университетов модернистского типа.

2.2. СУДЬБА УНИВЕРСИТЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОТ УНИВЕРСИТЕТА — К МУЛЬТИИНСТИТУТУ

Поставив себе целью превратить Россию из аграрного средневекового общества в общество, имеющее свою промышленность, армию и флот современного типа, а также аппарат гражданских управленцев, характерный для европейских «просвещенных монархий», и создать условия для самовоспроизводства такого общества, Петр I и его преемники на русском престоле не могли обойтись без университетов, без

которых немыслимо существование цивилизации модерна. Первый российский модернистский университет был учрежден в 1725 году по плану Петра I, план этот опирался на идеи Лейбница и Вольфа. Это был Санкт-Петербургский Академический университет. Затем в 1755 году в силу неудачи петербургского эксперимента был основан Московский университет. В первой половине XIX века в России возникает уже система университетов: Московский, Санкт-Петербургский (1819), Казанский (1804), Харьковский (1805), Киевский (1833), а к 1917 году в Российской империи было 11 университетов, в них училось около 33,5 тысячи студентов⁴⁸ и работало около 1500 штатных преподавателей (примерно 1 преподаватель на 24 студента).

Университеты в России учреждались государством, находились под покровительством императора (отсюда их именование императорскими университетами) и под управлением министерства просвещения (которое было создано в начале XIX века), осуществлявшего свой контроль через особых чиновников — попечителей учебных округов. Вплоть до 1840-х годов российские университеты состояли из трех факультетов: философского, юридического и медицинского (теологический факультет отсутствовал, так как богословское образование в России с эпохи Петра I давалось в особых учебных заведениях — семинариях и духовных академиях, которые были подчинены не государству, а церкви). Первоначально российским университетам были представлены те же привилегии, что и европейским университетским корпорациям, а кое в чем даже более широкие: так, в германских университетах профессорская корпорация не могла заниматься финансовыми делами университета, это была прерогатива министерства, у нас этим занималось правление университета, состоящее из ректора и деканов (правда, под контролем попечителя).

Но по мере того, как университеты укоренялись в России, они заметно менялись, теряя свойства собственно университетов и превращаясь в государственные высшие учебные заведения, лишь внешне похожие на университеты Запада, а по существу отличающиеся от них. Процесс этой мутации университетов на российской почве растянулся более чем на столетие, и можно проследить его основные этапы.

Начнем с того, что в России еще с XVIII века сложилось разделение высшего образования и науки. Для проведения научных исследований и получения нового социально значимого научного знания еще

48 Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века // rudocs.exdat.com [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-178440.html?page=2> (дата обращения: 21.03.2014).

Петром Первым была учреждена Академия наук. Университеты же, которые царь первоначально задумывал как подразделения Академии наук, с появлением министерства народного просвещения в начале XIX века передаются под его контроль и превращаются преимущественно в образовательные и воспитательные, а не в научные учреждения (тогда как на Западе в это же время рождается гумбольдтовский университет, в основу которого положен принцип единства научного исследования и преподавания).

Любопытно заметить, что дореволюционные университетские уставы практически не требовали от преподавателей самостоятельных занятий наукой, преподаватели должны были главным образом иметь широкие познания относительно научных достижений, прежде всего, появившихся на Западе, с тем чтобы быть в состоянии излагать их студентам. В уставе Московского императорского университета от 1804 года говорилось: «Главная должность Профессоров состоит в том, чтоб 1) преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом и соединять теорию с практикою во всех науках, в которых сие нужно; 2) преподавая наставления, пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы...»⁴⁹. То же самое требование мы встречаем и в типовом уставе университетов от 1835 года: «Должность профессора заключается: 1) в полном, правильном и благонамеренном преподавании своего предмета, 2) в точном и достоверном сведении о ходе и успехах наук, им преподаваемых, в ученом мире...».

В уставе 1835 года появляется и требование того, чтобы преподаватель имел ученую степень: «Никто не может быть Ординарным или Экстраординарным Профессором, не имея степени Доктора того Факультета, к которому принадлежит кафедра. Для получения звания Адъюнкта надлежит, по крайней мере, иметь степень Магистра», которое повторяется в уставе 1863 года: «Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре. Для получения звания доцента надлежит иметь, по крайней мере, степень магистра; приват-доцентами же могут быть и кандидаты, представившие диссертацию <...> по тому отделению факультета, в котором они намерены преподавать, и защитившие ее публично в присутствии факультета». Вместе с тем даже в этих уставах не содержалось требования продолжать за-

49 Устав Московского университета от 1804 года // История Московского Императорского Университета [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1804/contents.phtml> (дата обращения: 4.04.2014).

ниматься наукой во время службы в университете, неукоснительно требовалось лишь иметь степень при принятии на должность, а также требовалось вести преподавательскую работу⁵⁰.

Более того, государственная регламентация преподавательской деятельности, которая укоренилась в университетах России в XIX веке, исключала то понимание связи преподавания и науки, которое было характерно для университетов Запаदा. В российских университетах профессора и адъюнкты читали не специальные курсы, которые касались области их научных исследований, как на Западе, а общие курсы, которые были указаны в уставах университета и утверждены министерством народного просвещения. Понятно, что невозможно быть специалистом по философии вообще и по физике и физической географии вообще, чтения которых студентам требовал устав 1835 года. Можно не сомневаться, что преподаватели здесь действительно ограничивались изложением общих почерпнутых из чужих книг сведений.

Наконец, профессоров на должность назначало министерство, которое руководствовалось не столько их научными заслугами, сколько педагогическими талантами и благонадежностью. Достаточно вспомнить, с какими трудностями со стороны министерства сталкивался философ Владимир Соловьев при преподавании в Санкт-Петербургском университете; формулировка, с которой министерство лишило его университетской кафедры: «У него есть мысли», — говорила сама за себя. Собственно, университетские уставы и не требовали, чтоб на университетские кафедры назначали выдающихся ученых-исследователей, как это старались делать в Германии. Устав 1835 года гласил: «Профессоры, Адъюнкты и Почетные Члены Университета утверждаются в сих званиях Министром Народного Просвещения, которому, впрочем, предоставляется право и по собственному своему усмотрению назначать в Профессоры и Адъюнкты на вакантные кафедры людей отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих званий учеными степенями». Очевидно, речь не об ученых-исследователях, а

50 Устав 1884 года упоминает о научной деятельности преподавателей, но в интересном ракурсе: там говорится об этом не как о свободной деятельности ученого, который сам решает, когда, чем и сколько ему заниматься, а как об обязанности, которое время от времени накладывает на преподавателя совет факультета: «Штатные преподаватели обязаны исполнять поручения подлежащих факультетских Собраний, университетского Совета и Попечителя учебного округа, находящиеся в связи с научными занятиями этих лиц». Однако важнейшей обязанностью устав считает все же преподавание, он даже регламентирует время, которое преподаватель должен потратить на него, — не менее 6 часов в неделю.

об эрудитах и хороших педагогах⁵¹. Сказанное не отменяет того факта, что среди профессоров российских университетов действительно были крупные и выдающиеся ученые: В. О. Ключевский, Н. И. Лобачевский, С. М. Соловьев. Но если обратиться к оценкам современников, складывается впечатление, что это было скорее исключением, чем правилом: средний профессор был начетчиком и в лучшем случае хорошим знатоком учебников, по которым он читал лекции студентам.

Таким образом, хотя в российских университетах, как и в университетах Европы, предполагалось, что преподаватель одновременно является ученым-исследователем, активной научной работы наши университеты от него не ожидали. Наш преподаватель мыслился скорее как эрудит, который хорошо знает новейшие достижения науки, особенно западной, и способен толково и увлекательно изложить их студентам. Главной его деятельностью было преподавание, передача знаний, причем не им самим добытых.

Далее, в 1819 году в российских университетах была уничтожена и свобода учебы, которой также отличается европейский модернистский университет. Сделано это было посредством введения курсовой системы, которая предполагала, что студенты обучаются по универсальному учебному плану, установленному администрацией и утверждаемому министром (эта система впоследствии была восстановлена в советских вузах и существует в России по сей день). При поступлении каждому студенту выдавали табель, где было указано, лекции каких профессоров он должен посещать. Таким образом, российские студенты, в отличие от германских, не могли выбирать себе предметы и преподавателей. После окончания каждого учебного года в российских университетах предполагались экзаменационные испытания, студенты, не сдавшие их, не могли продолжать учебу. Допуском к экзаменам были зачеты полугодий — выдававшиеся студентам каждое полугодие разрешения, посредством которых преподаватель свидетельствовал, что студент посещал его лекции.

Этим российские университеты тоже сильно отличались от германских, гумбольдтовских, где внутри университета академических экзаменов не было, студенты сдавали лишь внешний государственный экзамен по окончании учебы в университете.

51 Устав 1863 года разрешил возводить в докторскую степень ученых, известных своими научными достижениями, но, как отмечают историки образования, результатом этого стали многочисленные факты получения «дарового докторства»; профессора присуждали своим знакомым степень доктора без защиты диссертации; см. Галай Ю. Г. Коррупция и кумовство при получении ученых степеней в университетах Российской империи // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2010. — № 2. — С. 20.

В конце XIX века были предприняты попытки изменить эту систему. По уставу 1884 года факультетам предоставлялось право разрабатывать не один, а несколько учебных планов с различными предметами в различной последовательности. Администрация университета в обязательном порядке знакомила студентов со всеми планами. Студент в начале полугодия мог подать заявление на имя декана, и тот в случае внесения студентом оплаты разрешал тому учиться по выбранному плану. Тем не менее эта мера не покончила с курсовой системой. Фактически у студентов все равно не было свободы выбирать себе предметы, они выбирали лишь тот или иной обязательный учебный план. Кроме того, далеко не все факультеты разрабатывали несколько планов, как по причине недостатка преподавателей, так и по причине консерватизма преподавателей, да и студентов, которых устраивал один стандартный план. Элементы свободы учебы были привнесены в университеты Российской империи лишь в ходе либеральной реформы 1905 года, причем сами современники оценивали их неоднозначно. Так, отмечалось, что большинство студентов не пользуются правом выбора, а учатся по стандартным планам, которые готовили факультеты в качестве рекомендуемых⁵².

В 1835 году в России было покончено и со свободой преподавания (о чем мы уже упоминали). Устав университетов 1835 года указывал, какие науки следует преподавать на определенном факультете, за факультетскими собраниями осталось только право распределения курсов и времени преподавания на каждые полгода (тогда как по предыдущему уставу от 1804 года профессора могли сами разрабатывать курсы, и если корпорация в лице совета университета их утверждала, то профессор начинал этот курс читать студентам). Так, на юридическом факультете обязательно преподавались следующие науки: «1) Энциклопедия, или общее обозрение системы Законоведения, Российские Государственные Законы, т. е. Законы Основные, Законы о Состояниях и Государственные Учреждения. 2) Римское Законодательство и История оного. 3) Гражданские Законы, общие, особенные и местные. 4) Законы Благоустройства и Благочиния. 5) Законы о Государственных повинностях и Финансах. 6) Законы Полицейские и Уголовные. 7) Начала Общенародного Правоведения (Jus gentium)»⁵³.

52 Студенческий альманах. Справочная книга для студентов и лиц, желающих поступить в университет. Сост. группой студентов под ред. Ш. Гринберга. 1907–1908 академический год. Одесса, 1908. — С. 15.

53 Университетский устав (26 июля 1835 года) // Летопись Московского университета [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 4.04.2014).

Устав 1884 года утвердил эти нормы, так как в нем содержались указания, какие конкретно кафедры должны быть на каждом факультете.

Особенно контроль над преподаванием усилился в правление императора Николая I, когда университетам запретили закупать иностранные книги и приглашать для преподавания иностранных ученых, преподавателей обязали представлять деканам краткие программы своих курсов (для передачи их вверх по начальственной лестнице вплоть до министерства), а на деканов возложили обязанность следить за тем, что читается на лекциях.

Также в правление Николая I философские факультеты в российских университетах были уничтожены, а вместо них созданы историко-филологические и физико-математические факультеты. Запрещено было и преподавание философии, которое было восстановлено лишь в эпоху реформ Александра II и лишь на историко-филологических факультетах, затем при Александре III снова запрещено и восстановлено лишь после 1905 года и вновь лишь на историко-филологических факультетах, где возникли философские отделения. Таким образом, большую часть XIX века в российских университетах вместо философии преподавались логика и психология, причем лишь профессорами богословия.

Это было сильным ударом по самой идее университета в России. Вспомним, что для модернистского гумбольдтовского университета философский факультет был центральным, обеспечивая универсальность образования, даваемого в университете (поскольку классическая философия, претендуя на статус основания всех наук, помогает приблизить их к идеалу научности вообще). В российских же университетах студенты после запрета философии изучали лишь конкретные науки, преподаваемые на данном факультете, без связи их с другими дисциплинами, которую могла бы обеспечить философия. Таким образом, студенты университетов теперь мало отличались от студентов высших специальных профессиональных школ. По сути, целостность университетской корпорации, которую на Западе спаивал воедино философский факультет, обеспечивалась теперь в России лишь институтами самоуправления (к тому же весьма ограниченного, поскольку все серьезные решения совета и ректора требовали согласования с попечителем и министром).

Наконец, в правление Александра III был принят самый суровый устав за всю историю российских университетов — устав 1884 года. Правда, его суровость сводилась к усилению государственного надзора, в плане учебной части он допускал даже некоторые свободы, но все же устав вошел в историю как ультраконсервативный. Ректор по нему назначался министерством и из «первого среди равных» в универси-

тетской корпорации превращался во всевластного университетского диктатора, который внутри университета мог вмешиваться в какую угодно область жизни. Устав гласил: «Ректору вверяется непосредственное заведывание всеми частями управления Университетом в указанных настоящим Уставом пределах. <...> Все служащие в Университете и состоящие при нем лица обязаны исполнять законные требования Ректора. Независимо от сего Секретари Совета и Правления, лица, служащие по найму в Канцеляриях сих установлений, Библиотекарь, Помощники его, Секретарь библиотеки, Казначей, Бухгалтер, Архитектор, Экзекутор, Архивариус и Врач состоят в непосредственном подчинении Ректора». Хотя формально сохранялись институты самоуправления — совет и правление университета, их решения теперь фактически не имели законной силы, если не были подтверждены ректором. Ректор же подчинялся только министру и отчетывался перед ним, представляя в университете волю министерства. Деканы факультетов и инспектор назначались попечителем учебного округа, который находился в ведении министра, и подчинялись во всех вопросах, выходящих за рамки компетенции попечителя, ректору. Назначение деканов, превращающее их в самовластных правителей на факультетах, также сильно ограничило права факультетских корпораций, но полностью не уничтожило их, в отличие от корпорации общеуниверситетской. За собраниями факультетов осталось право возводить в ученые степени магистра и доктора, на которое не могли повлиять ни министр, ни попечитель, ни ректор, ни декан. *Но все же не будет преувеличением сказать, что устав 1884 года покончил с существованием университетской корпорации в России.* Ведь корпорация по определению есть сообщество, которое обладает определенной независимостью от государства в своих внутренних делах. Средневековый университет, как мы помним, и возник как такая корпорация ученых-преподавателей, получившая привилегии от государства и церкви. Гумбольдтовская реформа покончила с самоуправлением университетов, так как профессора и сам ректор превратились в госслужащих, подчиняющихся министерству, но она и обозначила новый сегмент жизни университета, куда государство обязывалось не вмешиваться и где преподаватели и студенты все решали сообща, пользуясь полной свободой, — это область обучения. В этом смысле и гумбольдтовский университет оставался корпорацией ученых (как остается им и современный американский университет), причем речь именно о корпорации всего университета, а не отдельных факультетов. Несмотря на то, что на факультетах изучались разные науки, философия связывала их воедино и обеспечивала целостность корпорации.

В России в течение всего XIX века вследствие усилий государства, о которых уже шла речь, постепенно университет переставал быть корпорацией (именно в вышеуказанном смысле, поскольку в другом значении слова корпорация — сообщество взаимопомощи — российский университет оставался корпорацией: и профессора, и студенты в нем были связаны духом солидарности) и, значит, перестал быть университетом. *К последней четверти XIX века университет в России настолько переродился, что возможно стало говорить о превращении его в высшее учебное заведение, которое лишь называется университетом, но по существу им не является.*

Вообще, университет в России, после того как он начал приживаться на нашей почве, стал совершенно отличаться от западных образцов. Он не был похож на германский гумбольдтовский университет, потому что не был преимущественно научным учреждением, был лишен свободы преподавания учебы и философского факультета. В то же время он не был похож и на средневековый университет, так как не подчинялся церкви, был лишен теологического и философского факультетов и начал корпоративного самоуправления. Отличался он и от французских Grande école (учрежденных якобинцами вместо университетов профессиональных высших школ), потому что сохранял многопрофильность, разные, не сводимые к единой науке или области деятельности факультеты. На это обстоятельство обратили внимание еще авторы XIX века, писавшие по университетскому вопросу. Так, Н. И. Пирогов в замечательной брошюре «Университетский вопрос» (Санкт-Петербург, 1863) отмечал: «...наш университет отличается совершенно от английского средневекового тем, что он нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Наш университет похож только тем на французский, что в него внесен — и еще сильнее и оригинальнее — бюрократический элемент, но он не есть еще департамент народного просвещения как французский, и факультеты в нашем еще не лишены той взаимной связи, как в том. Наконец, наш университет еще меньше похож на германский, который ему служил образцом, потому что в нем нет самого характеристичного — полной Lehr und Lernfreiheit и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным»⁵⁴.

54 Пирогов Н. И. Университетский вопрос: Дополнение к замечаниям на проект общего устава Императорских российских университетов. — СПб.: В типографии Иосафата Огризко, 1863. — С. 8.

Пирогов заключает, что российскому университету легче дать отрицательное определение, чем положительное. Однако мы все же должны дать это положительное определение.

Мы считаем, что в XIX веке в результате мутации университета на российской почве сложился качественно новый, свойственный для этатистских сословных модернизирующихся обществ тип высшего учебного заведения — *мультиинститут*. Предлагаем следующее его определение: *мультиинститут — возникшая в Российской империи, продолжившая существовать в СССР и существующая поныне форма вуза, мимикрирующая под университет, но таковым не являющаяся в силу отсутствия одного из главных признаков университета — корпорации, наделяемой привилегиями высшей власти. Мультиинститут представляет собой механическую совокупность факультетов, которые, по сути, являются институтами, то есть специализированными профессиональными высшими школами. Между ними нет никакой существенной связи, кроме наличия общего администрирования, которое осуществляется назначаемыми министерством чиновниками (ректором, проректорами и т. д.). Мультиинститут, конечно, идеальная модель, впрочем, как и университет. Реальные российские императорские университеты лишь в определенной мере воплощали в себе черты мультиинститута, причем в разные эпохи в разной степени; например, в правление Александра I и Николая II российские университеты имели большее сходство с западными университетами, а в правление Николая I и Александра III — в наибольшей степени приближались к модели мультиинститута. Тем не менее, мультиинститут в общем был той целью, к которой объективно, хотя, может быть, и бессознательно, стремились российские университеты в ходе своей более чем столетней эволюции. Ничего иного кроме мультиинститута и не могло получиться на российской почве в результате пересадки сюда модели западного университета. Мультиинститут был и остается нашим российским оригинальным изобретением, которое так же соответствует специфике нашей цивилизации, как гумбольдтовский университет — специфике цивилизации западной.*

Российская империя была государством, которое практически полностью подчинило себе общество. Даже учителя и врачи были в ней государственными чиновниками, имевшими определенные ранги. Мультиинститут — тоже учреждение, в котором всякая деятельность, в том числе учебная, жестко регламентируется государством. И студенты, и преподаватели в нем — своеобразные государственные служащие в том смысле, что они осуществляли определенную государственную службу (сдачи), для чего им предлагались опре-

деленные привилегии и блага (раздачи). Впрочем, в университетах Российской империи преподаватели — от профессора до доцента — и формально были гражданскими государственными служащими определенного класса (доктора — 8-го, магистры — 9-го) и даже носили мундиры чиновников министерства просвещения. Студенты, правда, формально госслужащими не считались, но они по окончании университета вместе с дипломом получали чин определенного класса (действительные студенты — 12-го, кандидаты, т. е. закончившие с отличием, — 10-го). По этой причине современниками они также воспринимались как своеобразные чиновники, ведь чины можно было получить только на госслужбе⁵⁵. Фактически студенты были в том же положении, что и низшие чиновники, служащие в департаменте на мелких должностях и не имеющие класса, но могущие его получить за выслугу лет или за какие-либо отличия. Не случайно студент Волохов в романе И. Гончарова «Обрыв» юмористически рекомендует себя «чиновником 15 класса». Кстати, студенты, как и все чиновники в России, также носили мундиры, но без знаков различия. Наконец, некоторые указы российских самодержцев прямо причисляли студентов к госслужащим: так, Елизавета Петровна в 1756 году выпустила указ, «в котором учеба в университете (Московском. — Р.В.) приравнивалась к государственной и военной службе, выслуга лет шла одновременно с учебой, успешно окончившим университет сразу присваивался обер-офицерский чин»⁵⁶.

Таким образом, и те и другие были включены в систему государственных сдач и раздач, но не как члены университетской корпорации, которая имела бы определенную свободу действий, а именно как госслужащие (официальные или неофициальные), чья деятельность подробно регламентируется государством. Кроме того, университетам как раздаточным учреждениям были присущи и все остальные атрибуты последних: принудительный учебный и педагогический труд, служебная собственность.

Определимся теперь с тем, какова была социальная функция этих мультиинститутов.

55 См. Доробец М. К. Университет, студенческие кружки, академическая свобода. Симферополь: Тип. Тавр. губ. правл., 1901. — С. 17—18.

56 Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — 86 с.

2.3. МУЛЬТИИНСТИТУТ ГОССЛУЖБЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РАЗДАТОК

Первоочередной задачей для российского мультиинститута, мимикрирующего под университет, была подготовка государственных служащих (поэтому мы и говорим об университете в дореволюционной России как мультиинституте госслужбы). Об этом прямо было сказано в самых первых российских университетских уставах от 1804 года: «университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем предуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы». К эпохе Николая I сложилась следующая практика: юридические факультеты университетов готовили чиновников соответствующих министерств, а также адвокатов и судейских чиновников, медицинские — врачей государственных и земских больниц, а историко-филологические и физико-математические — гимназических учителей. Занятия гимназическим преподаванием, работа в больнице — все это в Российской империи относилось к государственной службе, соответственно, человек, этим занимающийся, числился чиновником по определенному министерству.

Российское петровское и послепетровское государство нуждалось в чиновниках разных профилей, потому что именно госслужащие были той силой, при помощи которой в России утверждались и функционировали институты общества модерна: армия и флот современного типа, индустрия, здравоохранение, образование и т. д. Поэтому перерождение университетов в высшие многопрофильные училища (мультиинституты) госслужбы и было закономерным. Империи не нужны были критически мыслящие представители гражданского общества и носители национальной культуры, которых готовили европейские модернистские университеты. Империя не была национальным государством, и в ней не было места гражданскому обществу. Ученые требовались имперскому государству лишь в ограниченных количествах, и эту потребность вполне могла удовлетворить учеба за границей (тем более что раздаточный университет по природе своей мало приспособлен для научного творчества, его предназначение — раздаток уже готового, сформулированного, одобренного государством знания). Вплоть до конца XIX века в российских университетах не было аспирантуры и для воспроизводства научных кадров государство посылало выпускников наших университетов либо в университеты Европы, либо в Дерптский университет, который был немецким университетом на российской территории. В начале XX века собственная аспирантура появляется, но традиция «повышения

квалификации» в университетах Европы (и прежде всего Германии) сохраняется вплоть до 1917 года (и именно благодаря ей научный уровень дореволюционных университетов был выше научного уровня средних советских вузов).

Итак, подготовка чиновников была главной государственной сдачей российских университетов.

Кроме того, в разные периоды истории России университеты имели дополнительные обязанности перед государством, так, например, по уставу 1804 года университет был центром учебного округа, и на его профессоров налагалась обязанность инспектировать гимназии и училища (позднее ее с университетов сняли). По уставу 1835 года университеты осуществляли, как мы бы сейчас сказали, «повышение квалификации» чиновников: чиновники с разрешения начальства посещали в университетах курсы, что давало право на получение ученой степени и соответствующего класса на службе. Были другие сдачи, однако в их историю углубляться в нашем исследовании, думаю, нецелесообразно.

Университетские сдачи государству обеспечивались раздачами, которые государство также осуществляло университету в целом.

Первая такая раздача — финансирование деятельности университета. Важно при этом заметить, что распоряжение выделяемыми финансами предоставлялось администрации университета.

Вторая — право университета распоряжаться финансовыми средствами, которые он выручал от платы за обучение, собираемой со студентов.

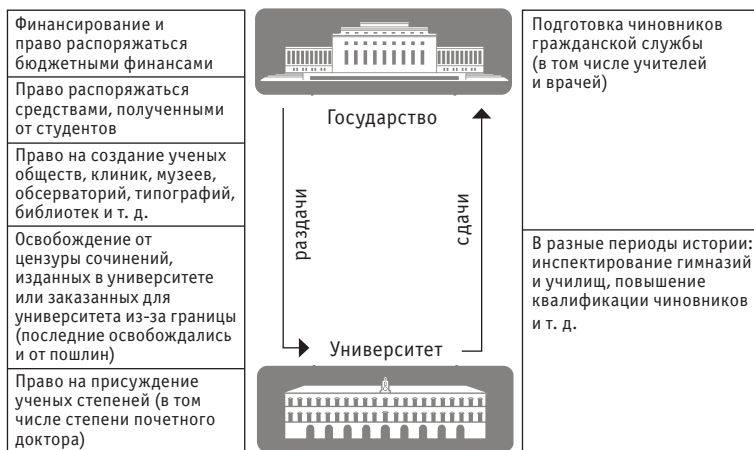
Университетам также давалось право на имущество их профессоров, умерших, не оставив наследников.

Для стимуляции учебной и научной деятельности важной представлялась такая раздача, как право университетов иметь собственные типографии, музеи, лаборатории, астрономические обсерватории, клиники, аптеки, книжные лавки, библиотеки. При этом книги, выпускаемые в университетской типографии, не подлежали цензуре. Не подвергались цензуре и не облагались пошлиной и иностранные научные сочинения, выписываемые для университетской библиотеки.

Наконец, государство даровало университетам право возводить в ученую степень (магистра или доктора) после защиты диссертаций, а также присваивать степень почетного доктора без защиты.

Изобразим это в виде схемы 8.

Схема 8. Сдачи и раздачи в системе «государство-университет» в царской России

Теперь рассмотрим раздачи преподавателям и иным работникам университетов и их сдачи государству.

Первой из таких раздач было, конечно, жалованье. Оно представляло собой не плату за работу по найму, а именно государственную раздачу и поэтому зависело не от объема работы, а от чина. Кроме того, после 25 лет беспорочной службы ординарные и экстраординарные профессора имели право на получение от государства пожизненной пенсии в размере оклада.

Раздача чинов государственной службы была второй важнейшей раздачей. В Российской империи ученая степень, выдаваемая факультетом того или иного университета, автоматически означала получение определенного класса на государственной службе. После защиты магистерской диссертации преподаватель получал 9-й класс по табели о рангах (титулярный советник), после защиты докторской — 8-й (коллежский асессор). Возможно было получение соответствующих ученых степеней (и чиновничьих классов) без защиты диссертации, «за научные заслуги», причем современники утверждали (и историки это подтверждают), что это создавало почву для многочисленных злоупотреблений (степени и чины раздавались по знакомству, родственникам или просто за взятки). Получение докторской степени означало не просто повышение оклада, но и повышение сословного социального статуса. До 1845 года чин коллежского асессора давал право на получение потомственного дворянства, а после 1845 — личного, так что преподаватели из мещан и разночинцев, делая научную карьеру, попадали в элиту империи.

Инспектор студентов по уставу университетов от 1835 года имел 7-й класс (надворный советник), то есть по чину был выше профессора. Однако профессор, ставший деканом, приобретал 5-й класс (статский советник), а ректор — 4-й (действительный статский советник). Таким образом, ректор входил в высшие четыре класса имперских чиновников, по чину был равен генерал-майору в армии, а по должности соответствовал директору департамента, губернатору и градоначальнику.

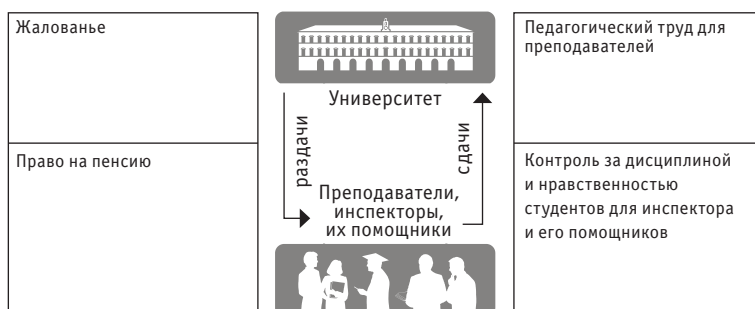
Были и другие, дополнительные раздачи профессорам, магистрам, и вспомогательному персоналу; так, профессора освобождались от квартирной повинности.

Конечно, раздачи преподавателям и вспомогательному персоналу предполагали сдачи с их стороны.

Для преподавателей это был педагогический труд, который строго контролировался (преподаватель должен был отчитываться перед советом университета за проведенную работу)⁵⁷ и нормировался (преподаватель обязан был читать столько занятий, сколько требовал от него совет, причем не меньше 8 часов в неделю по уставу 1835 года и 6 часов в неделю по уставу 1884 года). До 30-х годов XIX века на преподавателей возлагалась и обязанность контроля дисциплины и нравственности студентов, но потом эта функция была возложена на университетскую полицию во главе с инспектором. Сдачей инспектора и его помощников был надзор за дисциплиной студентов, предотвращение беспорядков, особенно на почве политики, и осуществление наказаний нарушителей.

Обобщим сказанное выше в виде схемы 9.

Схема 9. Раздачи преподавателям и вспомогательному персоналу и их сдачи в университетах царской России

57 Общий устав Императорских Российских университетов, высочайше утвержденный 18 июня 1863 года // [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/TEXTBOOKS/ustaw_18.txt (дата обращения: 4.04.2014).

Преподаватели и вспомогательный персонал в ходе своей служебной деятельности осуществляли раздачу студентам и контролировали, принимали, регистрировали и оценивали их сдачи. Раздачи эти были связаны с теми социальными функциями, местом в обществе и сословной психологией, которые требовались от чиновников Российской империи и были характерны для них.

Во-первых, чиновник должен был иметь определенный чин в государственной иерархии. Наличие чина означало получение той степени власти, которая необходима для выполнения служебных обязанностей. Если бы выпущенный университетом чиновник имел чин ниже, чем его подчиненные в том ведомстве, по которому он начинает служить, то он не мог бы отдавать им приказы.

Во-вторых, чиновник должен был иметь определенные знания и умения, без которых также было невозможно выполнение его служебных обязанностей. Например, выпускник историко-филологического факультета университета, как правило, отправлялся (или направлялся министерством) учителем в гимназию для преподавания гуманитарных дисциплин. Но, естественно, чтобы преподавать древнегреческий язык, нужно сначала его изучить.

И, наконец, в-третьих, чиновник должен был обладать определенным набором личностных качеств, которые делали возможным его службу и продвижение по карьерной лестнице. Это, прежде всего, дисциплинированность, готовность подчиниться приказам вышестоящего начальства, чувство иерархии, исполнительность, аккуратность, методичность, высокая работоспособность. Человек, который не признает авторитет начальства, отказывается выполнять приказы, несообразен, не сможет стать хорошим чиновником.

Таким образом, выпускник университета должен был:

- 1) получить чин для прохождения госслужбы;*
- 2) получить знания и умения, необходимые для госслужбы;*
- 3) получить психологические качества, характерные для чиновника.*

Первые два требования обеспечивали преподаватели (профессора, доценты и приват-доценты), третье — специально учрежденная для этого инспекция («университетская полиция»), куда входил инспектор — отставной гражданский или военный чиновник и его помощники.

Выдача университетского диплома (как и защита диссертации) в Российской империи означала присвоение определенного чиновничьего класса, который позволял занять на госслужбе определенную должность. Выпускники российских университетов разделялись на действительных студентов и кандидатов. Действительный студент — низшая ученая степень, которая присваивалась студентам, закончившим универси-

тет без отличия, до 1882 года она давала право на чин 14-го класса (коллежский регистратор), с 1822 года — 12-го класса (губернский секретарь). По уставу 1884 года эта степень была упразднена, но подобным студентам выдавался диплом 2 степени, который давал те же права. Кандидат — это студент, получивший диплом с отличием, ему давался чин 10-го класса (коллежский секретарь или штаб-ротмистр в армии), после 1884 года таким студентам выдавался диплом 1 степени.

Обратим внимание, что гумбольдтовский университет просто выпускал студентов, выдавая свидетельство о том, что они прослушали определенные курсы, а затем уж они сами устраивались на государственную службу, при этом они должны были сдать экзамен по месту работы. Иначе говоря, высшее образование в Германии было набором знаний и компетенций, которые могли обеспечить их обладателю высокий социальный статус, а могли и не обеспечить. *В России высшее образование сразу стало государственным ресурсом, который государство в лице ректора университета и факультетского собрания выдавало для успешной служебной деятельности. Высшее образование гарантировало получение определенного социального статуса* (ни один чиновник, какая бы выслуга лет у него ни имелась, не мог подняться выше титулярного советника, то есть чина 9-го класса, без университетского диплома) и фактически представляло собой привилегию, род государственной раздачи. Итак, если в Германии университет только давал знания и умения, а государство в лице внешних экзаменаторов наделяло или не наделяло выпускника должностью, то в России университет совмещал эти функции (в правление Александра III была предпринята попытка ввести внешний госэкзамен, которая, однако, вызвала возмущение университетских преподавателей, и постепенно это начинание путем постоянных корректив было сведено на нет).

Существовавшая в России связь между ученой степенью, даваемой университетом, и классным чином была постоянным предметом критики со стороны либеральной профессуры и общественных деятелей, а также революционно-демократической интеллигенции. Об этом с негодованием писали и Д. И. Писарев, и В. И. Вернадский, и даже министр П. М. фон Кауфман. Критики утверждали, что благодаря тому, что диплом российского университета автоматически дает право занимать определенную чиновничью должность, университет привлекает не искателей знаний и истины, а искателей постов и чинов. В общем-то, это было верно, критики не учитывали лишь, что такая связь не случайна, а закономерна. Ведь первоначально правительство пыталось внедрить у нас академические свободы и не связанные с государственными должностями академические степени. Результатом стало лишь

то, что университеты не имели слушателей, Московский университет второй половины XVIII века хронически не мог набрать студентов, пока Елизавета Петровна не выпустила указ, по которому годы учебы в университете включались в стаж государственной службы.

Впрочем, раздача знаний была в российских университетах не менее важна, чем раздача служебных чинов. Ведь в идеале (который, конечно, не всегда достигался) определенный чин должен был соответствовать определенному уровню знаний. В петровском «полицейском просвещенном государстве» (созданном по модели вольфианского «*Polizeistaat*») именно образованность, а не происхождение, была основанием власти: дворяне властвовали над крестьянами, потому что первые — просвещенное, а вторые — непросвещенное сословие.

Причем российский дореволюционный университет (мультиинститут госслужбы) был учреждением, где знания именно раздавались. Субъектом раздачи были, естественно, преподаватели, а объектом — студенты. Вплоть до конца XIX века в российских университетах не было семинаров, а были только лекции (а появившиеся в начале XX века просеминарии и семинарии часто были необязательными). Министерство требовало от преподавателей, чтоб лекции именно *читались*, в буквальном смысле — с листа, так было легче проверить, что говорит преподаватель с университетской кафедры и нет ли в его словах крамолы. В эпохи реакции, например в правление Николая I, деканам поручалось лично проверять содержание лекций преподавателей факультета. Разумеется, лучшие преподаватели даже в этих условиях старались дать студентам максимум новейших научных знаний и пробудить в них интерес к науке, так, студенты высоко отзывались о лекциях историка С. М. Соловьева в Московском университете, которые он тоже читал с листа, но добросовестно работая над текстом всю неделю перед занятием. Однако лучших всегда было меньшинство. Большинство составляли средние и слабые преподаватели, которые читали старые конспекты или свои собственные старые, давно изданные книги. Валентин Булгаков — секретарь Л. Н. Толстого — описывал, как он, будучи студентом Московского университета, был глубоко разочарован, когда понял, что профессор уже много лет читает одно и то же по старой своей книге⁵⁸.

От студентов требовали при этом дословной записи лекций профессора. Чтобы не возникало недоразумений, применялся следующий прием. Студенты, которые владели стенографией, делали запись, за-

58 См. Булгаков В. Университет и университетская наука. Почему я вышел из университета? — М.: Новый мир, 1919.

тем профессор ее просматривал и исправлял ошибки, затем эту запись отпечатывали литографическим способом, после чего ее продавали студентам за умеренную цену (чтобы стенографисты могли окупить свой труд). По ней и рекомендовалось готовиться к экзамену. Учебных пособий до начала XX века не было, и лекции профессора были единственным текстом для подготовки (добросовестные профессора рекомендовали и дополнительную литературу, но большинство ориентировали студентов на зубрежку их лекций).

Как видим, российские университеты в этом смысле почти полностью повторяли средневековые университеты, где знание тоже раздавалось, и качественно отличались от западных модернистских университетов, где господствовал образовательный обмен. *Специфика состояла лишь в том, что у нас в ресурс для раздачи были превращены знания модернистского типа, которые на Западе рождались и распределялись в процессе научного обмена* (поэтому будем говорить о высшем образовании в Российской империи как о *модернистском образовательном раздатке*). Средний российский преподаватель был раздатчиком знаний, которые не им самим были произведены и которые он лишь собрал из научных книг и наилучшим для преподавания образом систематизировал под контролем государства. Нежелание обновлять лекции, хотя этого прямо требовали университетские уставы, и происходило из понимания знания как ресурса. Как уже говорилось, ресурсов по определению всегда наличествует ограниченное количество и в идеальном традиционном обществе не производятся новые ресурсы, а лишь воспроизводятся старые. Таким образом, наличествовал конфликт между ресурсным пониманием знания в российской системе университетского образования и нересурсным обменным характером знания в модернистской науке.

Наконец, третья раздача, необходимая для чиновников, которых выпускал российский мультиинститут госслужбы, — привитие студентам психологических качеств, характерных для чиновника. Ее осуществляла инспекция, созданная для «надзора за нравственностью» студентов, обладающая правом контролировать жизнь студентов и наказывать их вплоть до помещения в карцер. В литературе по истории российских университетов неоднократно и подробно описывались те многочисленные, продуманные до мелочей обязанности, которые налагались на студентов и вызывали их глубокое возмущение. Это и необходимость носить форменную одежду (мундир в торжественных случаях и тужурку по будням), и запреты собраний, землячеств и кружков, и требование не покидать университет даже на каникулах без получения от инспектора увольнительного билета. За малейшие проступки

(вроде хождения в мундире с расстегнутой верхней пуговицей) мог последовать выговор, а за более серьезные проступки — помещение в карцер и даже отдача в солдаты для студентов-недворян, учившихся за счет государства. В советские времена это объясняли реакционностью царского правительства и чиновничества, обскурантистскими порядками, которые господствовали в дореволюционных университетах. На самом деле все объясняется проще и прозаичнее: *суровая и мелочная дисциплина призвана была воспитать в склонных к вольностям юношах психологию чиновника*. Возьмем, к примеру, требование носить форменную одежду, которое больше всего возмущало самих студентов и возмущает сегодняшних историков образования либерального направления. Они не понимают того, что *это требование применялось к людям, покинув университет, получают определенный чиновничий класс, пойдут на госслужбу и будут там обязаны носить мундир соответствующего ведомства до выхода на пенсию*. По замыслу надзирателей за нравственностью студентов *пусть они до начала службы научатся носить мундир, потому что, если потом на службе чиновник появится с расстегнутой пуговицей, ему грозит нечто более серьезное, чем выговор университетского инспектора* (в российской истории были случаи, когда такое заканчивалось для чиновника увольнением).

Вообще все обучение в императорском университете было не чем иным, как подготовкой к будущей чиновничьей карьере во всех смыслах этих слов. Преподаватели ведь тоже были для студента чиновниками, обладающими более высоким рангом. Каждый из них обладал своими индивидуальными особенностями и предъявлял особые требования, сдача им зачетов и экзаменов обеспечивала студенту возможность (и необходимость) практиковаться в умении ладить с различными типами начальства. Даже студенты, поведение которых оценивалось негативно со стороны преподавательского состава (стремившиеся обмануть преподавателя, списать на экзамене, подкупить экзаменаторов) получали навыки, необходимые чиновнику в его будущей реальной (а не идеализированной) жизни.

Итак, мы рассмотрели три важнейшие университетские раздачи, объектами которых являлись студенты. Разумеется, при этом предполагались сдачи со стороны студентов, которые представляли собой выполнение их главнейших «служебных обязанностей». *Их также было три:*

- 1) *добросовестная учеба;*
- 2) *своевременная оплата обучения;*
- 3) *выполнение дисциплинарных требований.*

Каждая из них дробилась на множество более мелких обязанностей. Так, добросовестная учеба предполагала обязательное посещение занятий и конспектирование лекций, запрет на опоздания на занятия, обязательную сдачу зачетов полугодий и курсовых испытаний (экзаменов). Контроль выполнения учебных обязанностей возлагался отчасти на инспектора с помощниками, отчасти — на профессора (впрочем, в начале XIX века специально для этого назначенные преподаватели выполняли функции инспектора). Инспектор и его помощники проверяли наличие студентов на лекциях (в 1830-х годах в провинциальных университетах в аудиториях места нумеровались и каждому студенту присваивался номер; инспектору достаточно было заглянуть, чтоб узнать, кто отсутствует). Профессора и доценты выдавали «зачеты полугодий» (свидетельства о том, что данный студент посещал их занятия в течение полугодия), по истечении курса (полного курса читаемых предметов) студент подвергался курсовым испытаниям (экзаменам). До принятия устава 1884 года такие испытания проводились каждый год, после его принятия — по окончании второго и четвертого года обучения⁵⁹. Экзамены сдавали тому профессору, который читал лекции, и его ассистенту. Экзамены проводились по программам, утвержденным министерством, но конкретное наполнение программ содержалось в лекциях и пособиях профессоров. Часто от студента требовалось лишь знать назубок лекции или пособие профессора.

В уставе 1884 года была предпринята попытка ввести государственные экзамены по немецкому образцу, однако, как отмечал В. И. Вернадский, вскоре она провалилась. При помощи различных подзаконных актов, выпущенных и министерством, и самим университетом, госэкзамен был дополнен внутриуниверситетскими экзаменами, которых в Германии не было, да и сам госэкзамен превратился в обычный факультетский итоговый экзамен, который всегда в России был и на основании сдачи которого присуждали степень действительного студента или кандидата (диплом 2 и 1 степени) и соответствующий классный чин⁶⁰.

Другой сдачей студентов была оплата обучения. Оплата производилась за полугодия и в среднем составляла до 50 рублей во второй половине XIX века. В конце XIX века стало практиковаться и взимание

59 См. правила для студентов Санкт-Петербургского университета от 1897 года, которые требовали зачета четырех полугодий перед экзаменом.

60 См. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи в XVIII — начале XX веков: Антология. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 384—400.

платы за отдельные лекции и семинары — по рублю за час занятий в неделю. Плата за допуск к госэкзамену, без сдачи которого нельзя было получить чин, составляла 20 рублей. Те, кто не внес плату за обучение в течение первых двух месяцев полугодия, исключались из университета. Оплата была именно сдачей, только денежной, хотя на первый взгляд может показаться, что перед нами рыночные отношения: студенты платят за обучение, преподаватели за это предоставляют им образовательные услуги. Но рыночные отношения предполагают равноправие сторон и свободу выбора, а в российском университете фактически выбора у студентов не было. Они не могли выбирать себе курсы и преподавателей, их принуждали слушать лекции определенных профессоров и сдавать экзамены по министерским программам. Перед нами именно сдача, своеобразная повинность для тех, кто располагал такой возможностью.

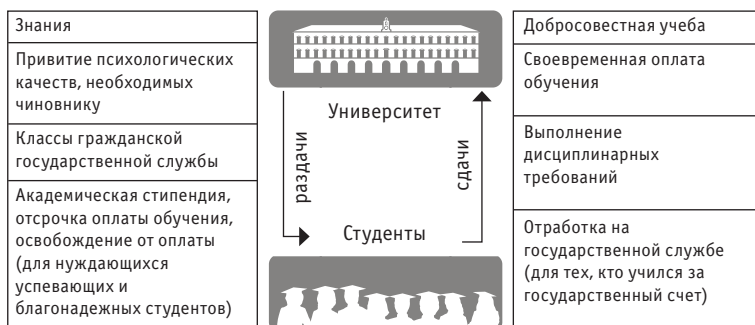
От оплаты государство освобождало студентов, которые находились в тяжелых материальных условиях и в то же время добросовестно учились, отличались политической благонадежностью и не имели дисциплинарных взысканий. До 1860-х годов такие студенты назывались казеннокоштными, они не только не платили за учебу, но и содержались за счет государства (бесплатно жили и питались при университетских интернатах). В 1860-е годы им заменили натуральное обеспечение денежной стипендией (в размере 25 рублей в месяц). *Так возникла академическая стипендия, которая затем была возрождена в СССР и которая стала отличительной чертой российской высшей школы.* Запад таких стипендий не знает, там есть лишь адресные пособия нуждающимся студентам, которые не зависят от успеваемости студентов; они представляют собой филантропическую помощь, которая дается без предварительных условий. Академическая стипендия — не филантропическая помощь, хоть она и напоминает ее внешне, ведь и тут речь идет о нуждающихся студентах. *Академическая стипендия — по сути своей жалованье, которое выплачивает государство студентам за их хороший учебный труд и примерное поведение. Это еще раз подтверждает то обстоятельство, что фактически студент в российском вузе тоже был и остается своеобразным служащим государства, хоть и временным и без чина.*

Стипендии могли и лишить — в случае нарушения дисциплинарных требований или понижения успеваемости. *То есть стипендия была раздачей, которая предполагала сдачу со стороны студента, причем не только в процессе учебы, но и по окончании ее.* В Российской империи студент, получавший стипендию из государственного казначейства, обязан был по окончании университета проработать по указанию правительства по полтора года за каждый год, когда он получал сти-

пендию (таким образом, если он получал стипендию все 4 года обучения, то он должен был отработать на государство 6 лет). Однако он освобождался от отработки, если вносил сумму, выплаченную ему государством. *Как видим, и распределение с отработкой придумали не большевики, эти явления существовали в российских университетах задолго до Октябрьской революции и представляли собой вполне закономерные для раздаточного вуза институты.*

Обобщим раздачи университета (и государственные раздачи посредством университета) студентам и их ответные сдачи посредством схемы 10.

Схема 10. Раздачи и сдачи в системе «университет — студенты» в царской России

Мы обрисовали потоки сдач и раздач, которые наличествовали в российских дореволюционных университетах. Поскольку речь идет о раздачке, то должен наличествовать принудительный служебный труд, организованный планомерно и с использованием служебной госсобственности. Так оно и было. И труд преподавателей, и труд студентов был принудительным. Он подчинялся учебным планам и расписаниям, утвержденным министерством, контролировался министерством, попечителем, советом университета, преподавателями и инспекторами. В процессе этого труда использовалась служебная госсобственность — от аудиторий до содержания лекций, которые хоть и составлялись самим преподавателем, но были лишь конкретизацией экзаменационных программ, спущенных из министерства.

Более того, была предусмотрена система наказаний за невыполнение или плохое выполнение служебных обязанностей. Для преподавателей это штрафы за опоздания на лекции и пропуски лекций, которые шли в казну университета, а также увольнение за более се-

резные нарушения, проводившееся по уставу 1863 года советом, а по уставу 1884 — министром. Для инспекторов — контроль со стороны попечителя, который их назначал на должность и снимал с нее. Для студентов система наказаний была наиболее изощренной, что естественно: ведь воспитание студентов в духе послушания было одной из главных функций дореволюционного университета. Было несколько степеней дисциплинарных наказаний студентов:

- 1) внушение со стороны проректора наедине или при товарищах студента;
- 2) выговор с внесением в матрикулу;
- 3) строгий выговор в присутствии университетского суда с внесением в матрикулу;
- 4) удаление из университета по решению университетского суда сроком до одного года с правом через год снова поступить в данный университет, если нет уведомлений о дурном поведении;
- 5) исключение из университета по решению университетского суда без права восстановиться в данном университете, но с правом учиться в других российских университетах;
- 6) исключение без права учиться в российских университетах, о чем посылались уведомления в другие российские университеты⁶¹.

Для социальных институтов раздатка характерно наличие канала обратной связи между ресурсодателями и ресурсополучателями. Это жалобы, которые играют здесь важную роль; они превращают раздаточные механизмы в саморегулирующуюся систему. Одним из фундаментальных недостатков российских имперских университетов (мультиинститутов гражданской госслужбы) было несовершенство, неотлаженность этого канала. Преподавателей в России назначала администрация университета, а то и министерство образования. Студенты не могли даже выразить словесно, устно или письменно свое мнение об этом преподавателе. Специальные директивы министерства просвещения прямо запрещали студентам во время или после лекции словами, свистом, хлопками или иными способами оценивать того или иного лектора под страхом наказания⁶². Студент имел

61 Матрикула № _____, выданная студенту ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского университета. 1861—1862 учебный год. — С. 5—6.

62 В правилах для студентов, помещаемых в их матрикулах, говорилось: «На лекциях не допускается ни под каким предлогом и ни в каком виде шумные одобрения или порицания преподавателя», см.: Матрикула № _____, выданная студенту ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского университета. 1861—1862 учебный год. — С. 4.

право обратиться с прошением к проректору, если «чувствует себя обиженным со стороны Профессора, Декана факультета или чиновника, состоящего при проекторе» или если «встретится какое-нибудь недоразумение ... между им и казначеем по платежу положенных за посещение лекций денег»⁶³, но, как видим, у студента не было возможности повлиять на администрацию, если он считал, что преподаватели не обладают удовлетворительным уровнем профессиональной подготовки. Это резко снижало эффективность педагогической деятельности преподавателей, ведь очевидно, что если преподаватель не пользуется авторитетом и популярностью у студентов, то и предмет, который он преподает, они будут знать плохо. По сути, запретом такого рода жалоб руководство университетов (от министра и попечителя до ректора и декана) лишало себя возможности получить неофициальную информацию о квалификации преподавателей, дабы учесть ее при отборе кадров.

Попытки контроля квалификации преподавателей, конечно, были; в николаевские времена деканы не только могли, но и должны были посещать лекции профессоров, но здесь оценивалась в большей степени не квалификация, а благонадежность преподавателей.

Наконец, нельзя не упомянуть, что дореволюционные университеты имели и свои механизмы компенсации, каковые всегда сосуществуют с раздатком, уравновешивая его и минимизируя его негативные последствия. К ним относились существование экстраординарных лекций, которые читались после обеда экстраординарными профессорами и на которые студенты ходили на основе свободного выбора, и институт приват-доцентов, который был введен уставом 1884 года. Приват-доценты могли предлагать свои курсы, отражающие их научные занятия. Однако вплоть до либеральных реформ 1905 года эти механизмы были слабы.

Мы рассмотрели основные элементы дореволюционного университетского раздатка (модернистского образовательного раздатка). Подведем некоторые итоги.

Российские имперские университеты были университетами лишь по внешним своим чертам и по названию. На самом деле они были лишены существенных признаков европейского университета. Сформулируем отличия российских императорских университетов от западного гумбольдтовского университета в виде таблицы 3.

63 Матрикула № _____, выданная студенту ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского университета. 1861—1862 учебный год. — С. 7.

Таблица 3. Отличия российского императорского университета от западного гумбольдтовского университета

Российский императорский «университет» (раздаточный мультиинститут госслужбы)	Западный гумбольдтовский классический университет
Цель — подготовка государственных служащих.	Цель — подготовка ученых и просвещенных людей, лишь некоторые из которых по своему желанию станут госслужащими.
Выпускники получают определенный класс госслужбы.	Выпускники не получают никаких классов госслужбы, если они желают получить государственный пост, то должны сдать государственный экзамен вне стен университета.
Предусмотрена академическая стипендия для тех студентов, которые нуждаются в материальной помощи и имеют успехи в учебе.	Академическая стипендия отсутствует.
Студенты, получавшие стипендию и помощь от государства, обязаны отработать на госслужбе определенный период или вернуть деньги.	Отработка после окончания университета отсутствует.
Преподаватель — не обязательно действующий ученый, он обязан раздавать студентам общепризнанные одобренные министерством знания, изложенные в общих курсах.	Преподаватели — действующие ученые, которые вовлекают студентов в процесс своего научного исследования.
Работа над диссертацией и подготовка к деятельности ученого происходит, как правило, за границей в ходе специально предусмотренной стажировки.	Работа над диссертацией и подготовка к деятельности ученого происходит в самом университете.
Студенты не имеют свободы учебы, а преподаватели — свободы преподавания, и те и другие подчиняются учебным планам, утвержденным министерством и правительством. Учебный план предполагает курсовую систему, т. е. распределение предметов по годам обучения в определенной последовательности.	Студенты пользуются свободой учебы, а преподаватели — свободой преподавания. Курсовая система отсутствует, последовательность изучения предметов выбирает сам студент.
Экзамены проводятся каждый год, а зачеты — каждые полгода, без сдачи их невозможен перевод на следующий курс.	Экзамены внутри университета отсутствуют, за исключением академического экзамена для тех, кто желает защитить диссертацию на степень доктора.
Единство факультетов обеспечивается общим административным руководством, восходящим к власти ректора, назначаемого министерством, и единым расписанием и планом. Университетское самоуправление фактически отсутствует, философского факультета нет.	Единство факультетов обеспечивается философией, стремящейся свести воедино все науки и элементами университетского самоуправления.

Как видим, российские «университеты» на самом деле вовсе не были университетами, а представляли собой многопрофильные высшие училища (мультиинституты), готовящие к разным родам гражданской государственной службы⁶⁴. Их задача состояла в том, чтобы дать знания, необходимые чиновникам для службы, а также привить характерные для чиновников психологические качества и, наконец, наделить выпускников классным чином. Этим занимались преподаватели и университетская полиция, которые сами были чиновниками и были включены в систему сдач и раздач. Студенты тоже были своеобразными неофициальными госслужащими, чья учеба и подчинение дисциплине воспринимались как работа на государство.

Отсюда проистекают и отличия российских университетов от западного классического университета, которые бросаются в глаза и обычно объясняются «деформированностью» российской культуры. Будущим чиновникам ни к чему свобода учебы и преподавания, а также привлечение к преподаванию крупных ученых, которые демонстрировали бы секреты своего исследовательского мастерства. Они не будут заниматься наукой, им нужны наборы систематизированных, признанных государством знаний, которые можно будет применить в конкретной практической ситуации.

Ни к чему им и философия, понимаемая как источник единства универсума наук и национальной культуры в целом. Империя и не была национальным государством с единой для всех унифицированной культурой, единство ее создавалось общей властью над многими качественно отличными в культурном отношении общинами. На уровне «университета» повторяется та же матрица (отдельные факультеты превращаются в сообщества со своей субкультурой, подчиняющиеся единой надфакультетской администрации).

64 Интересно, что современники это понимали. Министр просвещения Российской империи П. М. фон Кауфман прямо говорил, что для государства в России свойственен «взгляд на университет как на правительственную школу для приготовления лиц к поступлению на государственную службу» (Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. М.: РОССПЭН, 2011. — С. 483).

2.4. КРИЗИС РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: ЧИНОВНИКИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Во второй половине XIX века российские императорские университеты вступили в эпоху кризиса, с которым они не смогли справиться до самого конца своей истории. Жалоб на состояние дел в университетах было немало; публицисты и сами университетские профессора конца XIX века постоянно писали о том, что уровень преподавания в них крайне низок, значительное количество профессоров далеки от науки и являются в лучшем случае начетчиками, что же касается студентов, то для многих пребывание в университете мало что меняет в их жизни: лекции они не посещают, вся учеба сводится к нескольким неделям подготовки по плохим конспектам и невразумительным ответам на экзаменах⁶⁵. Учеба и наука их совершенно не интересуют, университет для них — возможность получить соответствующий чин и должность, которые бы обеспечили их существование в дальнейшем⁶⁶. Причем если правительство требовало от студентов хотя бы получения минимума знаний, который необходим будущим чиновникам, то студенты шли по пути наименьшего сопротивления и стремились получить оценки, удостоверяющие наличие этих знаний, без труда по приобретению этих знаний. В. Булгаков с горькой иронией описывает среднего студента, который, унижаясь перед профессором, выпрашивает низшую положительную оценку (как тогда выражались, «у», то есть «удовлетворительно»), а затем перед товарищами высмеивает профессора за наивность и гордится своим успехом⁶⁷.

Таким образом, уровень образовательной подготовки чиновников, которую давали дореволюционные университеты, оценивался современниками низко.

Но не только и не столько это вызывало особую обеспокоенность правительства. Главный предмет заботы правительства той эпохи — рост революционных настроений среди студентов. Университеты, которые в России выполняли функции воспроизводства гражданских госслужащих, превратились во второй половине XIX века в оплот ре-

65 См. об этом: Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроениях) // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология. М.: РОССПЭН, 2011. — С. 468—480.

66 См. об этом замечательную статью Д. И. Писарева «Наша университетская наука» в той же антологии.

67 Впрочем, как мы убедились, и это могло пригодиться им в будущей чиновничьей практике.

волюционного движения. Молодые люди, казалось бы, пришедшие в университеты для того, чтоб изучать науки и служить Отечеству, через пару лет обучения превращались в революционеров. По данным министерства внутренних дел, $\frac{3}{4}$ всех политических преступников и практически все террористы, участвовавшие в покушениях на царя, учились в университетах. Обычным делом были студенческие забастовки, когда студенты срывали занятия и не учились неделями и месяцами. Поводом для забастовок могли стать жестокость университетской полиции (помещение какого-либо студента в карцер), навязывание администрацией профессора, которого студенты не хотели слушать (причем для студентов важна была не его научная подготовленность, а политические взгляды, бойкотировались профессора-реакционеры) или просто события в политической жизни страны (например, преследования революционеров). Накал студенческих беспорядков достигал такой силы, что университетская полиция не справлялась, в университеты направлялись силы полиции и войска. Несколько раз правительство закрывало университеты. Так, в 1861 году Санкт-Петербургский университет охватили студенческие беспорядки. Студенты срывали занятия, устраивали демонстрации, рвали студенческие книжки. Причиной стал приказ министра образования графа Е. В. Путятина о запрете студенческих собраний и ужесточении дисциплины. Даже введение в университет войск и аресты не смогли утихомирить студентов, и Александр II приказал закрыть университет. Университет был вновь открыт в 1862 году, но в знак протеста его покинули отдельные профессора, среди которых были видные ученые: М. М. Стасюлевич, К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович, а затем и Н. И. Костомаров.

В 1899 году по стране прокатилась студенческая забастовка, в которой приняли участие 25 000 студентов (из 40 000, которые обучались в империи на рубеже веков). В 1900 году события повторились. В 1905 году студенты приняли участие в революции, так что большую часть года университеты практически не работали, потому что студенты бойкотировали лекции и занимались политическими дискуссиями. В 1911 году студенты Петербургского университета устроили забастовку в ответ на министерский запрет студенческих сходок, из университета были исключены 392 студента, и университет вновь был временно закрыт. Забастовка студентов Московского университета, проявивших солидарность с петербуржцами, привела к «разгрому Московского университета». Студентов в Москве поддержали преподаватели — в результате 130 профессоров, доцентов и приват-доцентов были уволены и университет лишился значительного числа научно-педагогических кадров.

Политическая активность студентов сильно ударила по учебному процессу в университетах. Идеалом студенчества был не хороший, добросовестно учащийся студент, а бунтарь, оратор студенческих сходок, который при этом на экзамене показывал средние результаты. Бастующие студенты вынуждали присоединяться к себе даже тех студентов, которые желали продолжать учебу, иначе их ждал моральный бойкот всего студенческого сообщества. Увольнения в среде преподавателей касались, прежде всего, молодых, активных преподавателей, подающих надежды на научной стезе, учившихся за границей и напитавшихся там духом вольности, и не касались карьеристов и бюрократов от преподавания и науки. Они-то и оставались и задавали тон после «чисток университетов».

В итоге сложилась ситуация, когда говорить о нормальной работе российских университетов уже не приходилось. Хотя в начале XX века в университеты, особенно столичные, все больше проникает дух академической науки: там преподают выдающиеся ученые (философы Трубецкие, естествоиспытатель В. И. Вернадский, биолог К. А. Тимирязев и др.), возникают практические семинарские и лабораторные занятия для студентов, появляется собственная российская аспирантура, — рост политической активности студентов сводит всё это на нет. Министр просвещения П. М. фон Кауфман говорил о разложении российской высшей школы и об «органическом пороке университетского строя в России». Историк образования Н. В. Сперанский в 1914 году констатировал «крушение университетов в России». Действительно, скоро революция, к которой так страстно стремилось российское студенчество, окончательно разрушит систему университетов.

Правительство видело причину краха университетов в недостаточном контроле над студентами и чаще всего реагировало запретительными мерами, репрессиями, повышением платы за обучение, чтобы в университеты не проникли бедные и радикальные разночинцы. Результат был обратным ожидаемому: радикализм студентов только возрастал. Либеральная профессура требовала автономии университетской корпорации и свободы учебы и преподавания, убеждая правительство, что в этом случае университеты станут центрами науки и студенты оставят политическую деятельность. В 1905 году правительство пошло на уступки и приняло временные правила, которые даровали свободу выборов ректора, свободу преподавания и учебы (курсовая система была заменена предметной, когда студенты сами выбирали себе предметы и формировали свой индивидуальный учебный план). Однако это не привело ни к повышению интереса к научной деятельности у студентов, ни к спаду политической активности.

Мы считаем, что революционность российского студенчества объяснялась самой спецификой российских университетов, которые были многопрофильными государственными училищами по подготовке гражданских госслужащих. Дело в том, что *революционер как борец с государством — это диалектическая противоположность чиновника как служащего государства*. В основе своей они едины, то есть *революционер — это чиновник наоборот, так сказать, чиновник революционного ведомства. Предназначение чиновника — не рассуждать и сомневаться, а служить государству и организующей его идее. Чиновник сознает себя не свободным индивидом, а звеном в определенной иерархии, которому дается лишь такая доля свободы, какая нужна для выполнения полагающихся ему по должности обязанностей. Но таков же и революционер*. Русский революционер был так же далек от западного либерального идеала скептически мыслящего свободного самостоятельного индивидуалиста, как и его враг — русский чиновник. Революционер так же верно служил жесткой иерархической организации, был скован ее дисциплиной, признавал свое место в этой организации как нечто нормальное и выполнял наложенные на него «должностью» обязанности, будучи не вправе сомневаться в идее этой организации. Только этой организацией была партия, а не государство. Впрочем, после победы революции эта партия легко превращается в идеократическое иерархическое авторитарное террористическое государство, по сути ничем, кроме лозунгов, не отличающееся от своего предшественника. И бывшие революционеры очень легко превращаются в чиновников этого государства, которые теперь сами отправляют на каторги, в концлагеря и ссылки новых революционеров (иногда из числа своих бывших соратников). Превращение революционера в чиновника показательно, оно свидетельствует о том, что суть у них одинакова. По этой же причине между ними возможна борьба, ведь борьба, как говорил А. Ф. Лосев, только более сложная степень единства.

Такое сопоставление кажется парадоксом только потому, что в определенных кругах революционеров принято идеализировать, представлять как бескорыстных борцов с режимом, а в чиновниках, напротив, видеть одни лишь пороки: взяточничество, чиновничество и т. д. Причина для этого есть: революционеры в России выступают на историческую сцену, когда чиновничество вырождается и перестает служить государству верой и правдой. Но, во-первых, далеко не все революционеры так уж бескорыстны, достаточно вспомнить историю злоупотреблений с деньгами, добытыми при помощи эксов, в среде верхушки эсеровской партии. А во-вторых, сегодняшние революционеры завтра становятся основой чиновничества другого, построено-

люционного государства, и многих из них ждет такое же моральное разложение (вспомним, в какой роскоши жили Г. Е. Зиновьев или Л. Д. Троцкий).

Итак, университет в имперской России был машиной, которая производила чиновников. Он действительно хорошо справлялся с производством людей определенного типа, ориентированных на служение, не ощущающих себя свободными индивидами, не обладающих критическим мышлением, исполнительных и дисциплинированных. Эти люди были предназначены стать чиновниками имперского государства. Однако в силу целого ряда причин имперское государство и его идеология перестали для них быть притягательными. В работе университетов произошел сбой: «машина» стала готовить все больше «чиновников-мутантов» — революционеров. Причем трагедия императорского университета и состояла в том, что усиление дисциплины и контроля приводили лишь к тому, что университет все эффективней и эффективней готовил людей этого типа, а имперское государство для них становилось все менее и менее симпатичным. Таким образом, репрессии против студентов приводили к обратному эффекту — увеличению числа революционеров, а краткие периоды либерализации развязывали этим революционерам руки.

Революционное движение, которое зародилось в лоне российских университетов, в конце концов эти университеты и погубило — с тем, чтобы после того, как горячка революции улеглась, на их месте возникли другие, советские университеты, также бывшие университетами лишь по названию и представлявшие собой мультиинституты.

2.5. СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, РАЗДАТОК И СОСЛОВИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Советские университеты были предназначены для удовлетворения потребностей советского общества, поэтому говорить о них, не охарактеризовав само общество, невозможно.

Советское общество родилось в результате Октябрьской революции и гражданской войны 1918—1921 годов, однако произошло это не в одночасье. Процесс формирования основных институтов классического советского общества, каковым мы считаем сталинский социализм, растянулся почти на 20 лет. В этот период основные сословия прежнего царского общества (начиная с аристократии и кончая патриархальным

общинным крестьянством) были фактически уничтожены, однако процесс формирования новых советских сословий шел чрезвычайно медленно. Наряду с остатками старых сословий и зачатками новых существовали некоторое время классы, возникшие благодаря экономической либерализации при НЭПе; прежде всего это были класс нэпманов и пролетариев. Партия и государство чрезвычайно опасались буржуазного перерождения советского общества в связи с укреплением класса нэпманов; это сыграло не последнюю роль в свертывании НЭПа и переходу к жестко этикетической модернизации 1930-х годов.

В конце 1930-х годов в ходе этой модернизации сформировалась сословная структура классического советского общества, которая будет лишь усложняться и разлагаться при Н. С. Хрущеве, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачеве и остатки которой доживут до нашего времени.

В отличие от сословий Российской империи сословия в СССР были полуофициальными и ненаследственными. С точки зрения официоза, СССР был бессословным государством, все граждане были равны перед законом и даже обладали политическими гражданскими правами и свободами западного типа (гарантированными им еще сталинской конституцией). Однако при помощи подзаконных актов различного уровня (от постановлений правительства до решений городских советов) государство создавало самые различные сословия — социальные группы, наделенные разным объемом прав и обязанностей — для решения тех или иных общегосударственных и общественных нужд. Сословия эти выстраивались в жесткую иерархию, управляемую центральным комитетом партии. Ни о каких гражданских свободах в западном смысле речи не шло.

Прежде всего, задачами, ради которых советское государство учреждало сословия, были задачи ускоренной модернизации, обеспечения материальной базы и воспроизводства институтов модерна (таких как индустрия, образование, здравоохранение, которые в советские годы пошли вширь и охватили всю страну, в отличие от Российской империи, где они были локальными явлениями).

Так, для бесперебойного обеспечения городских промышленных рабочих, гражданских служащих государства, а также армии и правоохранительных органов продуктами питания государство на рубеже 1920—1930-х годов создало сословие колхозных крестьян. В 1932 году в ходе паспортизации колхозники были прикреплены к своим колхозам и населенным пунктам и лишены права свободно передвигаться по стране. В их обязанность входило сдавать сельскохозяйственную продукцию государству, за это им были дарованы права, включая и те, которых были лишены городские жители, имевшие более высокий

статус в сталинском обществе. Таково, например, право на ведение приусадебного хозяйства и торговлю его продукцией (горожанин, пытавшийся что-либо продать, тут же объявлялся спекулянтом и подвергался уголовному наказанию).

Та же паспортизация создала и сословие промышленных рабочих, которые получали паспорта и имели формальное право передвигаться по СССР. Фактически знаменитыми указами 1940 года они были тоже прикреплены к своим предприятиям под угрозой уголовного наказания в случае самовольного ухода с места работы (разрыв трудового договора в одностороннем порядке был запрещен).

Колхозные крестьяне и промышленные рабочие были тягловыми условиями, которые обеспечивали государство и общество материально. Функция управления, то есть распределения материальных, политических и духовных ресурсов, лежала на высших, служилых сословиях.

Роль высшего сословия — своего рода ненаследственного дворянства Советского Союза — играла партийная и советская номенклатура (освобожденные работники партийных комитетов и советских органов официальной власти). Это было служилое сословие, на которое, как и на дворян при Петре I, легло бремя руководства ускоренной модернизацией. Их привилегии были велики: персональные машины, дачи, квартиры, отдых в лучших санаториях, повышенные оклады и пайки, но ничто не принадлежало им лично, все эти блага представляли собой служебную собственность. На представителях этого сословия лежала повинность исполнять все приказы партии и государства и отвечать — иногда своей жизнью — за провал этих заданий.

Ниже стояли «бюджетники» (врачи, учителя, инженеры, преподаватели техникумов, вузов и т. д.). Их предназначение состояло в том, чтобы обеспечивать социальные гарантии государства. Формально они были государственными служащими, получали жалованье от государства, подчинялись государственной дисциплине. Фактически они не имели таких значительных привилегий, как, например, партноменклатура, но в то же время и не были стеснены таким жестким идеологическим и вообще государственным контролем; им позволялись некоторые вольности — начиная от свободной формы одежды и кончая проявлениями «бытового свободомыслия».

Основой сословной структуры советского общества был тотальный «административный раздаток» (О. Э. Бессонова). После полной национализации средств производства, которая была произведена с окончанием НЭПа, практически все материальные блага в СССР стали производиться в соответствии с директивами Госплана, сдаваться государству, а затем распределяться по сословиям через систему ма-

газинов (открытых общественных распределителей) и специальных закрытых распределителей, предназначенных для обслуживания определенных сословий (например, магазинов Военторга, обслуживающих военных, или системы «Березка», обслуживающей советских заграничных работников). Раздачи могли быть и безденежные — например, раздача жилья, медицинских услуг и т. д.

Советские вузы (как и вузы дореволюционные) были учреждениями сословной социализации для высших и средних служилых сословий (партийной и советской номенклатуры, армии, правоохранителей и силовиков, бюджетников)⁶⁸. Социализация представителей низших тягловых сословий, обеспечивавших материальную базу советского общества (рабочие, крестьяне, специалисты низшего звена вроде завгаров и зоотехников) происходила в техникумах, ФЗУ и ПТУ, а также в средней общеобязательной школе.

Вузы в СССР были ведомственными, таким образом, вуз министерства нефтегазовой промышленности готовил кадры для сословия нефтяников и газовиков, вуз КГБ или МВД — для сословия правоохранителей и силовиков. Поскольку министерства и ведомства составляли некую иерархию, то вузы также разделялись на менее и более престижные.

Особое и не самое высокое место в этом ряду занимали университеты, которые подчинялись министерству образования (имевшему в разные годы разные названия) — одному из самых бедных и маловлиятельных министерств. Однако, чтобы лучше понять место университетов в советской вузовской системе, нужно рассмотреть ее подробнее.

2.6. СОВЕТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ МУЛЬТИИНСТИТУТА

Судьба университетов в Советской России, а затем в СССР первоначально складывалась сложно. Пришедшие к власти большевики подобно якобинцам были сторонниками утилитарного подхода к высшему образованию. Они видели смысл в сохранении и создании узкоспециальных высших школ (институтов), а на университеты смотрели как

68 См. об этом: Кордонский С. Г. Социальные функции образования // Отечественные записки. — 2012. — № 4 (49) [Электронный ресурс]. URL <http://www.strana-oz.ru/2012/4/socialnye-funkcii-obrazovaniya> (дата обращения: 9.04.2014).

на буржуазные учебные заведения, оторванные от жизни и практики. В течение 1920-х годов советское правительство сократило количество университетов, а в имеющихся закрывались отдельные факультеты (такие как историко-филологические и юридические), создавались новые, прикладные (аграрные, инженерные), все гуманитарные науки сосредотачивались на факультетах общественных профессий (ФОП). Медицинские факультеты были отделены от университетов и на их базе созданы медицинские институты. В Украинской ССР вообще были закрыты все университеты. Были сторонники уничтожения университетов и в России, к ним принадлежал нарком просвещения А. В. Луначарский.

Сейчас на антиуниверситетскую кампанию большевиков смотрят как на результат их «антикультурной идеологии», на самом деле всё сложнее: университеты Российской империи были, как мы выяснили, мультиинститутами госслужбы, то есть они производили госслужащих уже несуществующего государства. *Именно поэтому они и не были нужны большевикам.* Все же разговоры о буржуазных пережитках были идеологизированием.

Вообще, реформа высшего образования, предпринятая в период с 1917 по 1930 год, объективной своей социальной базой имела разрушение прежней, дореволюционной системы сословий, с одной стороны, и существование в раннем СССР классового общества (пусть кратковременное и урезанное), с другой. В классовом же обществе, в отличие от сословного, высшее образование превращается из правового статуса в набор знаний и компетенций, а учебный процесс демократизируется.

В то же время субъективно реформаторами двигало желание построить все наперекор тому, что было в царской России. До революции высшее образование было уделом элиты, выходцев из господствующих эксплуататорских классов. Реформаторы сделали вузы доступными для представителей простого народа, рабочих и крестьян. Вузы дореволюционной России готовили управленцев, чиновников, начальников — эксплуататоров и их обслугу. Пролетарские революционные вузы, по мысли реформаторов, должны были заниматься просвещением народа и, конечно, пропагандой коммунистической идеологии. В дореволюционных вузах царил жесткая дисциплина, авторитарные методы преподавания, казёнщина. Революционные вузы должны быть демократичными, студенты должны сами выбирать предметы, им не нужны экзамены, зачетки, дипломы. Среди преподавателей также не должно быть высших и низших чинов, все они просто научные работники. Экзамены и вообще учебные занятия в дореволюционных вузах способствовали развитию индивидуализма, предполагали кон-

курению между студентами, воспитывали носителей буржуазного мировоззрения. Советские вузы должны воспитывать коллективистов, людей социалистического общества.

В связи с этим в период с 1917 по 1922 год был принят ряд декретов и подзаконных актов, которые в корне изменили российское высшее образование.

Были отменены все вступительные экзамены в высшие учебные заведения и объявлен круглогодичный прием. Для того чтобы стать студентом университета или института, теперь не надо было даже предъявлять аттестат о школьном образовании. Двери вузов открылись для всех желающих (независимо от пола, национальности и т. д.), в любое время, единственным условием было достижение возраста 16 лет (правда, вскоре были введены ограничения для «лишенцев» — представителей бывших эксплуататорских классов). Для подготовки рабочих, не имеющих знаний, достаточных, чтобы элементарно понимать лекции преподавателей и учебники, создали рабочие факультеты (рабфаки), где будущие студенты овладевали материалом средней школы. Были отменены все формы контроля знаний студентов (зачеты, экзамены), а также зачетные книжки, дипломы, свидетельства об окончании вуза. Вузы превратились в просветительские организации, где преподаватели читали желающим лекции на разные темы и проводили для желающих практические занятия (при этом, однако, просвещение сочеталось с установкой на пропагандистскую идеологическую работу). Окончание вуза не давало никаких прав и чиновничьих классов (которые Советская власть и вовсе отменила). Были упразднены все ученые степени и звания в высшей школе. По декрету СНК от 1922 года все работники высшей школы были объявлены научными работниками и были разделены на профессоров, преподавателей и научных сотрудников. Для того чтобы стать профессором, нужно было всего лишь получить от администрации разрешение вести самостоятельный курс или возглавить какое-либо подразделение высшей школы. Никакой диссертации для этого защищать не требовалось. Преподаватели и научные сотрудники помогали профессорам, и ими также мог стать кто угодно. Была введена почасовая система оплаты труда.

Обучение в высшей школе сократили до 3, а то и до 2 лет. Был введен бригадно-лабораторный метод, напоминавший принципы современной Болонской реформы. Согласно нему курсы были сокращены, разделены на обязательные и необязательные, которые студенты выбирали сами (подобные «болонским» курсам по выбору). Задания давались не отдельным студентам, а целым группам («бригадам»).

Вместе с тем либерализация 1920-х годов имела свои ограничения, причем весьма существенные. Споры и разногласия разрешались только в рамках официальной марксистской идеологии, а вместо свободы политических организаций была свобода фракционной деятельности внутри единственной партии — ВКП(б). Кроме того, полнота прав и свобод распространялась не на всех, а только на новых «хозяев жизни» — пролетариев, беднейших крестьян, партийцев. Представители бывших «эксплуататорских классов» (дворяне, священники, чиновники, полицейские, купцы) были лишены многих гражданских прав (начиная с избирательного права и кончая правом на получение высшего образования).

Точно так же государство стремилось поставить вузы под партийный, идеологический контроль и очистить их от «нежелательных элементов» (прежде всего, представителей дореволюционной интеллигенции, допущенных к преподаванию на правах спецов). Были ликвидированы элементы автономии вузов, которой преподавательское сообщество добивалось многие годы до революции. Вузы стали повсеместно государственными и были подчинены наркомату просвещения. Чиновники из наркомата увольняли любого неугодного ректора или профессора, не считаясь с его научной и педагогической значимостью. В вузах открылись партийные и комсомольские организации, которые были ответственны за идеологический контроль и проведение правительственной политики внутри вузов. Были ликвидированы юридические, исторические, философские факультеты как обучающие «буржуазному хламу», прекратилось преподавание древних языков.

При этом к преподаванию стали допускать людей, которые зачастую не получили даже вузовской подготовки. Приоритетным был идеологический критерий, все остальные, в том числе и профессиональные, рассматривались как второстепенные. Появились «красные профессора», любящие поковырять лозунгами вульгаризованного марксизма. Многие из них пришли из партаппарата времен гражданской войны и смотрели на свою деятельность как на продолжение войны с классовым врагом. На профессуру старой генерации смотрели с опаской, подозревали в буржуазности, нередко были доносы и аресты. В конце 1920-х годов прошло несколько публичных процессов, открыто направленных против старорежимной интеллигенции (дело Промпартии, академическое, шахтинское дело).

Было открыто множество новых университетов, как правило, с приставками «пролетарский», «рабоче-крестьянский», «коммунистический», однако ни соответствующих помещений, ни библиотечного

фонда, ни квалифицированных преподавателей у них не было (в этом плане они напоминали так же стихийно возникавшие коммерческие вузы 1990-х, многие из которых размещались в зданиях детсадов). В то же время велась активная компания против старых «классических университетов», которые были объявлены рассадниками буржуазной культуры. В пролеткультовской горячке на Украине были вообще закрыты все университеты, в России их число сократили.

К началу 1930-х годов в СССР произошли серьезные изменения. Фактически в 1930-е были уничтожены два последних сохранившихся дореволюционных сословия (патриархальное общинное крестьянство — в ходе коллективизации — и старорежимная интеллигенция в лице «ленинской гвардии» — в ходе партийных чисток). Государство уничтожило класс нэпманов в городе и кулаков в деревне. Исчезли ограничения для лишенцев, видимо, в связи с тем, что они перестали представлять какую-либо опасность.

Оформилась специфически советская система сословий (рабочие, колхозные крестьяне, служащие). Именно это стало глубинной причиной новой консервативной реформы образования, прошедшей в 1931—1938 годы. Вузы снова должны были заниматься сословной социализацией, только теперь они воспроизводили новые советские сословия.

Вместе с тем на уровне идеологии эта реформа обосновывалась тем, что либерализация вузов в 1920-е годы привела к падению квалификации абитуриентов, студентов, выпускников и преподавателей, к профанации высшего образования. Представители агитпропа уверяли, что деньги, которые государство тратит на высшее образование, оказываются выброшенными на ветер. Вместо 3 лет студенты учатся по 7 и 8. Большинство бросает учебу, по некоторым специальностям до последнего курса доучиваются от 3 до 5% студентов. Выпускники не имеют хороших профессиональных знаний и не могут работать по специальности. Это было правдой. Особенно это стало заметно в конце 1920-х, когда страна взяла курс на индустриализацию. Для строительства Днепрогэса и Магнитки пришлось привлекать зарубежных, прежде всего, американских инженеров, выпускники отечественных вузов не справлялись с работой (так, консультантом Днепростроя был американский проектировщик Хью Купер, кстати, получивший за ДнепроГЭС от советского правительства орден Трудового Красного знамени). Но это была не вся правда, потому что сталинская реформа предусматривала и ужесточение дисциплины, идеологического контроля.

Обратимся к этой реформе. 19 сентября 1932 года было принято Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в выс-

шей школе и техникумах». В нем наряду с успехами советской высшей школы (увеличение количества вузов и студентов, увеличение в среде студенчества выходцев из рабочих и крестьян, коммунистов и комсомольцев) упоминались и недостатки. Главным из них признавалось низкое качество выпускников. В постановлении откровенно говорилось, что выпускаемые инженеры по уровню не выше техника. В связи с этим предусматривались следующие меры:

- увеличение объемов учебных программ, установление твердых учебных планов, последовательности предметов, соответствия изучаемых предметов специальности, увеличение количества часов на общетеоретические предметы, введение спецкурсов на старших курсах;
- увеличение сроков обучения (в техникумах до 4 лет, в вузах — до 5);
- введение обязательной производственной практики по специальности;
- отмена бригадно-лабораторного метода, коллективных оценок, введение в качестве обязательных форм занятий лекций, семинаров, лабораторных работ, системы дифференцированных индивидуальных оценок знаний, обязательных экзаменов и зачетов в ходе двух ежегодных сессий (зимой и летом);
- возвращение вступительных и выпускных экзаменов, установление дипломных проектов на последних курсах, возвращение дипломов об окончании вуза и техникума;
- лишение студенческих организаций права вмешиваться в учебный процесс, подчинение всей учебной деятельности вуза директору (ректору), назначаемому наркоматом, а на уровне факультетов — деканам и завкафедрами, назначаемым наркоматам, которые следили и за работой студентов, и за работой преподавателей;
- создание в вузах аспирантуры для подготовки научно-педагогических кадров;
- прикрепление преподавателей к одному основному месту работы и перевод их с почасовой на тарифную систему оплаты труда;
- создание при ЦИК комитета по высшей школе, который занимался бы утверждением номенклатур специальностей, учебных программ и планов, контролем за деятельностью вузов.

В 1933—1938 годах реформа высшей школы была углублена. В 1937 году СНК СССР выпустил постановление «Об ученых степенях и званиях», которое ввело в СССР две ученые степени — кандидат и доктор наук и три ученых звания — ассистент, доцент, профессор. Решения о

присуждении ученых степеней принимались после успешной защиты диссертации советами тех вузов и научных институтов, которые входили в специальный список, созданный комитетом по высшей школе. Эти решения были недействительны без утверждения специальным государственным органом — всероссийской аттестационной комиссией (ВАК) при СНК СССР, которая кроме того присваивала и ученые звания. Для ведения в вузах самостоятельных курсов, приема зачетов и экзаменов теперь обязательно было получение ученой степени (проведение практических занятий без права приема зачетов и экзаменов доверялось ассистентам без степени).

В 1938 году был принят типовой устав советского вуза, в котором окончательно были закреплены результаты указанной реформы. Был официально упразднен классовый подход к образованию: право на получение высшего образования получили все граждане СССР, независимо от социального происхождения. Студентам выдавались студенческие билеты и матрикулы (зачетные книжки) единого образца. Государственные стипендии полагались практически всем успевающим студентам; за плохую учебу и плохое поведение, напротив, теперь полагалось отчисление из вуза. Абитуриенты, имеющие по основным предметам оценку «отлично», получали право на зачисление в вуз без экзаменов, выпускники, окончившие вуз с отличием, — преимущественное право на зачисление на вакантные должности по специальности, на зачисление в аспирантуру и на заграничные научные командировки. Вузы были подчинены отраслевым наркоматам, которые назначали директоров (ректоров).

В вузах продолжали существовать партийная комсомольская и профсоюзная организация, их представители (в том числе и студенты) входили в совет вуза, однако участие студентов в управлении вузом было теперь символическим.

Итак, в ходе сталинской реформы 1932—1938 годов сложилась советская высшая школа в ее классической форме, в которой она просуществовала вплоть до эпохи перестройки и либерализации. Она не копировала западную высшую школу и существенно отличалась от последней. Советская модель была ориентирована на пользу для государства, на сословную социализацию. В ней на первом месте были институты — технические, педагогические, сельскохозяйственные, которые готовили специалистов для промышленности, сельского хозяйства и сферы образования. Университеты играли подчиненную роль: прежде всего, они обеспечивали школы, техникумы, институты педагогами общетеоретических дисциплин. Учеба была своеобразным служением государству, за хорошее выполнение которого пола-

гальса награда — академическая стипендия, а за плохое — наказание, вплоть до отчисления из вуза (на Западе в то время существовали лишь адресные стипендии для нуждающихся, не зависящие от успеваемости, отчисление также было редкостью; если человек был готов платить за обучение, он мог учиться сколько ему угодно). Советские вузы были включены в систему планового хозяйства: они принимали абитуриентов в согласии с государственным планом, куда закладывалось необходимое количество специалистов того или иного профиля, и сдавали специалистов по общенациональному плану распределения — для конкретных предприятий и учреждений. Кроме того, через вузы государство раздавало необходимые для работы в определенной отрасли знания и умения и само высшее образование как правовой статус, позволяющий занять определенную должность в хозяйстве, в госаппарате и т. д. Учеба в вузе также была организована плановым способом и регулировалась единым для всех, стандартным учебным планом, утверждаемым наркоматом. Ему подчинялись и студенты, и преподаватели.

Нельзя не отметить, что такая раздаточная модель высшего образования, отличная от западной, в то же время представляла собой органическое развитие российской дореволюционной высшей школы. Ведь те же академические стипендии или распределение после вуза придумали не большевики, эти механизмы существовали уже в императорских университетах. Там, напомним, студенты разделялись на своекоштных (которые сами платили за образование) и казеннокоштных (которые учились за счет государства). Вторые получали государственную стипендию, конечно, при условии их хорошей учебы, но зато после окончания университета стипендиаты должны были отработать 6 лет там, где укажет министерство народного просвещения, которое курировало университеты (как правило, учителем в гимназии). Кроме того, наличие двух ученых степеней, как уже отмечалось, тоже было давней российской традицией (только до революции степень, аналогичная кандидату наук, именовалась магистром, а кандидатом называли выпускника университета).

В сущности, возвращение к дореволюционной модели высшего образования было связано с тем, что фактически было возрождено сословное раздаточное общество, похожее на дореволюционное, но с иной идеологией и социальной структурой. Поэтому и понадобились вузы как учреждения сословной социализации. Возрождены были институты идеологического контроля, аналогичные дореволюционным. Вместо «общеуниверситетской» кафедры православного богословия, существовавшей в дореволюционном университете, возникли такие

же общеуниверситетские идеологические кафедры — истории партии, марксистской философии, научного коммунизма, научного атеизма, политэкономии. Роль инспектора в советском вузе стал выполнять начальник первого отдела, как правило, отставной офицер госбезопасности.

Советская модель высшей школы оказалась оптимальной и с точки зрения практической эффективности, и с точки зрения соответствия национальной ментальности. Она сыграла немаловажную роль при проведении в стране культурной революции и индустриализации.

Создав новую модель высшей школы, правительство взяло курс на расширение сети университетов, реабилитировав университетское образование как таковое. С самого начала реформы на самом высоком уровне раздаются голоса об укреплении университетов как центров науки, взят курс на создание новых университетов. В 1931 году вышло соответствующее постановление СНК, которое возлагало на университеты функцию подготовки специалистов для НИИ и лабораторий, а также преподавателей вузов, техникумов и старших классов средних школ.

С 1930 по 1940 годы были созданы университеты в Узбекистане, Казахстане, на Западной Украине, в Молдавии. К 1940 году в СССР было 29 университетов. С 1940 по 1990 годы система университетов расширяется, открываются университеты во всех крупных городах, в столицах союзных и автономных республик. К началу 1980-х годов в СССР было 65 университетов, где обучались около 600 000 студентов (из более чем 800 вузов по всей стране).

Советский университет не был собственно университетом в западном смысле слова. *Он так же, как и университет императорский, был мультиинститутом.* Преподаваемый на всех факультетах блок идеологических дисциплин — философия, история партии, политэкономия — не связывал его воедино, наподобие философии в гумбольдтовском университете. В СССР под именем философии или политэкономии преподносились догматические псевдонауки, где свободный интеллектуальный поиск был не только невозможен, но и чреват опасными последствиями. Эти дисциплины имели идеологический государственно-образующий характер, а вовсе не научный академический характер. Университетское самоуправление также, хотя и было провозглашено, фактически отсутствовало. И даже право на возведение в ученые степени было отобрано у факультетов и передано государственным органам.

Советский университет был раздаточным вузом. Прежде всего, он раздавал высшее образование как правовой статус. В Советском

Союзе, правда, не было единой «Табели о рангах», как в Российской империи, но существовали многочисленные тарифные сетки, квалификационные справочники должностей и т. д. В них было отражено, какая квалификация должна быть у претендента на ту или иную должность, дающую тот или иной оклад. Специальная квалификационная комиссия рассматривала квалификацию работника, устанавливала его разряд и полагающуюся ему заработную плату. Для занятия ряда должностей одним из обязательных условий было наличие высшего образования. К ним относились не только должности, требующие специальных профессиональных знаний (врач, учитель, инженер), но и практически все руководящие должности на предприятиях, в учреждениях, а также должности командного состава в правоохранительных органах, вооруженных силах и т. д. *Таким образом, высшее образование в СССР, как и в дореволюционной России, было не просто набором знаний и компетенций, но и ресурсом, наличие которого повышало статус его обладателя и даровало ему определенные привилегии.*

Советский университет осуществлял и раздаток знаний: свобода учебы и преподавания в нем отсутствовала и научно-образовательный обмен был невозможен.

Более того, раздаточные механизмы в советском вузе не просто воспроизводили дореволюционный университетский раздаток, они делали его тотальным и массовым (собственно, поэтому можно говорить о высшем образовании в СССР как о *массовом образовательном раздатке*). Так, академическая стипендия стала уделом не только узкой группы студентов, но и всех успевающих студентов, а государственное распределение по окончании вуза вообще распространилось на всех. В СССР начали планировать прием студентов, выпуск специалистов, чего не было в Российской империи. Внешне университет больше стал напоминать высшие учебные заведения Запада (были отменены мундиры студентов и преподавателей, разрешена общественная жизнь — студенческие кружки по интересам, самодеятельность, преподаватели лишены официальных званий госслужбы) но фактически раздаток только укрепился.

Рассмотрим основные сдачи и раздачи советского университета.

2.7. СДАЧИ И РАЗДАЧИ СОВЕТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Обратимся сначала к сдачам. Главной сдачей, или социальной функцией, советских университетов была *подготовка преподавателей для вузов, втузов, техникумов и старших классов средних школ*. Именно это и предопределило второстепенное, среднее место университетов в советской системе высшей школы (между техническими институтами и пединститутами). На первом месте в СССР были узкоспециальные профессиональные высшие учебные заведения — институты, которые готовили специалистов для стратегических областей советского общества, прежде всего — оборонной, нефтегазовой, тяжелой промышленности. На втором месте — педагогические вузы. На третьем месте — вузы сельского и лесного хозяйства. (30,6% из 881 вуза страны в 1989 году приходилось на инженерно-технические вузы, 22,4% — на педагогические вузы, 13% — на вузы сельского и лесного хозяйства, 9,5% — на медицинские вузы, 9% — на вузы культуры и искусства, университеты составляли чуть больше 1% и стояли между экономическими вузами (4,3%) и юридическими вузами (0,5%))⁶⁹.

Основной приоритет советской системы высшего образования — подготовка специалистов для промышленности, сельского и лесного хозяйства, системы образования, здравоохранения и сферы досуга. Университеты же лишь обеспечивали бесперебойную работу этих инженерно-технических, сельскохозяйственных и лесохозяйственных, а также медицинских институтов и институтов культуры, поставляя им научно-педагогические кадры. Также университеты обеспечивали этими кадрами пединституты и другие институты, равно как и техникумы и старшие классы средней школы. В официальной советской литературе об этом говорилось: «Среди более 800 высших учебных заведений страны имеются университеты... Университеты являются ведущими учебными заведениями по подготовке научных кадров по естественнонаучным и гуманитарным специальностям. На них возложена также обязанность готовить учителей для старших классов средней общеобразовательной школы и преподавателей общеобразовательных дисциплин для средних специальных учебных заведений»⁷⁰.

Итак, главная задача университетов в СССР — подготовка специалистов общего профиля для институтов, техникумов и старших клас-

69 Овсянников А. А., Иудин А. А. Укрупненный структурный анализ вузовских центров СССР: Аналитическая записка. Горький, 1990 — С. 5—6.

70 См. раздел «Система народного образования в СССР» в книге: Дошкольная педагогика / Под ред. В. И. Ядэшко и Ф. А. Сохина. М.: Просвещение, 1978.

сов школы. *Университеты в СССР были, так сказать, педагогическими вузами более высокого уровня квалификации (чем обычные педвузы, готовившие школьных учителей).* Это было связано со спецификой университетского образования. В университете в гораздо большем объеме, чем в институтах, преподавались общие курсы. Например, курс общей физики на физфаках советских университетов читался 4 года (8 семестров), а в различных технических институтах – не более 2 лет (4 семестра), поскольку в последних большее внимание уделяли все же специальным узкотехническим курсам (таковые были и в университетах, но в гораздо меньшем количестве). Поэтому выпускник университета обладал куда большей фундаментальной подготовкой, чем выпускник технического вуза, и после окончания аспирантуры и защиты диссертации (что давало и дает право на преподавание в вузе) выпускник университета часто распределялся в технические, педагогические, сельскохозяйственные, медицинские и другие вузы читать эти самые общие курсы. Такой же курс общей физики, но в еще более урезанном и упрощенном виде, читался в техникумах и еще более упрощенный – в старших классах школы. Значит, и для этих заведений лучше всего подходили выпускники университетов.

Существовали и специальности, востребованные в вузовском учебном процессе, по которым готовили только в университетах. Так, во всех вузах, втузах и техникумах СССР преподавался предмет «Марксистско-ленинская философия», а элементы этого курса входили в школьные обществоведческие дисциплины (вроде «Основ государства и права»). Однако преподавателей-философов готовили философские факультеты университетов, каковых на весь СССР было четыре: в Московском, Ленинградском, Свердловском и Киевском университетах, а также ряд кафедр философии, при которых были аспирантуры по философии (к 1989 году их насчитывалось 13 по всему СССР⁷¹). Их выпускники распределялись по учебным заведениям всего СССР, затем, защищая кандидатские и докторские диссертации, как правило, на базе тех же факультетов, они возвращались на место работы (конечно, в техникуме и в школе кандидаты и тем более доктора философских наук не требовались, достаточно было квалификации «Преподаватель философии»). К концу советского периода советы по защите диссертаций по философским наукам возникают и в университетах, где не было философских факультетов, но были мощные кафедры философии.

71 Овсянников А. А., Иудин А. А. Укрупненный структурный анализ вузовских центров СССР: Аналитическая записка. Горький, 1990.

Университеты были и базой для центров повышения квалификации работников высшей школы. В 1976 году при университетах было 8 институтов повышения квалификации и 25 соответствующих факультетов. В них проходили повышение квалификации до 46% преподавателей вузов со всего СССР.

Еще одна очень важная функция университетов — *подготовка научных работников.* В советской официальной литературе университеты настойчиво изображались как ведущие центры научных исследований (достаточно посмотреть хотя бы статью «Университеты» в БСЭ). В самом научном сообществе существовало и существует иное мнение: что университетская наука в СССР сильно отставала от академической, сосредоточенной в НИИ при академии наук, и от отраслевой, сосредоточенной в элитарных институтах типа МИФИ и МФТИ. Известна, например, оценка, данная уровню преподавания физики в МГУ в «письме четырех академиков» в июле 1944 г., подписанном академиками А. Ф. Иоффе, А. Н. Крыловым, П. Л. Капицей, А. И. Алихановым⁷². П. Л. Капица и Л. Д. Ландау и создали МФТИ как альтернативу физфаку Московского университета (и, кстати, МФТИ был первым советским вузом, где пытались внедрить некоторые принципы гумбольдтовского университета, как, например, индивидуальное руководство студентами со стороны преподавателей и вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу ведущих ученых). Авторы аналитической записки 1990 года, посвященной проблемам высшего образования в СССР, отмечали, что лишь 4 из 57 университетов РСФСР (Ленинградский, Ростовский, Томский и Новосибирский) имели «классическую университетскую структуру» и соответствующую ей «интеллектуальную базу» (интересно, что МГУ к этим 4 университетам они не отнесли)⁷³. В связи с этим они отказывали российским университетам в праве считаться «существенным фактором системы высшего образования».

Тем не менее, трудно отрицать, что в ряде советских университетов существовали крупные научные школы, а также тот факт, что среди выпускников университетов было немало тех, кто затем занимался научной работой, причем не только в системе вузов, но и в системе академических институтов. По некоторым сведениям, в конце 1930-х

72 См. «Письмо пятнадцати» (май 1928) / Архив РАН. Ф.641. Оп.3. Ед.79. (Приводится с незначительными сокращениями) // Социальная история отечественной науки: Электронная библиотека и архив [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/andreev254-290.pdf> (дата обращения: 22.03.2014).

73 Овсянников А. А., Иудин А. А. Укрупненный структурный анализ вузовских центров СССР: Аналитическая записка. Горький, 1990. — С. 24.

годов до половины выпускников университетов становились научными работниками. Студентов ориентировали на научную работу на старших курсах, когда им начинали читать специальные предметы и требовали от них написания дипломной работы, которая писалась под руководством преподавателя-ученого и содержала элементы научного исследования. При университетах обязательно были аспирантуры, кстати, во многом повторяющие характерные черты гумбольдтовского университета (начиная с того, что аспиранты здесь учились по индивидуальному учебному плану, и кончая тем, что к каждому из аспирантов прикреплялся ученый — научный руководитель).

Еще одна важная функция советских университетов — *подготовка школьных учителей и инженерно-технических работников, то есть представителей сословия «бюджетников»*. На естественных факультетах студент после окончания 2 курса должен был сделать выбор между производственной и педагогической специализацией. На большинстве гуманитарных факультетов, где производственной специализации не было, почти все, кто не шел в науку, становились школьными учителями. Таким образом, все университеты были одновременно и педагогическими институтами, более того, многие из них и создавались на базе пединститутов (как, например, университеты в автономных республиках РСФСР, созданные в 1950-х годах). Однако университеты при этом, как уже говорилось, не дублировали функции технических и педагогических вузов, также готовивших инженеров и учителей. Студенты педагогических направлений университетов получали более серьезную подготовку по своей основной специальности (математика, физика, биология и т. д.) и менее основательную — по педагогике; в педвузах, наоборот, был уклон в изучение специальных педагогических дисциплин. Кроме того, если педагогические институты в основном сосредотачивались на подготовке учителей младших и средних классов (от 1 до 8), то на университеты была возложена задача готовить учителей старших классов, особенно по физико-математическим направлениям. Также, как уже говорилось, университеты готовили и педагогов средних специальных учебных заведений (техникумов)⁷⁴. Кроме того, юридические факультеты университетов готовили работников прокуратуры, адвокатуры, следователей и т. д.

Далее, *некоторые выпускники университетов (прежде всего, так называемых «идеологических факультетов», например, истфаков) распределялись не по специальности, а на партийную, комсомольскую или*

74 См. раздел «Система народного образования в СССР» в книге: Дошкольная педагогика / Под ред. В. И. Ядэшко и Ф. А. Сохина. М.: Просвещение, 1978.

государственную работу — освобожденными секретарями комитетов партии и комсомола на предприятиях и в учреждениях, инструкторами в райкомы КПСС, в КГБ. Это были те, кто в студенческие годы проявил социальную активность, властные амбиции, организационные способности (например, работал в комсомольском комитете университета или факультета). В принципе такое случалось и в институтах, но комсомольские и партийные организации университетов считались головными, тем более что университеты чаще всего открывались в столицах союзных и автономных республик и их партийный комсомольский актив имел прямую связь с местной республиканской властью. Таким образом, *университеты готовили еще и кадры для региональной, партийной и советской элиты.*

Наконец, была еще одна социальная функция, которая возлагалась исключительно на университеты. Как мы уже говорили, свой университет был обязательным атрибутом вузовской системы каждой нерусской национальной республики (союзной или автономной). *В них готовилась национальная интеллигенция титульного народа данной республики.* Для этого при филфаках открывались отделения, где велось преподавание на языке этого народа, изучались его язык и культура. Выпускники этих отделений работали учителями в национальных школах, журналистами в газетах, журналах на национальных языках, а также в соответствующих теле- и радиоккомпаниях, были функционерами местных союзов писателей. Фактически эти отделения готовили культурные элиты данных этносословий.

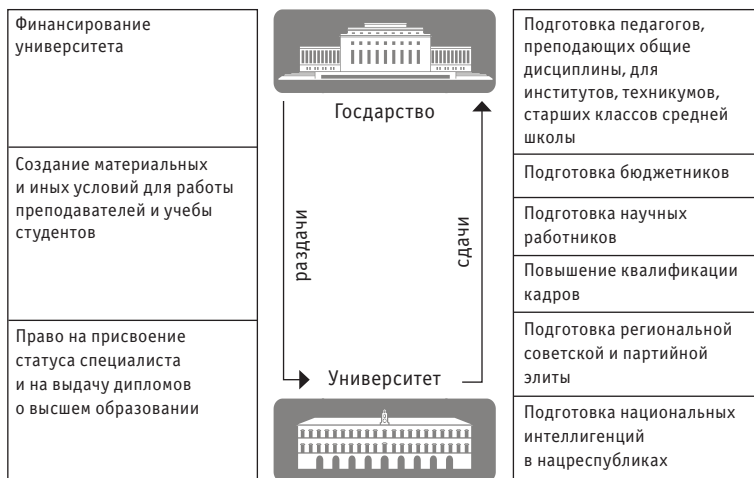
Для выполнения сдачи университетам полагались раздачи. Они коренным образом не отличались от раздач для всех остальных советских вузов. Прежде всего, государство финансировало из бюджета работу университетов.

Государством создавалась также материальная база, необходимая для преподавания и учебы: строились инфраструктуры (учебные здания, общежития), все это на правах служебной собственности использовалось студентами и преподавателями.

Наконец, вузы в лице ректора и председателя государственной аттестационной комиссии (чьи подписи были в дипломе о высшем образовании) получали от государства право на выдачу квалификации специалиста, обладающего высшим образованием, и диплома государственного образца, который давал право на привилегии при получении должности в системе народного хозяйства, в социальной сфере, сфере госуправления и т. д.

Сдачи и раздачи советских университетов показаны на схеме 11.

Схема 11. Сдачи и раздачи в системе «университет — государство» в СССР

Осуществление социальных функций университетов обеспечивалось сдачами профессорско-преподавательского состава (ППС). Министерство высшего и среднеспециального образования СССР выделяло следующие виды работы ППС:

- учебно-методическая работа;
- научно-исследовательская работа;
- организационно-методическая работа;
- работа по коммунистическому воспитанию студентов.

Главная сдача ППС, была, конечно, учебно-методическая. Рассмотрим сначала ее учебный аспект. Он предполагал не только проведение лекций, семинаров, консультаций (раздачу знаний) и прием зачетов и экзаменов (контроль и оценку студенческих сдач), но и подготовку к лекциям и семинарам: разработку и переработку конспектов, сборников задач, наглядных пособий и материалов. Учебная сдача строго регламентировалась и контролировалась. Еще в 1937—1938 годы были установлены государственные нормативы по объему учебной работы («нагрузки») преподавателей. Для преподавателей предусматривался приблизительно 6-часовой рабочий день, при этом предполагалось, что половина этого времени должна уходить на «аудиторную работу» (чтение лекций, проведение семинаров, лабораторных работ, консультаций, прием зачетов и экзаменов, проверку рефератов, курсовых, дипломных работ), другая половина — на «внеаудиторную» (методи-

ческую, научную, исследовательскую, организационную и воспитательную). Для внеаудиторной работы присутствие преподавателя в стенах вуза было необязательным. Конкретный объем труда зависел от места преподавателя в вузовской иерархии (ученой степени, звания, должности). Иерархия эта включала в себя ученые степени (кандидат наук, доктор наук), ученые звания (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор) и вузовские должности (заведующий кафедрой, декан факультета, проректор (заместитель директора), ректор (директор)). Для профессора — заведующего кафедрой, к примеру, средняя годовая нагрузка составляла от 2,25 до 2,75 часа в день (550—660 часов в год), для профессоров и доцентов кафедры — от 2,75 до 3,25 часа в день (660—780 часов в год), для старших преподавателей, ассистентов и преподавателей — от 3,00 до 3,50 часа в день (720—840 часов в год)⁷⁵.

К 1980-м годам нагрузка варьировалась от 450 до 1000 часов в год, при этом на аудиторную работу отводилось не менее 150 часов⁷⁶.

Обратим внимание, что в качестве единицы нагрузки преподавателей в СССР с 1930-х годов использовался 1 час. Первоначально 1 час был равен 45-минутному занятию, то есть это была единица учебного времени. Но затем 1 час стал обозначать единицу объема труда преподавателя. То есть 1 час приравнивался к тому объему труда, который был необходим для проведения лекции или семинара в течение одного академического часа (45 минут). Таким образом, появилась возможность измерять в часах и другие виды работ, а не только лекции и семинары. Так, по нормативам министерства при приеме зачета преподаватель получал по 0,35 часа за одного студента, а при приеме экзамена — до 0,5 часа за одного студента⁷⁷. То есть если преподаватель принимал экзамен у группы в 20 студентов, то ему за это зачитывалось 10 часов, что, конечно, не означало, что на экзамен ушло 10 академических часов времени. За руководство аспирантом профессор получал по 50 часов ежегодно, а так как позволялось иметь до 5 аспирантов в

75 Планирование учебного процесса. Приложение 2. О планировании нагрузки кафедр и преподавателей // Документы [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-82985.html?page=8> (дата обращения: 7.04.2014).

76 Приказ Гособразования СССР от 17.07.1987 № 510 «Об утверждении Типового положения о порядке планирования учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава» // BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-instrukcii/u0n.htm> (дата обращения: 7.04.2014).

77 Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Приказ от 1.08.1977 № 805 «Об улучшении организации труда профессорско-преподавательского состава вузов» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9380.htm (дата обращения: 7.04.2014).

год, то он таким образом выполнял 250 часов годовой нагрузки (а если аспиранты были иностранцами, за которых полагалось до 100 часов, то и все 500).

Часы были единицами принудительного служебного труда, в отличие от западных кредитов. Иначе говоря, часы позволяли учитывать труд преподавателя, не позволяя ему перерабатывать или, наоборот, не выполнять план по нагрузке, но и не более того.

Методическая работа предполагала написание и опубликование курсов лекций и методических пособий. Предоставление курсов лекций и методичек для проведения семинаров имело огромную важность. *Преподавание в советском университете, как и в российском до-революционном, в основном сводилось к раздатку знаний. Большая часть рабочего времени преподавателя отводилась на чтение лекций и проведение семинарских занятий, руководство же самостоятельной работой студентов (как и сама эта работа) было сведено к минимуму* (этому способствовало то обстоятельство, что именно аудиторная, то есть лекционная и семинарская нагрузка подлежала наиболее строгому учету и оплачивалась преподавателю в первую очередь). *Но для того, чтобы раздавать ресурс, нужно, чтобы он был сдан. Методическая работа и была такой сдачей.* Советские преподаватели писали и публиковали на базе типографий своих вузов учебные пособия, учебники, методички для проведения семинаров, лабораторных работ, библиографические справочники. Методички и некоторые учебники по специальным курсам тут же на месте начинали использоваться в цикле раздатка знаний в данном вузе. Лучшие учебники по общим курсам получали одобрение министерства, выпускались массовыми тиражами центральными издательствами, распределялись по библиотекам вузов, и именно по ним «раздавались» знания на лекциях во всех остальных профильных вузах. Эти учебники излагали уже известные, общепризнанные научные теории и, конечно, не содержали новейших открытий и гипотез. Особенностью высшего образования в России и до революции, и после нее был и оставался упор на преподавание общих дисциплин, тем более что образовательный раздаток по природе своей плохо совместим с научно-исследовательской деятельностью; раздаточный вуз предназначен для раздачи знаний в широких масштабах, но не для генерации нового знания.

Отсюда вытекало, кстати, одно принципиальное отличие советских вузов от западных исследовательских университетов: у нас было не принципиальным наличие в вузах на преподавательских должностях крупных ученых-исследователей. Преподавание все равно велось по учебникам.

Нельзя не отметить также, что если работники университетов выступали авторами учебников, по которым учились в пединститутах, техникумах и т. д., то в *самых университетах зачастую учились по учебникам, которые были написаны академическими учеными или преподавателями элитарных технических и вообще отраслевых вузов. Это в очередной раз опровергает положение официальной пропаганды того времени, согласно которому университеты были ведущими центрами советской науки.*

Так, с конца 1960-х годов и по сей день студенты физических факультетов классических университетов СССР и России изучали и изучают общую физику по учебнику «Курс общей физики», написанному профессором И. В. Савельевым. Однако Игорь Владимирович Савельев никогда не преподавал в университетах, он был заведующим кафедрой общей физики Московского инженерно-физического института (МИФИ). Другой настольный учебник для студентов физфаков университетов — знаменитый «Курс теоретической физики» Л. Д. Ландау и Е. М. Лившица. И Лев Давидович Ландау, и Евгений Михайлович Лившиц работали в институте физических проблем при АН СССР и стояли у истоков МФТИ, а также преподавали в нем (напомним, МФТИ — вуз, который создавался как альтернатива университетам, своеобразный технический университет нового поколения). Философию в университетах (равно как и в других вузах) послесталинского СССР изучали по учебнику А. Г. Спиркина «Курс марксистской философии», первое издание которого вышло в 1963 году (студенты до сих пор учатся по тому же учебнику того же А. Г. Спиркина, только несколько перелицованному в духе «нового мышления» и переименованному). Александр Григорьевич Спиркин был сотрудником Института философии при АН СССР.

На филологических факультетах университетов СССР студенты учились по учебнику «Введение в языкознание», написанному профессором А. А. Реформатским. Хотя Александр Александрович Реформатский окончил Московский университет (в 1923 году) и недолгое время работал в МГУ (с 1954 по 1959 годы), все же большая часть его трудовой биографии прошла в Московском педагогическом институте и Литературном институте (1934—1954), а также в Институте языкознания АН СССР (1950—1978). Причем учебник «Введение в языкознание» был выпущен, когда Реформатский работал в институте Академии наук.

Распространенный учебник английского языка, по которому несколько десятилетий учились советские студенты и продолжают учиться студенты российские, написан Н. А. Бонк (в соавторстве с Н. А. Лукьяновой и Г. А. Котий). Наталья Александровна Бонк преподавала на курсах МИД СССР, а затем в Академии внешней торговли СССР.

Итак, хотя и провозглашалось, что университеты в СССР — центры научной работы, тем не менее факты этого не подтверждают. Отставание вузовской науки от академической, а университетской — от науки, которая делалась в элитарных вузах, подчиненных другим министерствам, было очевидным.

Следующий вид сдачи или работы советского преподавателя вуза (и в том числе университета) — *научно-исследовательская работа*. Она предполагала не только и не столько написание статей, тезисов, докладов, монографий, сколько написание диссертаций, которые давали право подняться на следующую ступень в вузовской иерархии. Конечно, формально преподаватели обязаны были писать и статьи, тезисы докладов, доклады, и они делали это. Ежегодно преподаватели отчитывались на кафедре о научной работе. Однако руководство в лице завкафедрой, декана, проректора по учебной работе обычно закрывало глаза на то, что большинство этих публикаций, особенно в провинциальных вузах, имело малую научную ценность.

Завершая обзор научно-исследовательской работы ППС, следует упомянуть, что сюда входило и руководство студенческой наукой — подготовка и проведение студенческих научных конференций, руководство студенческими научными кружками и обществами и т. д. Этот вид деятельности не входил в нагрузку и отдельно не оплачивался, поэтому всерьез им занимались лишь преподаватели-энтузиасты, остальные глядели на него как на обузу и подходили к нему формально.

Еще один вид работы советских преподавателей — *организационная работа*. Она включала в себя обязательное участие в заседаниях кафедры, в заседаниях совета факультета и университета (если преподаватель был их членом), участие в комиссиях по профориентации молодежи, а также работу профорга, парторга, замдекана. Все это в СССР носило название «общественные поручения» (то есть обязательства, накладываемые обществом). Эта работа не измерялась в часах, отдельно не оплачивалась, однако молчаливо признавалось, что каждый преподаватель должен выполнять такую работу, и если он этого не делал, то его не наказывали официально, но обходили при раздаче каких-либо благ (например, не рекомендовали к повышению в должности, не давали профсоюзную путевку и т. д.).

Наконец, последним видом работы преподавателей была так называемая *«работа по коммунистическому воспитанию студентов»* или, как сейчас выражаются, *воспитательная работа*. Советский вуз, равно как и дореволюционный университет, был не только учебным, но и воспитательным учреждением. Но, в отличие от дореволюционного

университета, специальных инспекторов, следивших за поведением студентов, в советском вузе не было (если не считать начальника первого отдела — отставного офицера КГБ с его сетью «стукачей» из преподавателей и студентов, которые были на каждом курсе и на каждом факультете и следили за политической лояльностью студентов и ППС). Обязанности по воспитанию студентов, надзору за их дисциплиной и наказанию были возложены на преподавателей. *Таким образом, преподаватель в СССР превратился в нечто среднее между ученым, учителем и воспитателем.*

Советский вуз готовил молодых людей к социализации в советском обществе, и социализация эта начиналась уже в процессе учебы. Сам этот процесс был устроен так, что от студента требовались, прежде всего, такие качества, как коллективизм (поскольку каждый студент был членом постоянно существующей академической группы) и дисциплинированность (поскольку отношения между студентом и преподавателем строились как отношения подчиненного и начальника). Однако главным официальным требованием советского общества к своим гражданам было требование верности (пусть даже показной, в эпоху позднего СССР) официальной идеологии — марксизму-ленинизму. Воспитание студентов в духе верности марксизму было одной из важнейших повинностей преподавателей советских вузов. Они были обязаны читать студентам лекции на общественно-политические темы, задавать и проверять рефераты на эти же темы, заставлять студентов конспектировать труды классиков марксизма-ленинизма, а затем проверять эти конспекты, равно как знание этих трудов и понимание их содержания. Пренебрежение идеологической учебой и грубые идеологические ошибки могли привести студента к исключению из комсомола и даже из вуза, а политическая нелояльность студентов — к дисциплинарным взысканиям в адрес их преподавателя.

Другая важная часть воспитательной работы — *кураторство*. К каждой студенческой группе, преимущественно на младших курсах, прикреплялся преподаватель факультета — куратор, который следил за дисциплиной, успеваемостью студентов, руководил их участием в мероприятиях факультета и вуза (субботники, демонстрации и т. д.), наконец, просто разрешал конфликты между студентами. Институт кураторов студенческих групп существует в российских вузах до сих пор, и теперь кураторство включается даже в нагрузку и исчисляется в часах.

Таковы главные сдачи преподавателей советских университетов. Они обеспечивались государственными раздачами преподавателям. Рассмотрим их.

Первая и важнейшая такая раздача — заработная плата, основу которой составлял должностной оклад. Это была именно раздача, а не оплата труда педагога, работающего по договору, как это происходит в западных вузах и происходило в советских вузах до сталинской реформы. Оплата труда означает выплату количества денег, эквивалентного произведенной работе, и зависит от количества работы. Денежная раздача зависит от должности (чина) и есть не оплата труда, а содержание чиновника; трудится же он не за деньги, а выполняя службу, которая основана не на экономических, а на идеологических мотивациях и на внешнем государственном контроле и принуждении.

В 1937/1938 годах в советских вузах была введена штатно-окладная система оплаты труда ППС, которая существовала не только до конца советской истории, но и гораздо дольше; она была отменена лишь в 2008 году по Указу Президента РФ В. В. Путина, в связи с переходом на другую, новую систему оплаты труда (НСОТ). Суть штатно-окладной системы состоит в том, что все представители ППС прикрепляются к определенной кафедре определенного факультета определенного вуза, где они числятся как штатные единицы. Быть штатным работником двух вузов нельзя, возможна лишь работа по совместительству в другом вузе с неполной годовой нагрузкой (по сути, реформа 1937/1938 годов превратила советских преподавателей в крепостных государства, прикрепленных к определенному вузу и находящихся в распоряжении у назначенного государством «помещика» — ректора, тем более что на них распространилось и действие указов 1940 года, запрещающих переходить на другое место работы по собственному желанию⁷⁸).

Каждому преподавателю выплачивался оклад в соответствии с его местом в иерархии (в связи с чем выпускались специальные справочники — схемы должностных окладов, где были указаны суммы для каждой должности). Оклад зависел от ученой степени (кандидат наук, доктор наук), звания (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор), должности. Заведующим кафедрами и деканам факультетов полагалась надбавка за руководство подразделением вуза (официально они не освобождались от преподавания и получали еще зарплату как преподаватели соответствующих должности и звания).

78 Указ был отменен в 1956 году, но переход на другое место работы до самого конца советской истории вызывал моральное осуждение и давление со стороны общества, людям внушалось, что лучший работник — тот, кто проработал на одном месте всю свою трудовую жизнь до выхода на пенсию.

По высшей ставке получали проректоры (заместители директора) и ректор (директор).

Кроме оплаты труда по тарифной сетке, была еще и сдельная почасовая оплата труда, однако она играла роль дополнительной компенсаторной, основную часть часов преподаватель отработывал в рамках выданной ему руководством карточки поручений. Почасовая зарплата, впрочем, зависела также от должности: больше всего за час платили профессору, доктору наук, меньше всего — ассистенту без степени.

Жалованье преподавателя советского вуза было немалым: в 1970—1980 годы при средней зарплате в 120 руб. по стране кандидат наук получал от 200 до 300 рублей в месяц (в зависимости от географического нахождения вуза и его ведомственного подчинения), а доктор наук, заведующий кафедрой — от 300 до 600 рублей. 600 рублей составляла зарплата директора завода.

Однако преподаватели могли рассчитывать не только на высокое жалованье. Им полагался, конечно, обычный социальный пакет, который имели все работники государственных предприятий и учреждений. Сюда входили право на получение служебного жилья в порядке очереди, право на покупку автомобиля в порядке очереди, право на специальное медобслуживание в ведомственных поликлиниках, место для ребенка в ведомственном детском саду, право на отдых для самого преподавателя и членов его семьи в профилакториях и санаториях, на отдых для детей в пионерлагерях и т. д. Вместе с тем и здесь для научных работников предполагались особые льготы, например, право на лучшие жилищные условия. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1930 года, подтвержденным статьей 39 Жилищного кодекса РСФСР, кандидаты и доктора наук имели право на дополнительную жилплощадь в виде отдельной комнаты для научных занятий, а в случае невозможности этого на дополнительные 20 кв. м жилой площади, которые оплачивались по обычному тарифу.

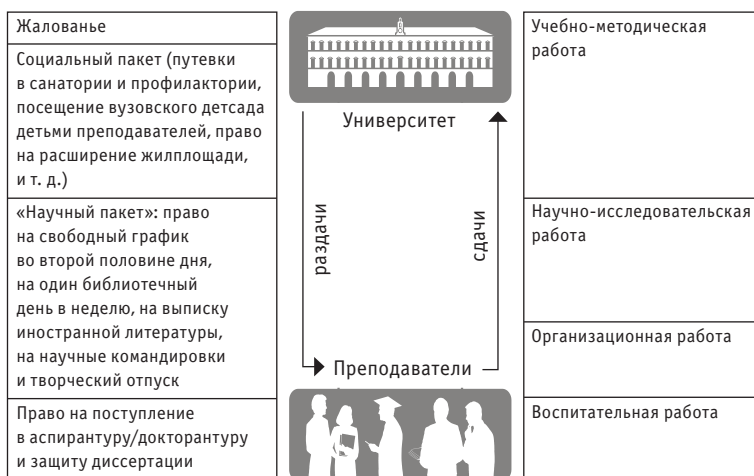
Перечисленные льготы были направлены на материальное обеспечение преподавателей вуза. Но были еще льготы, предназначением которых было создать условия для эффективной научной и методической работы. К ним относились:

- право на оплачиваемые государством командировки для участия в научных конференциях, в том числе и в зарубежные страны;
- право выписывать и получать иностранную научную литературу (в 1940—1950-х годов профессорам даже выдавалась валюта, которую можно было потратить лишь на заказ зарубежной научной литературы);

- право на работу в спецхранах, куда не допускались все остальные и где хранилась зарубежная или дореволюционная литература, содержание которой было признано идеологически опасным (например, труды русских религиозных философов Серебряного века);
- право на свободный график второй половины дня (преподаватель не должен был находиться на рабочем месте на кафедре вуза весь рабочий день; проведя все свои занятия, он мог отправиться домой или в библиотеку для занятий научной и методической работой);
- право на один «библиотечный» день в неделю, когда преподаватель освобождался от занятий в вузе и должен был вести научные исследования — в библиотеке, в лаборатории, дома;
- право на ежегодный оплачиваемый двухмесячный (а не месячный, как у большинства) отпуск;
- право на оплачиваемый творческий отпуск, предоставляемый для написания научных работ (аналог американского «саббатикал», только не такой длительный и оплачиваемый в меньшей степени).

Таковы основные раздачи, которые получал преподаватель советского вуза от государства. Покажем соотношение сдачи и раздач в системе «государство (через посредство университета) — преподаватели» на схеме 12.

Схема 12. Сдачи и раздачи советских преподавателей

Обратимся к сдам и раздам низшего сословия советского вуза — студентов.

Студенты, как и преподаватели, были сословием (хотя и временным), так как эта социальная группа создавалась государством. По результатам сдачи приемных экзаменов ректор зачислял абитуриентов в университет на определенный факультет, и деканат определял их в определенную академическую группу. Это и делало их студентами, в каком-то качестве молодой человек пребывал, как правило, 5 лет, до выпуска из вуза (хотя были и «вечные студенты», которые — в результате того, что их отчисляли на год или даже несколько лет, — учились по 6, 7 и даже 10 лет).

Сословие студентов имело свои обязанности и права, которые были отражены в официальных юридических документах, например, в Конституции СССР, в «Законе СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании», в уставах конкретных вузов. Исполнение обязанностей составляло сдачу государству, а для обеспечения сдачи предоставлялись раздачи (права и привилегии).

Основная сдача студентов была *учебная*. На студента возлагалась обязанность «систематически и глубоко овладевать знаниями и практическими навыками, развивать свои способности, вырабатывать умение самостоятельно пополнять знания и применять их на практике»⁷⁹. Она предполагала обязательное посещение лекционных и семинарских занятий, ведение конспектов лекций, выполнение заданий преподавателя, самостоятельную работу с учебниками, методическими пособиями, дополнительной специальной литературой, написание рефератов, курсовых работ, сдачу экзаменов и зачетов на положительные оценки, добросовестную работу во время педагогической или производственной практики. Окончательной учебной сдачей, по итогам которой присваивалась квалификация «специалист», была сдача государственного экзамена комиссии, сформированной из преподавателей данного и других вузов, или написание под руководством одного из преподавателей и защита перед комиссией дипломной работы. *Со стороны преподавателей эта сдача обеспечивалась учебно-методической работой ППС.*

79 Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sss/gn-zakony/mlw.htm> (дата обращения: 9.04.2014).

Следующая сдача была *идеологической*. Студент был обязан разделять официальную идеологию СССР — марксизм-ленинизм, активно работать в своей комсомольской или партийной организации (если он был членом партии), изучать труды основоположников и классиков марксизма, прежде всего — К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина (до 1956 года — еще и И. В. Сталина), решения партии, доклады ее генеральных секретарей, следить за международной и внутренней политикой, уметь интерпретировать ее с позиций официальной идеологии. *Эта сдача студентов обеспечивалась работой преподавателей по коммунистическому воспитанию студентов.*

Еще одна сдача — *дисциплинарная*. Советские студенты были обязаны «соблюдать правила внутреннего распорядка учебно-воспитательного учреждения (правила для учащихся), быть дисциплинированными и организованными... неукоснительно соблюдать советские законы и уважать правила социалистического общежития, нетерпимо относиться к антиобщественным проявлениям»⁸⁰. Это означало повинение преподавателям и представителям администрации (студенты в СССР должны были приветствовать преподавателя вставанием, обращаться к нему по имени-отчеству и на «вы», тогда как он мог называть их по имени и говорить «ты», без разрешения преподавателя не входить и не выходить из аудитории во время занятия, зачета или экзамена, не есть, не переговариваться, не отвлекаться во время занятия), запрет на употребление алкоголя, курение в неположенном месте, на определенную прическу (студента могли заставить постричь длинные волосы) и на определенную форму одежды (студента могли наказать за ношение джинсов, а студентку — слишком короткой юбки). В общежитиях были запрещены посещения студентов в вечернее и ночное время, а также внебрачные сексуальные связи. Специальные комсомольские патрули совместно с комендантами общежитий и вахтерами могли в ночное время, воспользовавшись служебным ключом, ворваться в комнату общежития и уличить пару в нарушении «правил социалистического общежития и нравственности», за чем следовали объяснения на «товарищеском суде» или на комсомольском собрании.

Предполагалась также *трудовая сдача*. Законы СССР обрисовывали ее крайне обтекаемо, обязывая студентов «участвовать в общественно

80 Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-zakony/mlw.htm> (дата обращения: 9.04.2014).

полезном, производительном труде, самообслуживании»⁸¹. На деле речь шла об иррегулярной повинности, которая состояла в неоплачиваемом или малооплачиваемом неквалифицированном физическом труде. Принудительные работы такого рода разделялись на работы внутри вуза и на работу в деревне («колхоз» на жаргоне студентов) или на предприятиях города, как правило, на овощебазах («овощанка»). Внутри вуза студенты были обязаны следить за порядком в аудиториях (для этого из числа студентов каждый день выбирался или назначался старостой дежурный, который перед приходом преподавателя мыл доску, приготавливал мел, расставлял стулья и т. д.), время от времени участвовать в генеральных уборках на своем факультете (мыть окна, двери, полы, как правило, эти работы возлагались на девушек и проводились весной, часто их приурочивали к 22 апреля — дню рождения В. И. Ленина) и убирать тротуары и газоны на улице перед вузом (как правило, эту работу выполняли юноши). Практиковались и дежурства в студенческой столовой: дежурные помогали официанткам и посудомойкам.

Поездки в деревню или работа на городском овощехранилище, появившиеся в жизни советских студентов с конца 1960-х годов, приходились на самое начало учебного года (сентябрь)⁸². Эти работы занимали 4—5 недель и были обязательными для всех, кроме тех, кто имел справку о том, что он болен или что он уже провел лето в стройотряде. За уклонение от выезда в деревню не полагались серьезные наказания, однако могли ждать неприятности и неофициальный прессинг со стороны деканата. В деревнях студенты селились у местных жителей (тогда плату за постой вычитывали из их зарплаты) либо в помещениях школ, клубов, питались в столовых (расходы на питание также вычитались из зарплаты студентов). Работа сводилась к сбору урожая моркови, свеклы, картофеля, капусты (все это называлось все равно «картошкой»). Студенты имели определенные нормативы по сбору, как правило, работа им оплачивалась, но по очень низким тарифам.

81 Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании»: BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sss/zg-zakony/mlw.htm> (дата обращения: 9.04.2014).

82 См. в Интернете подробный рассказ о поездке «на картошку» студентов белорусского вуза в середине 1980-х годов // Yablor [Электронный ресурс]. URL: <http://yablor.ru/blogs/studenti-na-kartoshke-v-sssr/2105142> (дата обращения: 9.04.2014). Кроме того, этой стороне жизни советских студентов посвящена статья в Википедии «Картошка» // Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%F2%E2%E8%EA%E0_%F1%E1%E2%F3%F0%E6%E0%FF (дата обращения: 9.04.2014).

Руководили их работой и несли за них ответственность преподаватели (обычно низшего звена — аспиранты, ассистенты). Специальные комсомольские отряды следили за тем, чтоб студенты, уезжая в город, не увозили государственную картошку, морковь и капусту для личных нужд (формально это считалось расхищением общенародного имущества), но часто следили не очень рьяно, и студентам удавалось еще и «обогатиться» колхозными овощами.

На городском овощехранилище студенты занимались сортировкой овощей. Работа также оплачивалась по минимальным тарифам, на время работы студенты освобождались от занятий. Случаев воровства было гораздо меньше ввиду сильной испорченности овощей, хранившихся на базах.

Трудовая повинность второго типа («картошка», «овощанка») распространялась, как правило, лишь на студентов младших курсов.

Таковы основные сдачи студентов советских университетов. Обратимся к раздачам.

Первая и самая главная — право на получение квалификации «Специалист с высшим образованием» с соответствующим документом — дипломом государственного образца. Ради этого, а вовсе не ради знаний значительное количество абитуриентов и шли в вузы. Студент получал ее только в случае выполнения всех сдач (и прежде всего — учебной) в полном объеме.

Вторая и тоже немаловажная раздача — отсрочка от службы в рядах вооруженных сил для юношей. Студенты дневных (очных) отделений на время учебы (то есть на 5 лет) получали официальное освобождение от призыва в армию, однако по окончании учебы их все равно должны были призвать. В ряде вузов были военные кафедры, обучение на которых давало право на получение вместе с дипломом звания лейтенанта запаса и полное освобождение от действительной военной службы на период мирного времени. Эта льгота была одной из определяющих при выборе юношами дальнейшего жизненного пути: чем менее популярной становилась в обществе служба в армии, тем большее количество людей всеми правдами и неправдами стремились к поступлению в вуз.

*Третья раздача — право на бесплатную учебу и на бесплатное пользование аудиториями, лабораториями, библиотеками и т. д.*⁸³

83 Совет министров СССР. Постановление от 22 января 1969 г. № 64 «Об утверждении положения о высших учебных заведениях СССР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6994.htm (дата обращения: 9.04.2014).

Еще одна государственная раздача — академическая стипендия. Она назначалась студентам дневных отделений «с учетом их успеваемости и материального положения»⁸⁴. Решения о выплате стипендий принимали стипендиальные комиссии факультетов в составе декана, его заместителей и представителей общественных организаций (парторганизации, комсомольской организации, профсоюза). Комиссии создавались на один год и собирались два раза в году после сессии. Для получения стипендии нужно было представить в стипендиальную комиссию справку о составе семьи и доходах, а также сдать все зачеты и экзамены в основном на «хорошо» и «отлично» (несколько «троек» допускалось, но наличие хотя бы одной неудовлетворительной оценки лишало права на академическую стипендию). Стипендиальная комиссия составляла списки тех, кто достоин стипендии, они подписывались ректором по представлению декана, и эти студенты начинали получать стипендию с первого числа следующего после сессии месяца. Студенты первого курса, еще не сдававшие сессию, получали стипендию в течение первого семестра в полном составе. Отличники могли рассчитывать на повышенную стипендию (на 25% больше, чем у остальных).

По закону без учета материального положения и при наличии хорошей успеваемости стипендию могли получать лишь льготники — Герои Советского Союза и Социалистического Труда, глухие и слепые студенты, бывшие воспитанники детдомов, интернатов и т. д.

Со временем стипендии стали получать все успевающие студенты. Размеры стипендий были повышены, отличники получали больше не на 25%, а на 50%, сдавшие на «хорошо» и «отлично» получали больше на 25%. Старшекурсники получали не 40, а 45 рублей, при выплате стипендии учитывались общественная работа, занятия наукой и т. д. На ряде специальностей, которые признавались государством приоритетными, стипендия была значительно выше. Так, в 1987 году был выпущен приказ, гласивший: «для обучающихся по специальностям: 0647 «Прикладная математика», 2013 «Математика», 2014 «Механика», 0310 «Атомные электростанции и установки», 0311, 0633 ..., в Московском физико-техническом институте — по специальностям 0554 и 0624 стипендия выплачивается на I—III курсах в размере 70 рублей, на IV—VI курсах в размере 75 рублей в ме-

84 Инструкция о порядке назначения и выплаты стипендий студентам высших учебных заведений // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usg_6001.htm (дата обращения: 9.04.2014).

сяц»⁸⁵. Возникли социальные стипендии — для студентов-инвалидов, сирот и т. д., они составляли от 80 рублей и выше.

Кроме стипендии были дополнительные квазиденежные раздачи: льготные талоны на питание в студенческой столовой, которые давал профсоюз, льготные проездные билеты и т. д.

Еще одна раздача — комната в общежитии (для иногородних студентов). За нее была установлена невысокая цена, которая выплачивалась ежемесячно, в случае невыплаты назначалась пеня. В комнате находилось необходимое для проживания имущество, оно было государственной собственностью и поступало студенту в распоряжение на время его проживания в общежитии, за сохранность этого имущества он нес материальную ответственность. Комната предоставлялась на срок учебы, студент мог ее лишиться лишь в двух случаях: окончания учебы или грубого нарушения правил внутреннего распорядка⁸⁶. Переселение из комнаты в комнату было возможно только по решению ректора, проректора и коменданта общежития.

Наконец, иногородние студенты не могли бы находиться по месту учебы длительный срок в условиях системы разрешительной регистрации (прописки), которая существовала в СССР с 1932 года. Поэтому *на время учебы им предоставлялась временная прописка в общежитии*. Это тоже была государственная раздача для студентов вузов.

Обобщим сдачи и раздачи студентов советских вузов с помощью схемы 13.

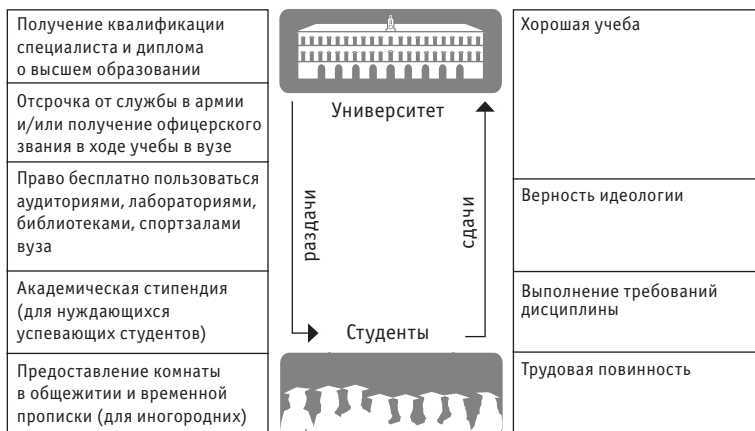
После того как студент выполнял все внутривузовские сдачи и получал квалификацию специалиста и диплом о высшем образовании, он сам становился объектом сдачи, или трудовым ресурсом. В СССР существовала система государственного распределения специалистов, которая, как мы видели, возникла еще в университетах Российской империи, только в Советском Союзе эта система стала тотальной и охватывала собой всех выпускников.

В каждом вузе ежегодно создавались государственные комиссии по персональному распределению, в состав которых входили ректор, деканы, представители министерств, заинтересованных в получении

85 Приказ Минвуза СССР от 15.07.1987 № 508 «Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты стипендии студентам высших учебных заведений» // Сейчас.ru: Бизнес и власть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/sssr/6258> (дата обращения: 9.04.2014).

86 Типовые правила внутреннего распорядка в студенческих общежитиях вузов Министерства высшего образования СССР // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20663> (дата обращения: 9.04.2014).

Схема 13. Сдачи и раздачи студентов советских вузов

молодых специалистов, представители общественных организаций вуза. Распределение осуществлялось в соответствии с межведомственным и межреспубликанским планом распределения, разработанным Госпланом и доработанным на уровне министерств и вузов. Комиссия сообщала молодому специалисту, куда он направляется, какие условия работы его ожидают (должность, оклад, жилплощадь). Мнение специалиста роли не играло: при несогласии он все равно направлялся туда же, в случае неявки его на комиссию распределение происходило заочно. Специалист должен был проработать в назначенном месте 3 года, а потом получал право на выбор места работы по собственному желанию (после 1956 года, когда было аннулировано действие указа 1940 года и работники предприятий и учреждений получили свободу трудоустройства). Советский закон называл такую работу по назначению «гражданским долгом молодого специалиста»⁸⁷.

Однако сдача предполагала раздачи. Специалисту присваивался статус «молодого специалиста», который даровал ему многочисленные льготы. Он получал от государства безвозвратную денежную выплату («подъемные»), чтобы обустроиться на новом месте. Его не

87 Приказ Минвуза СССР от 18.03.1968 № 220 «Об утверждении положения о персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» // Сейчас.ru: Бизнес и власть [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/6149 (дата обращения: 9.04.2014).

могли уволить с назначенного места работы в течение всех трех лет «отработки» без особого решения министерства (то есть распределение было еще и гарантированным трудоустройством). Ему полагалось получение жилплощади (собственной квартиры, поскольку местом в общежитии его обеспечивали сразу же) в льготном порядке. Полагался ему и ряд других социальных гарантий (например, устройство детей в детский сад и т. д.). Наконец, за ним сохранялась прописка по месту прежнего проживания.

Необходимо особо отметить, что сдачи и раздачи в обществе раздатка подчиняются единому плану. Советские вузы не были исключением.

2.8. ПЛАНОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА В СОВЕТСКИХ ВУЗАХ И ИНСТИТУТ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Хозяйство СССР было подчинено общегосударственному плану, разрабатываемому особым государственным органом — Госпланом СССР. В нем предусматривалась и регламентировалась и деятельность вузов, в том числе университетов. На основе заявок из министерств и ведомств Госплан СССР принимал решение, сколько специалистов и какого профиля понадобится народному хозяйству через 5 лет (когда абитуриенты текущего года станут выпускниками). На основе этого в министерстве, которому подчинялся вуз (в случае университетов — это министерство высшего образования) разрабатывался план по приему в вуз на текущий год. В плане было указано, сколько абитуриентов следует принять на ту или иную специальность того или иного факультета вуза в текущем году. Если на эту специальность подавали заявлений больше, чем требовал план, возникал конкурс, то есть отбор тех, кто показал лучшие результаты на вступительных экзаменах. План по приему предполагал, что поступивших должно быть чуть больше, чем будет выпускников через 5 лет, поскольку неуспевающие будут отсеяны в процессе учебы.

Педагогический и учебный процесс в советских вузах также носил плановый характер. Выражалось это в том, что для получения высшего образования студентам необходимо было освоить учебный план — не индивидуальный для каждого учащегося, как в западных вузах, а общий унифицированный учебный план всего вуза (факультета). Он представлял собой документ, описывающий, какие дисциплины,

в каком объеме, в какой последовательности и с какими формами отчетности должен освоить студент, получающий ту или иную специальность. В плане были отражены не только лекции и практические занятия, но и учебная практика, курсовые, дипломные работы и т. д. При его составлении использовался академический час как единица трудоемкости. Определенное количество часов отводилось каждому предмету, а также формам его преподавания (лекциям, семинарам и т. д.) и проверки знаний (зачетам, экзаменам). Чтобы получить диплом о высшем образовании, студент должен был освоить указанное в плане суммарное количество часов, иными словами, приложить соответствующее количество учебного труда.

Количеством часов определялось и количество преподавателей, необходимых на кафедре, факультете, в вузе в целом (скажем, если предметы, читаемые по определенной кафедре, требовали 7000 часов, а средняя нагрузка преподавателя по вузу была 700 часов, то, очевидно, на кафедре должно быть 10 штатных единиц ППС).

Учебный план — важнейший государственный документ, к составлению которого студент не имел никакого отношения, в отличие от своего западного «собрата», самостоятельно составляющего свой индивидуальный учебный «план», или, правильнее сказать, академическую траекторию.

В советских вузах учебные планы составлялись вплоть до самых мелочей в министерствах, которым были подотчетны вузы. Право на создание своих учебных планов имели только крупнейшие, прежде всего, столичные вузы, такие как МГУ, ЛГУ и т. д. Это обосновывалось тем, что в них наличествовали выдающиеся научно-педагогические школы⁸⁸.

Существовал учебный план на весь период обучения и ежегодный, корректируемый в зависимости от изменений контингента студентов. Именно на основе годового учебного плана составлялось расписание занятий, подписываемое деканом и ректором (проректором) и обязательное для исполнения студентами и преподавателями, а также карточки поручений преподавателей, определяющие их нагрузку в текущем году.

Остановимся подробнее на педагогической стороне работы преподавателя. Как мы успели убедиться, она тоже была организована плановым образом. В конце каждого года министерство спускало в вуз

88 См. Богомолов А. И. Учебный план // Большая советская энциклопедия // Энциклопедии & Словари [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Uchebn-plan-92701.html (дата обращения: 9.04.2014).

количество часов, которые преподаватели должны выработать за год (исходя из количества студенческих мест на каждой специальности вуза). Распределял часы по факультетам и по кафедрам учебный отдел (учебная часть) вуза. Фактически учебный отдел выступал раздатчиком часов. Заведующие кафедрами распределяли эти часы между преподавателями⁸⁹, и если количество часов (единиц труда) было пропорционально численности преподавателей (каждый обеспечен средней нагрузкой), то все они получали полную ставку (в конечном счете часы и определяют зарплату преподавателя). Если часов оказывалось меньше, то нужно было либо уменьшать нагрузку (переводить кого-то из преподавателей на 0,75 или 0,5 ставки), либо сокращать штатные единицы. Битва за часы между кафедрами и факультетами составляла основной нерв реальной, а не воображаемой идеологической жизни любого советского вуза. Любая кафедра, факультет, вуз были заинтересованы в увеличении количества часов, а значит, в открытии новых направлений и специальностей, поскольку это давало новые штатные единицы; министерство же, как правило, противостояло этим требованиям.

Получив сумму часов на кафедру, завкафедрой составлял на каждого преподавателя годовую «карточку поручений» — план занятий на год с указанием факультетов, курсов, групп, количества занятий различных видов (лекции, семинары), которые предстоит провести преподавателю. В конце года преподаватель отчитывался о педагогической, научной и воспитательной работе, а заведующий составлял совокупный отчет о работе кафедры. Невыполнение плана по нагрузке влекло за собой дисциплинарные меры в отношении каждого из звеньев этой системы, в том числе кафедры в целом.

В сущности, эта система сохранилась и в постсоветских вузах, несмотря на реформы и вызванные ими косметические изменения.

Наконец, особенностью советского вуза было планирование распределения специалистов, окончивших вуз. Каждый год в установленный срок руководство вуза пересылало в министерство, в подчинении которого находился вуз, данные о выпускниках текущего года и рекомендации об их направлении на рабочие места. Указанные министерства обобщали эту информацию и направляли в министерства, заинтересованные в получении специалистов данного профиля, и в

89 Имеются в виду как аудиторные, так и внеаудиторные часы, что оставляет заведующему кафедрой определенное пространство для злоупотреблений. Например, он может записать себе больше внеаудиторных часов, в действительности их не проводить, а нелюбимому подчиненному дать больше аудиторных, не проводить которые нельзя.

Госпланы СССР и союзных республик. В Госпланах разрабатывались *межведомственные и межреспубликанские планы распределения молодых специалистов*. Затем планы дорабатывались на уровне министерств и конкретных вузов, министерства сообщали вузам адреса предприятий и учреждений, где требуются молодые специалисты, в вузах создавались комиссии по персональному распределению, которые и осуществляли это распределение, уже описанное нами выше.

Для любого раздатка характерно существование института жалоб как канала обратной связи между ресурсополучателями и ресурсодателем (государственной инстанцией). Этот канал позволяет ресурсодателю получать информацию об ошибках и промахах, допущенных во время раздатка, и минимизировать недовольство ресурсополучателей. Существовал такой канал и при образовательном раздатке в советском университете (вузе).

Связан он был с партийной организацией, которая представляла собой вторую, теньевую власть в вузе (официальной властью обладали ректор и администрация). На каждом факультете был свой партийный комитет, возглавляемый партгоргом, во главе всей пирамиды комитетов стоял партком вуза и парторг вуза. Парторг вуза не был освобожденным работником и продолжал преподавать (хотя нагрузка у него, как и у ректора с проректорами, была сокращенной до минимума), но обладал определенными привилегиями, начиная с наличия своего кабинета и персональной машины и кончая правом на отдых в системе санаториев ЦК КПСС. В функции парторгов входили идеологическая и воспитательная работа: проведение собраний, демонстраций, партучебы, а также контроль над нравственным обликом преподавателей и студентов. Случаи неподобающего поведения, нарушения трудового распорядка, дисциплины становились предметом для разбирательства на партийных собраниях.

Парторг концентрировал в своих руках все «сигналы» (сообщения сотрудников), которые поступали к нему от студентов и преподавателей. «Сигналы» эти могли быть устными и письменными, открытыми и анонимными. Поскольку студенты входили в состав парторганизации университета, они могли сообщить о неподобающем поведении преподавателей, случаях коррупции, неполном служебном и профессиональном соответствии — партком и руководство вуза должны были отреагировать на это.

Кроме того, представители студенческих организаций были включены в состав советов факультетов с той же целью — наличия обратной связи между преподавателями (обучающими) и студентами (обучаемыми).

2.9. КОМПЕНСАТОРНЫЕ ИНСТИТУТЫ СОВЕТСКИХ ВУЗОВ

О. Э. Бессонова пишет, что в обществе с раздаточной экономикой всегда наличествует небольшой сегмент рынка, который является своего рода компенсаторным институтом. Он позволяет компенсировать недостатки в функционировании раздаточной экономики. Скажем, колхозники в сталинском СССР имели право на легальную продажу излишков своего индивидуального хозяйства на рынке, это компенсировало скудость государственных раздач, которые они получали и которых иногда не хватало даже для выживания. Образовательный раздаток, который в наиболее чистой форме существовал в советских вузах, тоже имел свои компенсаторные институты. Речь идет прежде всего о праве учиться по индивидуальному учебному плану, которое предоставлялось лучшим студентам. Студенты, которые проявляли яркие способности к той или иной науке и имели высокий уровень успеваемости, получали от администрации право на частичное освобождение от унифицирующего общего учебного плана. Под руководством профессора, к которому прикреплялся такой студент по решению совета университета, он составлял индивидуальный учебный план. В соответствии с ним он в индивидуальном порядке посещал занятия по дисциплинам, которые не изучали его однокурсники. При этом в некоторой степени его освобождали от обязательного посещения занятий по его факультету. Ему предоставлялась возможность проходить практику в другое, удобное для него время. Если индивидуальный план предусматривал «ускоренное обучение», то он мог даже экзамены сдавать не в согласии с общим планом, а отдельно и, например, на II курсе сдать экзамены за III и IV курс. Давались и некоторые послабления при выборе тем курсовых и дипломных работ.

Своеобразным механизмом компенсации были также факультативы, которые студенты могли избирать свободно, как курсы в гумбольтовском университете. Студенту предоставлялся выбор одного из нескольких иностранных языков в качестве учебного предмета, правда, после того как выбор сделан, студент должен был учить этот язык на протяжении двух лет без права перехода в другую группу.

Наконец, к механизмам компенсации можно отнести и специальные курсы (спецкурсы). Кроме общих курсов в советских вузах читались и специальные курсы, посвященные узким проблемам той или иной науки. Читались они на старших курсах, и, как правило, содержание их отражало научные интересы и достижения того или иного преподавателя. Иногда для чтения спецкурсов приглашались видные

ученые из других вузов и городов, их труд оплачивался на почасовой основе. Курсы эти вносились в учебный план решением совета факультета, после чего это решение утверждал ректор и соответствующее министерство, поэтому была возможность их обновлять и тем самым идти в ногу с развитием данной области науки.

Студенты, правда, не могли непосредственно выбирать эти курсы, но они после окончания двух младших курсов выбирали кафедру, по которой хотели специализироваться, а тем самым и определенный набор спецкурсов, которые читались на этой кафедре. Надо заметить при этом, что более или менее свободный выбор между кафедрами дозволялся лишь студентам, которые учились хорошо или очень хорошо (разные кафедры пытались переманить их друг у друга), всех остальных определяли на ту или иную кафедру авторитарным образом, не прислушиваясь к их возражениям, которых, впрочем, обычно не было: студенту-«среднячку» было все равно, куда идти, лишь бы получить диплом.

Наконец, в центральных столичных вузах допускалась самая большая свобода: право на формирование своего внутривузовского учебного плана. В них были сосредоточены лучшие научные кадры, поэтому спецкурсы в них были приближены к курсам в западных университетах. Студенты из провинции, проявившие большие способности, имели возможность перевестись в эти вузы и продолжить обучение там.

Таким образом, компенсаторные механизмы сближали практику гумбольдтовского университета (чтение преподавателями курсов на основе своих научных достижений, свободный выбор курсов студентами) с практикой раздаточного советского вуза, насколько это было возможно.

Как видим, неверно утверждать, что в СССР был тотальный образовательный раздаток. Советская система высшего образования имела сегмент, где наличествовала, хоть и в чрезвычайно урезанном виде, академическая свобода студентов, напоминающая западную. Однако если в европейских и американских вузах эта свобода предоставляется всем, то у нас она предоставлялась лишь избранным.

Возникновение компенсаторных институтов связано с осознанием недостатков образовательного раздатка, который, конечно, помимо этих недостатков имеет и достоинства. *С одной стороны, высшее образование раздаточного типа позволяет в короткий срок выпускать большое количество специалистов, владеющих профессиональными знаниями и умениями на среднем добротном уровне (чего и требовало общество, переживавшее ускоренную индустриализацию). С другой стороны,*

зарегламентированность и унифицированность такого образования препятствовали развитию творческих одаренных натур, которые в силу самой природы творчества нуждаются в большей свободе. В идеале такие студенты в раздаточном советском вузе могли обучаться по индивидуальному учебному плану. Кроме того, раздаточный вуз, как правило, раздает устаревшее научное знание (унифицированность учебных планов, которые представляют собой общие курсы и слабо связаны с научными исследованиями и интересами преподавателей). Такой компенсаторный механизм, как спецкурсы, был призван нейтрализовать и этот недостаток.

2.10. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПСЕВДОРЫНОК РАЗДАТОЧНОГО ВУЗА

В 1970—1980-е годы Советский Союз вошел в стадию разложения. Выразалось это, в частности, в том, что наряду с раздатком в нем возник большой сегмент административного рынка (псевдорынка). Соответствующие процессы шли и в сфере высшего образования.

Отношения сдач — раздач носят вертикальный характер и предполагают, что субъекты этих отношений занимают неравные позиции на лестнице иерархии государственных должностей. Однако в обществе раздатка, кроме этих отношений, возникают иные, горизонтальные, между субъектами, которые занимают одинаковые позиции в данной иерархии, или, как выражаются специалисты, «имеют одинаковый административный вес». С. Г. Кордонский, который, похоже, был первым, кто предложил эвристически адекватное описание этого феномена, назвал его «административным рынком»⁹⁰. Под ним Кордонский понимает обмен ресурсами, находящимися в служебной собственности у субъектов раздатка, осуществляемый так, будто эти ресурсы являются их частной собственностью. Примером являются многочисленные случаи бартера между советскими предприятиями, с тем чтобы получить дефицитные ресурсы, которых не хватало при государственной раздаче. Я считаю, что здесь не совсем правильно говорить о рынке, ведь рыночный обмен предполагает наличие законной частной собственности, лучше говорить об *административном псевдорынке*.

.....

⁹⁰ См. Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. — М.: ОГИ, 2006.

Административный псевдорынок — привычная реальность позднесоветского и постсоветского российского вуза. Большинство преподавателей, не говоря уже о руководстве, были вовлечены в отношения административного обмена, все знали правила, по которым это делается, но при этом все делали вид, что ничего такого не существует и не может существовать в принципе.

Причина возникновения административного псевдорынка в образовании такова же, как и административного псевдорынка в экономике. Классическая раздаточная экономика устраивает большую часть населения только в том случае, если это население верит в идеологию, которая способна обосновать, почему один социальный слой получает от государства больше, чем другой. Иначе говоря, эта идеология минимизирует потребности тех сословий, которым положены минимальные раздачи, заставляя их «знать свое место». Как только эта идеология теряет свое воздействие на умы людей, им начинает хотеться больше, чем им положено от государства в соответствии со статусом их сословия. Удовлетворять возросшие потребности они начинают, присваивая и используя в своих целях ресурсы, доверенные им государством, то есть вступая в обменные отношения в рамках административного псевдорынка.

Точно так же дело обстоит и с образованием. В мобилизационный период раздаточного общества (каковым у нас были 1930—1950-е годы), когда советские вузы были наиболее близки к чистой модели образовательного раздатка, количество поступающих и тем более оканчивающих вузы было невелико (около 10% от общего количества выпускников школ). Остальные шли в техникумы, ФЗУ и ремесленные училища, на заводы и фабрики, считая, что им не хватает способностей и подготовки для получения высшего образования. Нежелание государства дать им высшее образование (что выражалось в том, что в государственной школе они получали слишком низкий балл, которого было недостаточно для поступления в вуз, или в государственном вузе не сдавали сессию, что было основанием для отчисления) воспринималось ими как констатация объективной реальности. Свои собственные желания они не принимали в расчет. Однако со временем самооценка советских людей росла и вузы столкнулись с ситуацией, когда абитуриенты и студенты зачастую, не будучи способными сдать экзамены, тем не менее желали любым путем получить высшее образование (точнее, вождевленную «корочку»). Теперь с их точки зрения не государство, а они сами могли решать, кто достоин получить диплом о высшем образовании, а кто нет, и они стремились к его получению, даже если государство (в лице выпускной комиссии

в школе, экзаменатора в вузе) признало их непригодными для этого. В реализации этого их желания им и помогли механизмы административного псевдорынка.

Возьмем, к примеру, поступление в вуз. По сути, лицом, за которым оставалось последнее слово в этом вопросе, был (и есть до сих пор) ректор. Именно по приказу ректора поступающие зачисляются в студенты. Ректор подчинялся непосредственно соответствующему отраслевому министерству (в зависимости от подчинения вуза), но физически находился на территории, где уже есть соответствующие партийные комитеты, советские органы, органы правопорядка и т. д. Формально ректор от них не зависел, фактически — очень даже зависел, например, ему нужно было строить новые общежития, а земля принадлежит городу, и нужно согласовывать строительство с местным начальством. А у председателя горисполкома имелся сын (племянник, дальний родственник) — абитуриент, поступающий в данный вуз. Так формировались *ректорские списки* — списки детей важных людей, которые ректор направлял в приемные комиссии с негласным указанием сделать все для поступления тех, кто там значится. Фактически перед нами элементарная операция административного псевдорынка: ресурс, который был в руках ректора (зачисление в вуз), обменивался на ресурс, который находился в руках председателя горисполкома (разрешение на строительство общежития). Впрочем, не всегда для этого был нужен и ректор: вопрос решался и на уровне проректоров и членов приемных комиссий.

Со временем в некоторых случаях поступление в вуз стало обмениваться не на тот или иной административный ресурс, а на деньги. Так возникло то явление, которое принято называть коррупцией при поступлении в вузы. *На самом деле перед нами не коррупция, а ресурсно-денежный обмен — тоже операция административного псевдорынка.* Коррупция — операция рыночная; она предполагает превращение функции какого-либо госчиновника в товар (каковым она не является по природе своей) и обмен этого товара на деньги. То есть коррупция — экспансия рынка в область госуправления, по природе своей неподвластную рыночным законам. А одно из главных требований рынка — общедоступность товара. Деньги в рыночной экономике — универсальный товар, который обменивается на любой товар; всякий, кто предложит деньги в сумме, соответствующей цене товара, может рассчитывать на успешный обмен. В случае «коррупции» при поступлении в советские вузы далеко не всякий, кто готов был предложить деньги, мог рассчитывать на успех. Для этого нужно было принадлежать к определенному кругу людей — сообществу, объединенному

знакомствами, личными связями, общими делами, в том числе и в теневой сфере, и т. д. Это напоминало не операцию на рынке, а отоваривание в советском спецраспределителе, где товары даже за деньги могли получить не все, а лишь представители сословия, которому это было положено по закону или подзаконным актам, например, работники обкома КПСС, если это был распределитель обкома. Только в случае госраспределителя это было сословие, то есть социальная группа, созданная официально, постановлением руководства государства (например, партноменклатура), а в случае сообщества приближенных к ректору, председателю приемной комиссии и ее членам — группа, которая возникла самочинно, без решения государства, то есть псевдосословие. *По сути дела, ректор, отдавая за деньги место в вузе отпрыску знакомого, брал на себя функцию государства — раздавать учебные места, то есть оставался в рамках логики раздатка, только он присваивал право на раздаток себе.*

Однако поступить мало, нужно еще учиться. Часто случалось и случается так, что дети персон разной степени важности и знакомства с преподавателями, учась в вузах, не могут сдать экзамены. Тогда включался внутрипреподавательский механизм экзаменационного обмена. Суть его проста: один преподаватель просит другого поставить зачет или выставить оценку за экзамен своему протеже в обмен на готовность удовлетворить такую же просьбу в будущем. При этом в качестве оценки выставляется средний балл данного студента (если он учится на тройки, вряд ли ему поставят «хорошо»). Если тот, к кому обратились с просьбой, откажется, его ждет моральное осуждение и исключение из сети административного псевдорынка, это значит, что, если ему что-либо понадобится и он попросит, ему откажут. Обычно просящий благодарит за содействие коробкой конфет (женщину) или бутылкой хорошего алкоголя (мужчину), но это вовсе не плата за услуги, а скорее признание того, что канал административного псевдорынка налажен и теперь будет действовать. Тот, кто выполнил просьбу коллеги, знает, что теперь обязаны помочь ему. Экзамен тут меняется на экзамен; подходить два раза, если сам оказал помощь лишь однажды, неприлично. Контакт возможен лишь между преподавателями одного и того же вуза. Если приходит с просьбой преподаватель другого вуза, то он действует через знакомых из данного вуза. *Собственно, на уровне административного псевдорынка и формируется общеузовская идентичность («мы ведь с вами в одном вузе трудимся»), которая на Западе делает вуз университетом, но вряд ли такая идентичность может заменить общеуниверситетскую в гумбольдтовской модели.*

Выставить оценку за экзамен кому угодно возможно, потому что контроля за принятием зачетов и экзаменов со стороны администрации у нас практически не было и нет, сам зачет и экзамен обставлены так, что и студенты не могут это контролировать (зачеты и экзамены проходят в устной форме, преподаватель зовет студента в пустую комнату и беседует с ним с глазу на глаз). Преподаватель может задать вопросы полегче, а может просто попросить принести зачетку и поставить туда что нужно.

Со временем в вузах возникли настоящие маклеры административного псевдорынка. Имея многочисленные связи, обменивая обязательства других преподавателей, они могли решить вопрос с экзаменом на любом факультете, причем редко когда они брали деньгами, в основном — дефицитом; среди родителей студентов, которые обращались с просьбами, могли быть те, в чьих руках супердефицитные ресурсы — от билетов на поезд и самолет до вещей иностранного производства («фирма́», как это называлось в СССР). Собственно, брать деньгами маклеру было невыгодно, ведь он обращался к коллегам с просьбой помочь на основе взаимозачета, что в сообществе преподавателей считалось «честным», если же выяснялось, что он за это взял деньги, то подозрение в коррупции пало бы и на того, кого он просил и кто непосредственно поставил оценку этому студенту; тогда связь, отработанная годами, могла разорваться. Тем более что в деньгах советский преподаватель не очень нуждался, он их получал немало — от 200 до 600 рублей в месяц; он нуждался в том, чтоб ему открылись места, где можно на эти деньги купить дефицит, а для этого нужны были связи.

Наконец, в 1970—1980-е годы в советских вузах начинается сбор сословной ренты (преподавателями — со студентов, руководителями — с нижестоящих преподавателей), который тоже часто путают с коррупцией. Вместе с тем и тут нет сущностного признака коррупции — равенства сторон, напротив, рента собирается представителями вышестоящего сословия с представителей нижестоящего. Рента эта различна — от бутылочек, конфет и накрытых столов во время экзамена до серьезных денежных сумм (что до 1980—1990-х годов было все же редкостью, во всяком случае, в славянских республиках СССР). В отношениях между рядовыми преподавателями и членами вузовской администрации, которые продолжали числиться преподавателями и должны были вырабатывать нагрузку (завкафедрями, деканы), рента могла состоять в бесплатном педагогическом труде за начальника. Даже выполнение простой просьбы начальника поставить оценку за экзамен его протеже-студенту было разновидностью ренты, кото-

рую он собирал со своих подчиненных, а вовсе не операцией административного псевдорынка, поскольку здесь мы видим уже не горизонтальные, а вертикальные отношения.

Административный псевдорынок и другие схожие феномены стали основой коммерциализации вузов (и университетов в частности), которая развернулась после падения СССР в России. Об этом будет сказано в следующей главе.

2.11. ИТОГИ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

Российские «университеты» с самого своего возникновения представляли собой многопрофильные высшие училища (мультиинституты), готовящие к разным родам гражданской государственной службы. Их задача состояла в том, чтоб дать знания, необходимые чиновникам для службы, а также привить характерные для чиновников психологические качества и, наконец, наделить выпускников классным чином. Этим занимались преподаватели и университетская полиция, которые сами были чиновниками и были включены в систему сдач и раздач. Студенты тоже были своеобразными неофициальными госслужащими, чья учеба и подчинение дисциплине воспринимались как работа на государство. Таким образом, российская школа до революции развивалась по модели модернистского образовательного раздатка.

После горячки первых лет революции в СССР была возрождена эта модель, только в советские годы образовательный раздаток стал массовым. Раздаточными вузами были и советские университеты. Однако они приобрели другую социальную функцию по сравнению с дореволюционными: в основном они готовили научно-педагогические кадры для других вузов, а также педагогов техникумов и старших классов школы и, кроме того, инженеров (к второстепенным функциям можно отнести подготовку региональной политической элиты, а также национальных интеллигенций в нацреспубликах России и СССР). Советские университеты, следовательно, были раздаточными педагогически-техническими мультиинститутами (учреждениями массового образовательного раздатка). Они управлялись министерством и были включены в административный раздаток страны. По плану они принимали абитуриентов и по плану сдавали специалистов, которых государство распределяло по рабочим местам. Сами учеба и препода-

вание в них тоже были организованы плановым образом и основаны на принудительном служебном учебном и преподавательском труде и использовании служебной госсобственности. В ходе преподавания и учебы создавались потоки сдач и раздач. Главные раздачи советского университета студентам — высшее образование как правовой статус, открывающий путь к определенным должностям, знания, которые необходимы на этой должности, а также условия для учебы (прописка, отсрочка от учебы в армии, предоставление общежития, стипендии и т. д.). Право это спускалось сверху, где решалось, скольким претендентам может присвоить квалификацию тот или иной вуз. Знания стекались из академии наук, других вузов, производились преподавателями самого университета, с тем чтобы стать ресурсом, раздаваемым преподавателями студентам.

Существовали в советских вузах и компенсаторные механизмы, вводившие в образовательные практики элементы гумбольдтовского университета.

В 1970—1980-е годы с разложением СССР в образовательном раздатке появляется сегмент административного псевдорынка и сборов условной ренты, ставший основой для коммерциализации российских университетов в постсоветскую эпоху.

3

Вузы Минобрнауки в 1990-е гг.: мутация и кризис

3.1. ПОСТСОВЕТСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ РОССИИ

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ и либеральных преобразований начала 1990-х годов произошли существенные изменения в системе жизнеустройства российской цивилизации. Либеральные реформаторы поставили перед собой масштабную задачу превращения России в общество европейского типа с развитыми рыночными механизмами и либеральной демократией и, кроме того, провозгласили отказ от имперских амбиций, военного противостояния России и Запада, ориентации России на экономическую автаркию. Россия стала встраиваться в систему мировой капиталистической экономики, что обрушило множество отраслей советского хозяйства, продукция которых стала вытесняться зарубежной (текстильная, легкая промышленность, сельское хозяйство). Впрочем, главная задача реформаторов также осталась невыполненной: в ходе преобразований бывшая партийно-государственная элита лишь перераспределила наиболее рентабельные экспортоориентированные производства (в основном из советского нефтегазового комплекса), *общий ресурсный характер государства и сословный характер общества сохранились*. Однако некоторые изменения все же произошли. Были уничтожены основные механизмы советской цивилизации, например: КПСС, ВЛКСМ, Госплан СССР и т. д. Фактически в ходе приватизации экономики и отказа государства от социальных функций были расформированы — полностью или в значительной

степени — некоторые старые советские сословия: колхозное крестьянство, рабочие оборонных предприятий; другие сословия стали получать меньшую долю ресурса, как, например, пенсионеры, военнослужащие и т. п. Возник внутренний рынок товаров и услуг, в основном связанный с перепродажей импортного ширпотреба, и вместе с ним — сегмент классовой структуры общества, при которой социальная стратификация производится не в процессе государственной раздачи благ и привилегий, а в процессе разделения на успешных и неудачливых агентов рынка (класс богатых и класс бедных). Вместе с тем и сам рынок государство, сохранившее ресурсный характер, стало использовать как ресурс: так, возникло сословие коммерсантов, которые на первый взгляд похожи на частных предпринимателей западного типа, а на самом деле представляют собой «теневую бизнес-номенклатуру», куда могут попасть только приближенные к чиновникам люди и предназначение которой — «осваивать» бюджетные деньги, то есть обеспечивать товарами различного рода административно-государственные организации, платя за это чиновникам «откаты».

С. Г. Кордонский считает, что суть постсоветской эпохи состоит в поиске новых ресурсов, эксплуатируя которые служащие государства могли бы повышать свое благосостояние⁹¹. То же самое относится и к системе высшего образования, которое и в постсоветское время сохраняет ресурсный характер.

3.2. РОССИЙСКИЕ ПОСТСОВЕТСКИЕ ВУЗЫ: СОХРАНЕНИЕ РЕСУРСНОГО И РАЗДАТОЧНОГО ХАРАКТЕРА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В сфере высшего образования политика реформаторов носила двойственный характер. С одной стороны, была провозглашена идеологизация высшего образования, были отменены идеологические предметы (такие, как история КПСС, научный коммунизм и атеизм), запрещена деятельность политических партий в вузах. Был осуществлен переход образования на коммерческие рельсы: в 1991 году отменено государственное распределение специалистов, отныне они стали попадать на рынок труда, в 1992 году была введена плата за обучение в

91 Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. — М., 2008. — С. 68—69.

государственных вузах, разрешено открытие частных, коммерческих вузов⁹². В этом плане российские либералы-реформаторы мало чем отличались от своих западных единомышленников — американских и европейских неолибералов, которые стремятся свернуть социальные образовательные программы, введенные социалистами и социал-демократами, и вписать образование в рынок услуг.

С другой стороны, российские либерал-реформаторы сохранили юридическую базу ресурсного характера высшего образования в России и основные институты раздаточных вузов.

Начнем с того, что и после 1991 года в России продолжали действовать советские квалификационные справочники должностей, которые гарантировали получение определенного рода должностей лицам с высшим образованием. А 21 августа 1998 года Минтруда РФ утвердил приказом № 37 «Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих», который, как говорилось в его преамбуле, был призван «обеспечить рациональное разделение труда, создать действенный механизм разграничения функций, полномочий и ответственности, четкую регламентацию трудовой деятельности работников в современных условиях развития рыночных отношений»⁹³. Однако он представлял собой, как и признавали его разработчики, лишь несущественно переработанные соответствующие советские справочники, с дополнением должностей и профессий, которых не было при советской плановой экономике. Общий принцип государственного раздатка должностей в соответствии с критериями, установленными государством же, сохранялся.

Согласно этому справочнику, *на любых предприятиях и в учреждениях РФ, независимо от форм собственности (в том числе и в коммерческих фирмах) должны наличествовать должности руководителей, специалистов и технических исполнителей. Должности руководителей (директор, финансовый директор, главный бухгалтер, главный инженер, менеджеры и т. д.) могут замещаться только лицами, имеющими диплом о высшем профессиональном образовании* (в каждом отдельном случае оговаривается, какое именно высшее образование требуется, например, для замещения должностей финансового директора или главного бухгалтера требуется высшее экономическое образование, а

92 Кроме военных вузов.

93 Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих // Сайт по кадровому делопроизводству [Электронный ресурс]. URL: http://www.kadrovik-praktik.ru/documents_kp/DolgInstr1.php (дата обращения: 10.04.2014).

для замещения должности директора типографии предприятия или начальника отдела социального развития подойдет любое высшее образование⁹⁴). Хотя справочнику придавался статус рекомендательного документа, очевидно было, что при учреждении или проверке предприятия проверяющий госорган обязательно обратит внимание на соответствие должностных лиц требованиям единого справочника.

Подобные справочники есть и по отдельным отраслям: для сферы здравоохранения, культуры и т. д.

Более того, высшее образование как ресурс было «вмонтировано» даже в учрежденный либерал-реформаторами рынок. Так, при создании и государственной регистрации банков (кредитных организаций) любой формы собственности по закону РФ «О банках и банковской деятельности» учредители обязаны представить в Центробанк анкеты кандидатов на должности руководителя кредитной организации (банка), главного бухгалтера, заместителей главного бухгалтера, *причем от всех этих кандидатур требуется наличие высшего экономического или юридического образования* (в случае высшего образования по другой специальности — опыт руководства не менее двух лет)⁹⁵. *Таким образом, государство РФ разрешает занимать высшие руководящие должности в банках (даже в частных) лишь лицам с высшим экономическим и юридическим образованием (за редкими исключениями). Налицо государственный раздаток права заниматься банковским бизнесом, связанный с желательным наличием диплома о высшем образовании государственного образца как ресурса, который раздается тоже государством* (или, в случае коммерческого вуза, по разрешению государства и под его контролем). Не совсем понятно, почему высшие руководители нашего государства после этого сетуют на избыток лиц с юридическим и экономическим высшим образованием на рынке труда: государство ведь само сделало наличие такого диплома требованием, без которого затруднительна или невозможна карьера в такой престижной сфере занятости, как банковская.

Наконец, *высшее образование и в постсоветской России дает возможность занять определенные должности и получить определенные чины на*

94 Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих от 29 апреля 2008 года // Работа 102 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rabota-102.ru/ekts-03-1-66-nachoos.php> (дата обращения: 10.04.2014).

95 Федеральный закон о банках и банковской деятельности от 2 декабря 1990 года № 395-1, ст. 14, п. 8, переутвержден в новой редакции 03.02.1996 как ФЗ № 17-ФЗ, требование сохранено; см. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=141571;fld=134;dst=100126;rnd=0.6171673911157995> (дата обращения: 10.04.2014).

госслужбе, как это было и в Российской империи, и в СССР. Указом Президента РФ от 22.12.1993 № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» для федеральных государственных служащих устанавливались классные чины:

- высшие государственные должности (действительный государственный советник Российской Федерации),
- главные государственные должности (государственный советник РФ),
- ведущие государственные должности (государственный советник 1, 2, 3 класса),
- старшие государственные должности (советник государственной службы 1, 2, 3 класса),
- младшие государственные должности (референт государственной службы 1, 2, 3 класса)⁹⁶.

Должности, начиная со старших государственных, могут замещаться только лицами с высшим профессиональным образованием по специализации должностей, для старших и ведущих должностей нужно еще дополнительное высшее образование по специальности «госуправление»⁹⁷. После ряда преобразований в 2003 году был принят современный закон «О системе государственной службы Российской Федерации»⁹⁸, а за ним, в 2004 году, — закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁹⁹ и соответствующие подзаконные акты. Должности госслужбы были разделены на 4 категории:

- руководители,
- помощники (советники),
- специалисты,
- обеспечивающие специалисты (статья 9 закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации») —

96 Табель о рангах РФ // Атрибуты государственной власти [Электронный ресурс]. URL: <http://gosslužhba.narod.ru/ranks/ru/> (дата обращения: 11.04.2014).

97 Государственная служба // Основы российского права [Электронный ресурс]. URL: <http://isfic.info/aprav/uris81.htm> (дата обращения: 11.04.2014).

98 Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gosslužh/> (дата обращения: 11.04.2014).

99 Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Гарант: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 11.04.2014).

и на 5 групп:

- высшие должности;
- главные должности;
- ведущие должности;
- старшие должности;
- младшие должности.

В категории «руководители» и «помощники (советники)» предусмотрены высшая, главная и ведущая группы, в категории «специалисты» — высшая, главная, ведущая и старшая, в категории «обеспечивающие специалисты» — все пять групп.

В число квалификационных требований к замещению должностей входит уровень образования: без наличия диплома о высшем образовании можно замещать лишь должности старшей и младшей групп категории «обеспечивающие специалисты»; напротив, наличие такого диплома открывает путь к должностям ведущей, главной и высшей групп категории «обеспечивающие специалисты» и к должностям всех групп остальных категорий¹⁰⁰.

То же самое касается госслужбы по линии МВД. В 1992 году вышло Постановление ВС РФ № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации». Согласно пункту «г» статьи 26 этого постановления звания лейтенанта милиции, лейтенанта внутренней службы и лейтенанта юстиции присваиваются не только лицам с юридическим высшим образованием, но и просто «гражданам, имеющим высшее образование и назначенным на должности среднего или старшего начальствующего состава»¹⁰¹. *То есть и в постсоветской России лица с высшим образованием (не обязательно даже юридическим) имеют преимущество перед остальными гражданами при поступлении на службу в органы МВД, поскольку могут рассчитывать на замещение должностей среднего и старшего начальствующего состава и получение звания не ниже лейтенанта.* Это постановление сыграло немалую роль в том,

100 Должности государственной гражданской службы // Федеральный портал управленческих кадров [Электронный ресурс]. URL: <http://rezerv.gov.ru/GovService.aspx?id=18&t=23> (дата обращения: 15.02.2014).

101 Постановление ВС РФ № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // Сайт по кадровому делопроизводству [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kadrovik.ru/docs/08/pvrsfot23.12.92n4202-1.htm> (дата обращения: 11.04.2014).

что в 1990-е годы выпускники вузов, чьи специальности перестали быть востребованными в связи с трансформацией экономики и социальной структуры, стали поступать в милицию. Для юношей это был способ не проходить службу в действующей армии и получить достаточно высокую должность с твердым окладом и многочисленными положенными ее обладателю социальными льготами. В 1996 году это постановление было после некоторого редактирования переутверждено, и данная норма существует в российской полиции до сих пор.

Итак, даже после провозглашенного перехода к рыночной экономике политическое руководство России сохранило ресурсный характер высшего образования. В отличие от западных рыночных стран, где высшее образование всего лишь квалификация, указывающая на обладание определенными знаниями и умениями, в «рыночной» России, как и в Российской империи и в СССР, высшее образование осталось государственной привилегией, которая открывает путь к определенным должностям на гражданской госслужбе, в органах МВД, на предприятиях и в учреждениях промышленной и социальной сферы и даже в сфере банковского бизнеса. Фактически эти документы — от единого квалификационного справочника должностей до указанных законов и постановлений — являлись и являются юридической базой для существования в постсоветской России сословия обладателей дипломов о высшем образовании. Это именно сословие, как характеризует его создатель теории сословности С. Г. Кордонский, поскольку этих людей объединяет получение от государства общей льготы, а также самоидентификация, построенная на противопоставлении людей с высшим образованием, людям, не имеющим высшего образования, а потому стоящим на одну ступеньку социальной иерархии ниже.

Хотя это сословие делится на подсословия (людей с дипломом о юридическом, экономическом, техническом и т. д. высшем образовании), принципиально важно тут наличие любого высшего образования, поскольку, например, при получении определенных должностей на госслужбе или в МВД специализация высшего образования большой роли не играет. *Вузы, таким образом, выступают как социальные механизмы воспроизводства данного сословия. Причем, поскольку выпускники вузов устраиваются на работу вне зависимости от специализации (дипломированные инженеры и учителя становятся лейтенантами милиции или теперь уже полиции), прямой связи между высшим образованием как квалификацией и как правовым статусом нет. В принципе, вузы могут заниматься раздачей чистого ресурса «высшее образование» без обеспечения его соответствующими знаниями, что*

часто фактически и происходит, особенно в провинции и в коммерческих вузах.

Далее, сохранились привилегии и для студентов, и самой значимой среди них стала отсрочка от призыва в вооруженные силы, которая привлекала и привлекает в число студентов множество юношей, которые в другой ситуации никогда не поступили бы на данную специальность и в данный вуз.

И, как уже говорилось, даже после либеральных реформ начала 1990-х годов российские вузы сохранили свой раздаточный характер. *Основой образовательного раздатка является государственная монополия на образование, государственный контроль содержания передаваемых в вузах знаний, плановая организация преподавания и учебы и, наконец, отсутствие академических свобод.* Все это осталось и в постсоветских вузах и, даже более того, было провозглашено в соответствующих законах. Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ)¹⁰² в п. 2 ст. 10 провозгласил: «Государственные высшие учебные заведения, находящиеся в ведении Российской Федерации, создаются, реорганизуются и ликвидируются Правительством Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе осуществлять управление высшими учебными заведениями, находящимися в ведении субъектов Российской Федерации...». Конституция РФ 1993 года в п. 5 ст. 43 установила Федеральные государственные образовательные стандарты¹⁰³. Тот же закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», казалось бы, провозгласил автономию вузов, гарантируя таким образом «самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке» (п. 1 ст. 3). Но при этом в следующем же пункте эта самостоятельность существенно ограничивалась: «Контроль за соответствием деятельности высшего учебного заведения целям, предусмотренным его уставом, осуществляют в пределах своей компетенции учредитель высшего учебного заведения и федеральный орган исполнительной власти, осуществ-

102 Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/885> (дата обращения: 11.04.2014).

103 Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 11.04.2014).

вляющий функции по контролю и надзору в сфере образования и выдавший лицензию на ведение образовательной деятельности». Закон гарантировал преподавателям и студентам академические свободы: «Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям». Однако при этом свобода преподавателей «излагать учебный предмет по своему усмотрению» ограничивается Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) и основной образовательной программой высшего профессионального образования (ООП), которая включает в себя учебный план, рабочие программы дисциплин и т. д. Причем по закону ФГОС должны разрабатываться и приниматься в порядке, утвержденном правительством (п. 3 ст. 5)¹⁰⁴, а разработку примерных ООП обеспечивает «Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования» (п. 6 ст. 5). Провозглашенная академическая свобода преподавателя, таким образом, была сведена законом к свободе маневрировать внутри программы, утвержденной министерством. Что же касается академической свободы студентов, то ее закон вообще сводил фактически к выбору факультета и специальности; о гумбольдтовской свободе выбирать предметы и преподавателей в законе даже речи не шло.

Кроме того, не претерпели изменения отношения между преподавателем и вузом. С точки зрения буквы либеральных реформ логично было бы перейти на договорную систему таких отношений. Действительно, такие договоры были внедрены в жизнь. Однако это была только имитация договорных отношений, потому что внутри вуза сохранилась та же система штатного расписания должностей и формальная привязанность преподавателей к данному вузу. Сохранились даже трудовые книжки советского образца, существующие и до сих пор (т. е. в 2013 году). Можно сказать более, раздаточный характер работы в вузе укрепился. В 1992 году, то есть одновременно с рыночными реформами в экономике, была принята единая тарифная

104 За исключением ФГОС для МГУ, СПбГУ и некоторых других вузов, которым закон предоставляет в этом плане самостоятельность.

сетка работников бюджетной сферы¹⁰⁵. Она разделяла всех работников бюджетной сферы (в том числе преподавателей и работников администрации вузов) на 18 разрядов. В зависимости от квалификации, стажа работы, должности каждому работнику присваивался определенный разряд и выплачивалось положенное для работников этого вуза жалование (оклад)¹⁰⁶. На втором году существования постсоветской России под разговоры о переходе страны на рыночные рельсы был принят документ, который довел до логического завершения принцип раздатка, лежавший в основе советской экономики. Зарплата преподавателя вуза устанавливалась не руководством вуза, которое его нанимало бы на определенных условиях, а централизованно, государственным органом (размер минимальной тарифной ставки (оклада) устанавливался правительством РФ) и зависела не от его личных качеств, а от его социального статуса (ученой степени, ученого звания, должности). Представители профессорско-преподавательского состава получали по 8–17 разряду, ректор — по 17–18.

С другой стороны, объем работ, который должен был выполнить преподаватель, зависел также от социального статуса и регулировался при помощи планирования педагогического процесса (учебный план и карточка поручений). Перед нами классический принцип раздатка, выраженный О. Э. Бессоновой при помощи формулы «от каждого по дати, каждому по чину»¹⁰⁷.

Итак, либеральные реформы в экономике и политике коснулись вузов лишь поверхностно. Высшее образование в России так и осталось привилегией или даруемым государством ресурсом, позволяющим повысить социальный статус, а не набором знаний и умений, которые продают на рынке труда. Вузы так и остались учреждениями, которые занимаются раздатком этого ресурса и работа и оплата в которых также строятся по принципу раздатка.

Как видим, либерализация 1990-х оказалась гораздо менее радикальной, чем, скажем, либерализация 1920-х. Уяснение причин этого

105 АВ 2009 г. Выпуск 7. Об оплате труда в сфере науки и образования // Официальный сайт Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/2/4571/15771> (дата обращения: 11.04.2014).

106 К нему полагались еще надбавки — за звание, должность, региональный коэффициент и т. д.

107 В 2008 году была введена новая система оплаты труда, по которой все представители ППС получают минимальный оклад, а его увеличение зависит от декана, в руках которого находился фонд материального стимулирования. Таким образом, раздаток просто был передан с высшего, правительственного уровня на уровень деканов факультетов, которые стали распределять зарплаты по своим предпочтениям.

требует отдельного исследования, но уже сейчас можно предположить, что все дело в поверхностности самой новой либеральной революции. У власти остались примерно те же люди и кланы, что были у власти или рядом с нею в позднем СССР, и, несмотря на радикализм в риторике, они, в силу элементарного инстинкта самосохранения, вынуждены были в реальной жизни ограничиться разрушением лишь в тех областях общественной жизни, где это было необходимо для их личного обогащения и удержания власти (прежде всего, в экономике). Попытки более глубоких реформ неизбежно привели бы к тому, что и их самих смели бы другие, более радикальные и агрессивные общественные деятели, в меньшей степени связанные с прежним режимом. Впрочем, в любом случае страна пришла бы в итоге к восстановлению классической для России ресурсной раздаточной модели, как это произошло в 1930-е, при Сталине, и происходит в 2000-е, при Путине.

3.3. МУТАЦИЯ ВУЗОВ МИНОБРНАУКИ В ПЕРИОД С 1991 ПО НАЧАЛО 2000-Х ГОДОВ. СУДЬБА ПЕДАГОГИЧЕСКИ-ТЕХНИЧЕСКОГО МУЛЬТИИНСТИТУТА

Но парадокс ситуации в том, что, сохранив за обладателями высшего образования определенные привилегии, заключающиеся в праве занимать определенные должности на госслужбе, в бюджетной сфере и даже в сфере бизнеса и получать при этом более высокую зарплату, государство своими действиями все 1990-е годы всячески демонстрировало, что ему безразлично, имеют ли эти обладатели дипломов о высшем образовании соответствующие профессиональные знания и умения и чем они будут заниматься после окончания вуза¹⁰⁸. Если раньше государство в лице министерства, ректора, профессорско-преподавательского состава стремилось строго следить за качеством подготовки абитуриентов, студентов, выпускников, а также научно-педагогических работников высшего образования¹⁰⁹ и за материальным

108 Имеются в виду прежде всего вузы, оставшиеся в ведении Минобрнауки, и в том числе классические университеты. Вузы, находящиеся в ведении других министерств и ведомств — МВД, ФСБ, Министерства иностранных дел, Президента и Правительства РФ (академии госслужбы) находились в совершенно ином положении. После недолгого периода кризиса государство стало вкладывать в них деньги, их выпускники могли рассчитывать на престижную работу.

109 Хотя и раньше в этом контроле были слабые места.

обеспечением образования, то теперь фактически, а не декларативно государство ослабило этот контроль и обеспечение.

Прежде всего, было сокращено финансирование высшего образования, снижены зарплаты преподавателей и стипендии студентов до символических сумм, отменены многие социальные льготы. Это уже само по себе было ударом по качеству подготовки специалистов. Перестали пополняться библиотеки вузов, обновляться оборудование лабораторий, преподаватели, вынужденные подрабатывать, не имели возможности полноценно готовиться к занятиям и работать со студентами, студенты, чьей стипендии не хватало на выживание, вынуждены были совмещать учебу с работой. Сократилось количество научных командировок и стажировок преподавателей, студентов и аспирантов.

В то же время министерство перестало следить за содержанием преподавания и предоставило полную свободу в этом отношении администрациям вузов и преподавателям, которые в данных условиях также не были заинтересованы в поддержании высокого уровня образования и соответствия его стандартам. Появилось множество спецкурсов («Конфликтология», «Имиджелогия», «Граждановедение», «Валеология»), которые не просто не были нужны студентам данной специальности, но и не отвечали зачастую требованиям научности. При этом количество часов по базовым дисциплинам соответственно сокращалось. Ректораты, УМО¹¹⁰ и деканаты в вузах фактически перестали контролировать проведение преподавателями занятий, что привело к массовым опозданиям, прогулам, самовольным сокращениям курсов и заменам (не редкостью стало объединение групп, неполная вычитка курсов, чтение курсов вместо профессоров их аспирантами и т. д.). Снизились требования к студентам на экзаменах и зачетах, преподаватели стали закрывать глаза на массовое списывание, недостаточный уровень подготовки студентов, практиковали более чем трехкратные пересдачи (тогда как по формальным требованиям после третьей неудачной пересдачи должно следовать отчисление студента). При этом принципиальные преподаватели испытывали прессинг со стороны администрации, которой было невыгодно отчисление студентов, особенно коммерческих, потому что это влекло за собой финансовые потери. Впрочем, и отчисление бюджетных студентов было болезненно для вуза: в связи с тем, что количество студентов было жестко привязано к количеству преподавателей (примерно 1 преподаватель на 17 студентов), значительные отчисления

110 Выполнявшие роль советских учебных отделов, но только получившие право корректировать универсальный учебный план.

студентов вели к необходимости сокращать ставки на кафедрах и факультетах. А с 2011 года было введено нормативно-подушевое финансирование вузов, суть которого в том, что финансирование вуза (в том числе зарплата преподавателей) зависит от количества студентов¹¹¹. У администрации появился еще один повод быть недовольным слишком требовательными преподавателями, подводящими под отчисление неуспевающих студентов-бюджетников. Испытывали принципиальные преподаватели и прессинг со стороны студентов, которые писали на них жалобы, обвиняя в необъективности. Наконец, они просто осложняли себе жизнь: вынуждены были принимать многочисленные пересдачи, за которые им никто не платил, ссориться со студентами и с руководством. При этом преподаватели, которые были согласны снизить требования к студентам и ставить положительные оценки на зачетах и экзаменах при отсутствии соответствующих знаний, просто за соблюдение немудреных «правил игры» (студент приходит на экзамен, внешне выражает преподавателю уважение, изображает подготовленность, списывает правильный ответ) оказывались в выигрыше. Они имели хорошую отчетность (высокий процент сдавших на «хорошо» и «отлично»), благодарности от руководства, хорошие отношения со студентами, которые не жаловались на них, не обращали внимания на низкий уровень преподавания, опоздания, срывы занятий. Кроме того, непривередливые преподаватели просто выигрывали массу свободного времени, которое можно было потратить, скажем, на подработки. Такую ситуацию К. Д. Титаев характеризует как «академический сговор»¹¹²; в 1990-е годы она получила массовое распространение в российских вузах. Началось все с коммерческих вузов, которых расплодилось в 1990-е огромное количество. Многие из них выдавали дипломы государственного образца, но при этом их преподаватели (как правило, пришедшие из госвузов на подработку) не предъявляли к студентам и к себе высоких требований, а студентами становились те абитуриенты, которые не набрали проходной балл даже на коммерческое отделение государственного вуза. Зачастую занятия там проводились в непригодных для учебы арендованных помещениях, например, в спортзалах школ; библиотек не было, занятия были сокращены и т. д. Обстановку в этих вузах прекрасно характеризует откровение

111 Ивойлова И. Большинство вузов перейдут на нормативно-подушевое финансирование // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/30/vuz-site.html> (дата обращения: 11.04.2014).

112 Титаев К. Д. Академический сговор // Отечественные записки. — 2012. — № 2(47) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (дата обращения: 11.04.2014).

преподавателя-психолога из Интернета: «Зачет следует принимать так: студенты (заочники) должны принести с собой рефераты, и можно их спрашивать по тексту реферата. Можно и не спрашивать, просто собрать у всех зачетки и проставить зачеты — никого из “начальства” не интересует, что ты с ними делаешь. Но можно, конечно, поспрашивать. Работа в таких коммерческих учебных заведениях, как ***, *развращает* (курсив автора. — Р. В.). Система работает контрпродуктивно: никак не на качество образования. Я могу усадить пятнадцать человек в аудиторию, собрать зачетки, проставить зачеты по курсу, который не читал, и через семь минут быть свободен. А могу их парить полтора часа, но зачем, если они по курсу не знают *ничего* — *и вполне можно и так* (курсив автора. — Р. В.)? Это всех абсолютно устраивает... Всеобщность академического бесчестия современной России. Все подрабатывают в таких вот институтах»¹¹³.

Понятно, что частные и государственные вузы были связаны как сообщающиеся сосуды, ведь и тут и там работали одни и те же преподаватели, и, развращенные обстановкой коммерческого вуза, они переносили его порядки и на основное место работы. В то же время и студенты госвуза, чьи одноклассники получали такой же диплом в коммерческом вузе, но с гораздо меньшими усилиями, ждали от преподавателей снижения требований. Так академический сговор проник в госвузы. А раз возникнув, он, по наблюдению Титаева, начинает стойко самовоспроизводиться: администрации вузов и факультетов избавляются от принципиальных высококвалифицированных преподавателей, студенческие группы бойкотируют студентов, которые хотели бы пожаловаться на низкую квалификацию преподавателей, практикующих «академический сговор». В сущности, всех устраивают невежественные преподаватели «новой генерации», защитившиеся на умножившихся диссертациях с низкокачественными диссертациями: они много в плане знания предмета от студентов не требуют, потому что мало что способны им дать. Точно так же всех устраивают студенты, которые желают не учиться, а лишь имитировать учебу, но зато не имеют претензий к непривередливым преподавателям.

Далее, государство отказалось от распределения специалистов, что также было симптоматично. Распределяя молодого специалиста,

113 Четвериков А. А. Господь на своем суде ВАКовский список учитывать не будет // Когнитивная психология и эмоции [Электронный ресурс]. URL: <http://chetvericov.ru/rodnaya-nauka/gospod-na-svoem-sude-vakovskij-spisok-uchityvat-ne-budet/#.UрNXaPrOAVc> (дата обращения: 11.04.2014).

государство тем самым гарантировало ему трудоустройство как минимум на три года и предоставляло различные льготы, чтобы помочь ему устроиться на новом месте и побудить остаться его там и после истечения этого срока. Государство, таким образом, признавало, что ему нужны специалисты данного профиля в данном месте и на данном предприятии (в учреждении). Отмена распределения означала, что государство не нуждается в таких специалистах.

Все это объяснялось просто: *государству оказалось не нужно такое количество специалистов, которых готовили вузы*. Это касалось, например, технических вузов, готовивших специалистов для оборонной промышленности. Постсоветская Россия отказалась от гонки вооружений с Западом и даже от имперских амбиций и усиленно занималась сокращением своего военного потенциала. То же самое касалось и технических вузов, которые готовили специалистов для тех отраслей промышленности, которые фактически исчезли после открытия наших границ для импорта с Запада и Востока (пример, текстильная промышленность). Наконец, это относилось и к университетам (педагогически-техническим мультиинститутам), которые готовили инженеров, учителей, преподавателей техникумов и вузов, научных сотрудников (на первый взгляд, государству были нужны выпускники юрфаков и экономфаков, но это тоже не так, им просто давали дипломы, но распределением их государство не занималось).

Однако в то же время государство продемонстрировало и другое свое намерение — что оно не собирается уничтожать вузы и дает им возможность выживать собственными силами. Это выразилось, прежде всего, в разрешении коммерческих наборов и открытия новых специальностей под них. При этом представители министерства и правительства не могли не понимать: это означает, что в вузы попадут заведомо профнепригодные выпускники школ. Те абитуриенты, которые сдавали экзамены на низкий балл и в былые времена просто не поступили бы в вуз, теперь отдавали документы на коммерческое, платное отделение и с тем же баллом поступали. Практически коммерческие наборы стали легализацией взятки при поступлении, только теперь абитуриент платил за то, чтоб его приняли, закрыв глаза на его слабую подготовку, не отдельным коррупционерам из приемной комиссии, а официально, в кассу вуза.

Наконец, государство по закону «Об образовании» от 1992 года (ст. 47) предоставляло вузам и другие возможности выживания, например, путем сдачи в аренду своих площадей, торговли внутри вуза покупными товарами и оборудованием, оказанием посреднических услуг, приобретения акций, ценных бумаг, ведением приносящих до-

ход работ¹¹⁴. Не забудем о том, что государство еще и сохранило финансирование (пусть и минимальное) и привилегии обладателям высшего образования.

Итак, *государству в 1990-е годы оказались не нужны высококвалифицированные узкоспециализированные профессионалы, которых готовили большинство постсоветских вузов, чьи наборы специальностей были подогнаны под уже уничтоженную советскую экономику. Эта сдача не интересовала государство, поэтому оно перестало осуществлять или свело к минимуму соответствующие раздачи. Однако раздачу ресурса «высшее образование» в чистом виде, то есть без привязки к соответствующим знаниям, государство сохранило, оставив минимальную поддержку вузов. Это, конечно, был симулякр высшего образования, но он давал определенные привилегии для жизни в обществе.* Более того, получить его было гораздо проще, чем получить настоящее высшее образование, потому что это не требовало усиленного учебного труда студентов и педагогического труда преподавателей (и не требовало больших расходов от государства).

Возникает вопрос: почему государство в 1990-е годы демонстрировало столь противоречивые установки? Вряд ли оно опасалось гнева преподавателей вузов, которые за все эти годы не устроили ни одной забастовки (в отличие от сотрудников вузов на Западе и от представителей других социальных групп постсоветской России). Так в чем же дело?

3.4. СДАЧИ МУТИРОВАВШЕГО ПОСТСОВЕТСКОГО ВУЗА (УНИВЕРСИТЕТА)

Согласно законам раздатка это может означать только одно: *государство ожидало от тех, кто получал данную раздачу, определенной сдачи.* В чем же она состояла? Прежде всего, на наш взгляд, в лояльности.

У нас и в среде либералов, и в среде патриотов сложился взгляд на преобразования общества в 1990-е годы как на насильственную акцию, которая проводилась вопреки желанию большинства российского общества (тем более что внешне все так и выглядело: все 1990-е годы на площадях митинговали десятки тысяч пенсионеров, шахтеров, учителя-

114 Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/edu/43_4.html#p1669 (дата обращения: 12.04.2014), подробнее см.: Семеусов В. Предпринимательская деятельность в вузе // Сейчас.ру: бизнес и власть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/6607> (дата обращения: 12.04.2014).

лей и т. п., требуя отставки Ельцина и его команды и обвиняя их в антинародной политике). Но еще Н. Макиавелли открыл политологический «закон кентавра», суть которого в том, что нельзя проводить масштабные изменения общества, опираясь только на насилие. Они возможны, лишь если общество, пусть и в неявной, скрытой форме, согласно на них (при этом представители общества на словах могут и протестовать, главное, чтоб эти словесные протесты не обернулись протестами реальными). Это полностью распространяется и на население бывшей РСФСР. Фактически, а не декларативно оно поддержало либерал-реформаторов и, скажем, не вышло на улицы защищать СССР, поскольку эти либерал-реформаторы кое-что ему дали (хотя сделка народа с ними так и осталась негласной и про нее предпочитают не говорить и даже не думать). Яркий пример такого «подкупа народа» — приватизация жилплощади. Большинство городских жителей СССР жили в социальном жилье. Они пользовались государственной жилплощадью на правах пожизненной бесплатной аренды (платили они не за жилье, а только за коммунальные услуги)¹¹⁵. В 1950—1960-е годы советское государство сделало шаг в сторону превращения социального жилья в личное: разрешило передавать квартиры по наследству, если в них прописаны наследники, и позволило их обменивать (сначала на безденежной основе, а потом и с доплатой). Но квартиры все равно оставались в собственности государства, а это означало, что государство может взять и распорядиться своей собственностью, как ему выгодно: например, лишит квартиры, если человек перестал работать в ведомстве, которое ему ее выдало, или «уплотнить», то есть подселить в квартиру еще кого-либо, если того требовали обстоятельства. Потаенной, хотя почти и не выражаемой вслух мечтой среднего советского обывателя было получение всех прав на квартиру, которую он имел, то есть превращение ее в его частную собственность. И эту мечту сделал явью ... Президент РФ Б. Н. Ельцин. 4 июля 1991 года, то есть за полгода до падения СССР, он подписал закон № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Термин «приватизация» в нем был скорее данью тогдашней моде. Приватизация предполагает продажу государственного имущества на рынке. Если бы жилищный фонд РСФСР действительно был приватизирован, то квартиры достались бы только тем, кто был способен их купить. Закон же фактически *дарил* государственное социальное жилье тем, кто был в нем прописан, то есть официальным пользователям. Граждане РФ *бесплатно* получали в частную собственность квартиры, в которых

115 Исключение составляли те, кто жили в кооперативных квартирах и в «частном секторе», то есть в одноэтажных домах собственной постройки «без удобств».

они жили (в отличие от жителей бывших социалистических стран Восточной Европы, где жилье продавалось, пусть и по символической цене, гораздо ниже рыночной, а часть жилищного фонда вообще возвращалась дореволюционным владельцам). Статья 1 закона РФ гласила: «Приватизация жилых помещений — бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, — по месту бронирования жилых помещений»¹¹⁶.

Граждане теперь могли делать с квартирами что угодно: продать, сдать в аренду, завещать, подарить и т. д. Их никто не имел права лишить квартиры на основании того, что они фактически там не живут, утратили прописку, уволились с предприятия. К ним никто никого не мог подселить, мотивируя это тем, что у них избыточная жилая площадь. Естественно, эти люди объективно были заинтересованы в том, чтоб старая власть не вернулась (хотя субъективно они могли говорить или даже думать что угодно).

То же самое касается и высшего образования. В СССР высшее образование получали от 10% выпускников школ в 1950-е до 30% — в 1980-е годы¹¹⁷. Остальные шли в вечерние школы рабочей молодежи, ПТУ, техникумы и занимали место в средней и низшей стратах советского общества. Доступ в элиту (технократическую, интеллигентскую, административную, партийную) был открыт лишь обладателям высшего образования. Поэтому, несмотря на утверждения советской пропаганды о почетности труда рабочих, практически каждый родитель в СССР мечтал о том, что его чадо поступит в вуз. И совершенно очевидно, что, сохранись СССР после 1991 года, мечты более половины таких родителей никогда бы не воплотились в жизнь. В СССР в вуз поступить было трудно, особенно тем, кто не принадлежал к элите, то есть не был выходцем из семей партноменклатурщиков, госслужащих, технической и гуманитарной интеллигенции или не имел соответствующей подготовки. В постсоветскую эпоху с введением коммерческих наборов, на которые, особенно в провинции, требовалось не так уж много денег, с расширением вузов за счет филиалов и с увеличением количества вузов, со снижением требований к абитуриентам и сту-

116 Федеральный закон «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136603> (дата обращения: 12.04.2014).

117 Что соответствует европейскому и североамериканскому стандарту.

дентам, особенно в многочисленных коммерческих вузах, куда зачастую поступали лишь на основе собеседования, ситуация изменилась. *Высшее образование теперь могли получить практически все, кто желал.* К первой половине 2000-х было охвачено высшим образованием от 80 до 90% бывших выпускников школ. Более того, лица старшего возраста, не получившие образование в свое время, делали это теперь, а те, кто уже имел высшее образование, получали второе (преимущественно экономическое или юридическое).

Понятно, почему в этом были заинтересованы граждане. Но почему в этом было заинтересовано государство, ведь большинство специалистов, производимых вузами, ему было не нужно, и оно это недвусмысленно показывало? *А государство заключало с гражданами своеобразную негласную сделку: оно обеспечит им получение высшего образования без особых усилий, они не будут становиться на сторону радикальных противников данного политического режима. Очевидно, речь идет о лояльности уже после получения диплома.*

Вторая сдача (социальная функция) постсоветских вузов, связанная с первой, состояла в обеспечении политической лояльности молодежи во время учебы в вузе. Все 1990-е годы власть либерал-реформаторов в России была крайне неустойчивой. Они всерьез опасались коммунистического реванша, и угроза эта была вполне реальной и даже увеличивалась по мере того, как реформы болезненно ударили по широким массам населения. В этих условиях присоединение к оппозиции «сердитой» радикальной молодежи могло существенно приблизить оппозицию к победе. Поэтому государство было заинтересовано и в том, чтобы эта активная в силу самого своего возраста молодежь оказалась в стенах вузов, где была запрещена деятельность партий, и прежде всего оппозиционных (провластные партии и в особенности их молодежные отделения продолжали действовать, несмотря на запрет), и где администрация имела множество рычагов для того, чтобы отвлечь слишком беспокойных студентов от политической деятельности в рядах оппозиции, а «студенческая жизнь» с ее спецификой (КВН, турпоходы, самодеятельность и т. д.) отвлекала от политики.

Третья, очень важная сдача постсоветских вузов сводилась и сводится к социальной изоляции молодых людей. На это обратил внимание С. Г. Кордонский: «Школы и вузы постепенно становятся закрытыми ... организациями, где на входах стоят охранники, на окнах первых этажей — решетки. Созданы системы учета и оперативного наблюдения за теми, кто отнесен к группам риска... Постепенно функция социальной изоляции начинает доминировать над образователь-

ной и социализационной функциями ...»¹¹⁸. Действительно, вуз теперь превращается в место, куда родители отдают молодого человека за определенную плату на 4-5 лет, с тем чтобы он не болтался на улицах, не связался с дурной компанией, не стал алкоголиком, наркоманом, преступником. В вузах возникает пропускная система: войти и выйти можно только по индивидуальным магнитным карточкам, преподаватели следят за посещаемостью занятий, кураторы собирают подробную информацию о студентах и их родителях, вплоть до адресов и телефонов, и сигнализируют родителям в случае пропусков, дисциплинарных нарушений и т. д. Доминанта функции социальной изоляции также влечет за собой снижение требований на экзаменах и зачетах и, значит, снижение качества образования: родители, оплатив социальную изоляцию своего чада, должны быть уверены, что она продлится полный срок, и их не устраивает, что чадо будет выброшено на улицу только за то, что не понимает высшей математики. Собственно, о полноценном образовании в этом случае и речи не идет: вуз может быть либо учебным заведением, либо учреждением, занимающимся социальной изоляцией.

Желание родителей совпадает с интересами государства. 1990-е годы — это время «дикого капитализма», когда в России получила широчайшее распространение преступность. Она стала серьезной угрозой для государства, в определенных регионах страны преступные группировки начали подменять собой и подминать под себя органы государственной власти. Расширение поступления в вузы и система изоляции во время учебы в них были направлены на то, чтобы оградить широкие круги молодежи от влияния криминального сообщества. Поэтому государство и было заинтересовано, чтоб в вузы принимали как можно большее количество молодых людей, и чтоб их ни в коем случае не отчисляли за неуспеваемость.

Наконец, поскольку выпускники вузов, независимо от полученной специальности, в 1990-е охотно шли служить в милицию, вузы и таким образом вносили свой вклад в борьбу с преступностью.

Далее речь пойдет о сдаче, которой государство не ожидало от вузов, но которую все равно получило в силу того, что наши вузы были так устроены, что перерабатывали человеческий материал именно таким образом. Имеется в виду воспитание типичных представителей сословного общества с соответствующей психологией и каче-

118 Кордонский С. Г. Социальные функции образования // Отечественные записки. — 2012. — № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/socialnyefunkcii-obrazovaniya> (дата обращения: 12.04.2014).

ствами (почитание начальства, дисциплинированность, сословная солидарность и т. д.). Пребывание в одной студенческой группе в течение нескольких лет приучает молодого человека к коллективизму, умению подчиняться воле большинства, учит ладить с самыми разными людьми (в западных вузах, напротив, нет долговременных групп, студент постоянно меняет группу, что соответствует поведению инициативного индивидуалиста, постоянно меняющего место жительства и работы). С другой стороны, общение с преподавателями воспитывает чувство иерархии и послушание. Отношения студентов с преподавателями и в постсоветском вузе носят авторитарный характер (в отличие от западного вуза, где эти отношения партнерские). Преподаватель располагает множеством средств, чтоб выдрессировать непокорного или, что то же самое, не понравившегося ему студента. Он может выгнать его с занятия за нарушение дисциплины, а затем заставить «отработать» пропуск, и без унижительной отработки он не будет допускать студента до экзамена. Он может «завалить» его на экзамене или зачете, задав неожиданный или не предусмотренный программой вопрос. Он может просто выгнать его с экзамена, обвинив в списывании, причем доказывать обвинения не обязательно (экзамены и зачеты сдаются в России в форме личной беседы, часто с глазу на глаз, когда вся остальная группа находится в коридоре, в отличие от Запада, где личный контакт преподавателя и студента сведен к минимуму, экзамены сдаются в письменной форме и ответ студента всегда можно посмотреть и перепроверить). Никто не знает, что отвечал студент, в случае конфликта созданная комиссия, скорее всего, встанет на сторону преподавателя (хотя бывают исключения, особенно если студент имеет поддержку в лице влиятельных родственников или друзей родителей в среде университетской администрации). Короче говоря, в руках преподавателя судьба студента: преподаватель может сделать так, чтоб студента отчислили (хотя, как мы говорили, он не может злоупотреблять этим правом), лишили стипендии и т. д. Студенту ничего не остается, как подчиниться, это его и официальная, и неофициальная обязанность, и большинство так и делает. Студент начинает выполнять все требования преподавателя, тем более что они немудреные. Нужно лишь выражать всяческое внешнее почтение преподавателю, независимо от того, как к нему относиться в действительности, уметь в меру льстить — например, посмеяться его несмешным шуткам. Важно также посещать занятия (или отпрашиваться в случае невозможности посетить), вести себя на занятиях тихо, изображая покорность и прилежание, не возражать, даже если преподаватель кричит на студента и оскорбляет в более

или менее «культурной» форме (в случае грубых оскорблений на него есть управа — жалоба вышестоящим руководителям, администрации вуза). Наконец, нужно приходить на экзамены, делать вид, что готовился к экзамену, не афишировать, что списал ответ, чтоб дать возможность преподавателю поставить положительную оценку, «сохранив лицо».

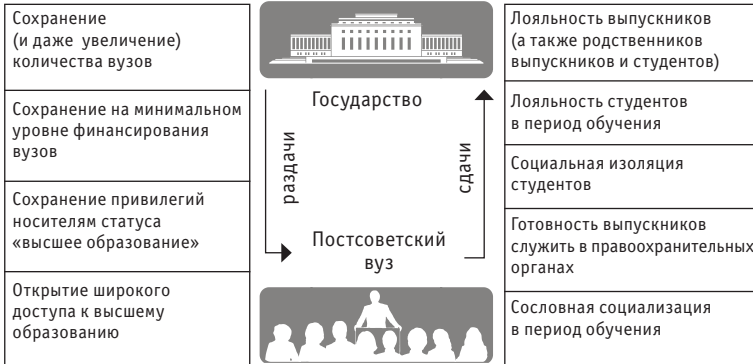
В итоге студент вырабатывает умение, которое пригодится ему в его дальнейшей профессиональной деятельности, в каком бы учреждении сословного общества он ни работал. Речь об умении ладить с самыми разными начальниками. За годы учебы студент встречается с большинством из возможных типов начальников, воплотившихся в преподавателях: «добрыми», «злыми», «падкими на лесть», «женолюбивыми», «корыстными» и т. д. К каждому студент (студентка) должен (должна) подобрать свой «ключик», и тогда он (она) сдал (сдала) самый настоящий, хотя и неофициальный экзамен на умение выживать в сословном огосударственном иерархизированном российском обществе.

Итак, на протяжении всех 1990-х годов вузы в РФ воспроизводили типаж людей, живущих в сословном обществе, умеющих с должным пиететом относиться к представителям высших сословий и имеющих внутрисословную солидарность. *Высшие учебные заведения, которые по замыслу своему должны были выполнять задачу модернизации молодого поколения, на самом деле выполняли задачу демодернизации.* Они создали социальные фильтры, которые не позволяли повысить социальный статус людям именно с модернистским типом поведения — самостоятельным, социально активным атомизированным личностям, полагающимся на себя, а не на патернализм государства и сословную солидарность. Такие личности либо выбраковывались, либо ломались и переделывались в коллективистов, живущих в согласии с общественным мнением и волей начальства.

Поскольку же охват населения высшим образованием в РФ в 1990-е ширился и ширился, в итоге страна и получила критическую массу людей с сословной психологией, каковая масса и станет социальной базой авторитарного («путинского») поворота 2000-х.

Изобразим сдачи и раздачи постсоветского мутировавшего вуза в виде схемы 14.

Схема 14. Сдачи и раздачи постсоветского мутировавшего вуза

Мы говорили, что в Российской империи и СССР университеты не прижились и превратились в мультиинституты, готовящие молодых людей к госслужбе. В постсоветской России мутация продолжилась и университеты, равно как и многие другие вузы, особенно в провинции¹¹⁹, превратились в вузы лишь по названию. *По сути это были уже не образовательные, а воспитательно-пенитенциарные заведения, их принципиальных отличий от тюрем было лишь три:*

— в вуз молодой человек попадает не за преступление, а за возможность антиобщественной деятельности. Здесь действует презумпция виновности, и обоснование ее — сама молодость студентов, которая в глазах родителей и педагогов есть синоним глупости, безответственности, неосторожности;

— в самом вузе относительно мягкий режим содержания (предполагающий, например, возможность уходить вечером домой, относительно свободную форму одежды), сочетающийся с имитацией образования, в ходе которой все равно передаются отдельные общекультурные навыки;

— после выхода из вуза происходит не понижение, а повышение словесного статуса.

Именно такие мутировавшие вузы, которые реализовывали парадигму «образования без образования», были государству нужны — для сохранения политической стабильности в стране и для уменьшения уровня преступности.

119 Мы не берем в расчет ограниченное количество столичных вузов, которые сохраняют образовательные и даже научно-исследовательские функции. Кроме того, и в провинции некоторые факультеты некоторых вузов могут давать приличное образование, но все же общая тенденция иная.

3.5. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ РАЗДАЧИ ВУЗОВСКИМ РАБОТНИКАМ

Мы рассмотрели государственные раздачи ресурса «высшего образования», предназначенные для всего общества. Однако негласно в 1990-е годы государство занялось раздачей ресурсов и для вузовского сообщества (аспирантов, преподавателей, работников вузовских администраций). Без таких раздач невозможно было удержать педагогических и административных работников в вузах; за те мизерные зарплаты, которые они получали, мало кто был согласен работать, и начался отток кадров из вузов. Между тем, как мы показали выше, вузы государству были нужны.

Раздавались, по сути дела, три ресурса:

- 1) возможность повысить свой материальный уровень за счет подработок;
- 2) возможность защитить диссертацию и сделать карьеру;
- 3) возможность желающим преподавателям безнаказанно собирать сословную ренту.

Рассмотрим их последовательно.

Возможность повысить свой материальный уровень за счет подработок. Подработки разделялись на законные («белые») и незаконные («серые»). К законным относилось, прежде всего, *педагогическое отходничество*. Так мы называем неограниченную работу по совместительству для представителей профессорско-преподавательского состава. В Советском Союзе преподаватели были прикреплены к своим вузам, факультетам и кафедрам. Существовали штатные расписания вузов, и каждый преподаватель мог работать на полную ставку лишь в одном вузе, который становился его «постоянным местом работы» (именно там хранилась его трудовая книжка — документ, в котором была отражена его официальная трудовая биография). В других вузах он имел право лишь работать по совместительству — не более чем на полставки или на основе почасовой оплаты. Это существенно ограничивало преподавателей в возможностях повысить свое материальное положение при помощи труда по специальности (поскольку преподаватели работали неполный рабочий день, физически они вполне могли подрабатывать в других вузах и на полную ставку, но юридически это было запрещено). Впрочем, в советские времена преподаватели вузов, да еще и имеющие ученую степень, составляли одну из высокооплачиваемых страт неноменклатурного населения и в подработках зачастую не нуждались. Однако после 1991 года все изменилось. Зарплаты преподавателей скукожились до символических размеров, а

цены выросли даже не в десятки, а в сотни раз. Прожить на эти зарплаты стало совершенно невозможно. Те из преподавателей, кто не смог или не захотел уехать за границу или уйти в другие, более выгодные в денежном отношении сферы общественной жизни и кто в то же время не имел высокой должности в администрации и не участвовал в финансовых махинациях в вузовском хозяйстве, могли содержать себя только работой по совместительству. Тем более что возможность такая была: открылось множество новых вузов, в том числе коммерческих, и в уже имевшихся количество студентов увеличилось в несколько раз за счет коммерческих наборов. Формально прикрепление преподавателей к своим кафедрам и вузам никто не отменял, фактически большую часть рабочего времени преподаватели стали отдавать подработкам «на стороне». Не редкостью стала ситуация, когда преподаватель работал одновременно в двух, трех, иногда четырех вузах, читая там лекции или проводя семинары на полставки, на основе почасовой оплаты или работая везде как штатный сотрудник. В таком случае ему нужно было заиметь две (и более) трудовых книжки, это уже было нарушением трудового законодательства, но не очень серьезным. Несмотря на то, что это отрицательно отражалось на уровне работы преподавателя (трудясь одновременно в нескольких вузах, невозможно было готовиться к занятиям и тем более заниматься наукой, научная деятельность превращалась в формальность, да и преподавание зачастую тоже), администрацию это особо не беспокоило: большинство вузов, особенно провинциальных, в 1990-е и так перестали давать полноценное образование.

Условием для многочисленных подработок стало ослабление контроля над трудовой деятельностью на основном месте работы. Если в советские времена контролировалось посещение занятий, проведение их в точном соответствии с расписанием, соответствие содержания преподавания учебной программе, то в 1990-е все эти формы контроля постепенно сошли на нет. Требовать всего этого всерьез от преподавателей администрация не решалась, и так желающих работать в вузе за столь низкую зарплату было немного (в аспирантуру практически никто не шел, многие преподаватели среднего возраста бросили вузы и ушли в сферу бизнеса). Трудовая дисциплина упала. Преподаватели опаздывали на занятия, отпускали студентов раньше (проводя, к примеру, вместо 90 минут 60 или 70). Участились срывы занятий. Поскольку кое-где УМО и деканаты перестали следить, сколько часов вычитано тем или иным преподавателем, то вместо положенного по учебному плану количества часов преподаватели вычитывали гораздо меньше, освободившееся время посвящая подработкам. Интервьюи-

рование выявило случаи¹²⁰, когда преподаватель приходил к студентам в сентябре, говорил, что он поставит всей группе зачет в декабре, не проведя ни одного занятия, при условии если студенты сохранят в тайне от деканата то, что занятия не проводились. Думается, это все же единичные случаи, но очень показательные, они раскрывают общую тенденцию.

К незаконным «серым» подработкам относились репетиторство (с доходов от которого налоги не платились) и писание за деньги диссертаций, курсовых и дипломных работ, рефератов, контрольных работ и т. д.

Репетиторство было полулегальным промыслом преподавателей и в советские времена, но в годы постсоветского экономического кризиса получило широкое распространение. Преподаватели, прежде всего, готовили школьников к вступительным экзаменам в вуз (которые до введения ЕГЭ сдавались в самом вузе). Клиентов находили, как правило, через знакомых, хороших репетиторов рекомендовали друзьям и родственникам. Речь идет исключительно о «честном репетиторстве» (не с юридической, а с моральной точки зрения), то есть о действительном труде по подготовке школьника. Мы оставляем в стороне случаи, когда за репетиторством скрывали взятку, даваемую членам приемной комиссии (это очень легко отличить от настоящего репетиторства: в первом случае ставка была непропорционально высокой, а услуги осуществлялись символические, при этом репетитор гарантировал поступление). Ставки при репетиторстве зависели от нескольких факторов: есть ли у репетитора ученая степень и какая, работает ли он в том же вузе, куда поступает ученик, или в другом, какую дисциплину он преподает (например, за иностранные языки брали гораздо больше, чем за обществоведение), приезжает ли репетитор к ученику домой или тот вынужден сам приезжать к репетитору домой или на работу.

Разумеется, государственные органы знали об этом промысле преподавателей, но фактически перестали за него преследовать, таким образом, преподаватели безнаказанно могли заниматься этим.

Писание за деньги диссертаций, курсовых, рефератов, докладов, решение задач и т. д. получили меньшее распространение. Только единицы сделали это своим основным промыслом, зато материально он обеспечивал гораздо лучше и надежнее, чем репетиторство или педагогическое отходничество. Меньшая популярность этого промысла была связана с тем, что это ударяло по репутации преподавателя. Преподаватель, который работал в двух-трех вузах и/или занимался ре-

120 По крайней мере, три в вузах г. Уфы.

петиторством, воспринимался как «свой», «нормальный», «честный», а вот преподаватель, который писал за деньги диссертации и тем более курсовые или рефераты, — как нарушитель негласных правил профессиональной этики (ведь вследствие его деятельности в профессиональное сообщество попадали откровенно случайные и жуликоватые личности или могли продолжать учебу нерадивые студенты, к тому же тут студент выступал как клиент, который платит деньги и, значит, стоит выше преподавателя, то есть подрывался и педагогический авторитет).

Указанные преподаватели делились на два вида: во-первых, те, кто писали лишь тексты диссертаций, статей и т. д.; покупатель затем сам должен был обеспечить «прохождение» этих тестов через диссовет и ВАК РФ. Это были, как правило, молодые кандидаты наук, аспиранты, иногда даже и студенты, создававшие для этого целые бригады. Они же писали и курсовые, рефераты, доклады. Их доходы были не так уж и велики. Во-вторых, те, кто писал диссертации «под ключ», обеспечивая предзащиту, защиту, прохождение через ВАК РФ. Это были профессора, обладающие связями, бывшие членами диссоветов, в пределе — экспертами ВАК РФ. Они занимались только диссертациями и брали на порядок выше.

Бизнес по продаже диссертаций и ученых степеней (не говоря уже о курсовых и рефератах) существовал (и существует) почти легально. Государство сознательно закрывало на него глаза (вплоть до 2010-х годов, когда начались показательные обвинения и процессы, связанные с этим промыслом («дело историков МГПУ», «дело Шамхалова»). Снисходительное отношение к этому разрушительному для научного сообщества явлению — ресурс, который государство негласно даровало научно-педагогическим работникам, дабы они могли материально обеспечивать себя, не покидая сферу своей профессиональной деятельности.

Возможность защитить диссертацию и сделать карьеру. В советские времена защитить кандидатскую и тем более докторскую диссертацию было чрезвычайно трудно. Государство в лице ВАК СССР и министерства высшего и среднего специального образования следило за уровнем научных работников, получающих ученые степени и звания. Разумеется, контроль был не идеальным, случаи покупки диссертаций и ученых званий были и в СССР, особенно в позднем, «застойном». Кроме того, защититься по ряду специальностей, прежде всего идеологических (философия, история партии, научный коммунизм), было гораздо легче, чем, скажем, по физике. Так в научное сообщество попадали случайные люди. Однако все равно получить ученую степень

в СССР было нелегко. Советы по защитах диссертаций имелись лишь в крупных вузах или институтах академии наук, требования к диссертациям предъявлялись высокие. Количество лиц с ученой степенью соответственно было относительно невелико. В 1975 году во всем Советском Союзе было 32,3 тысячи докторов наук и 326,8 кандидатов наук¹²¹ (укажем для сравнения, что по результатам Всероссийской переписи 2010 года в России, то есть лишь в одной из 15 бывших республик СССР, насчитывается 124 тысячи докторов наук и 596 тысяч кандидатов наук¹²²).

Одной из главных причин такого контроля над диссоветами со стороны государства было не только желание получать высококвалифицированных специалистов, но и невозможность раздавать столь дорогой ресурс слишком большому количеству людей. Научные работники с ученой степенью в СССР принадлежали к слою общества, которому от государства полагались многочисленные привилегии: от высоких зарплат и свободного графика работы до права на лучшее жилье и выезд за границу.

Ситуация изменилась в 1990-х годах. Большинство льгот, положенных докторам и кандидатам наук, кануло в Лету, зарплата преподавателей даже с учеными степенями, как уже говорилось, скукожилась до символической. Началось бегство из профессии, которое могло закончиться закрытием значительного количества вузов. Между тем они выполняли важные для государства описанные выше социальные функции. И тогда государство в лице ВАК РФ и профильного министерства фактически перестало контролировать процесс раздачи ученых степеней и званий. Резко увеличилось количество диссертационных советов и снизилось качество диссертаций, которые на них защищались. Как уже говорилось, пышно расцвел бизнес по написанию диссертаций, взяточничество в самих диссоветах и в более высоких контролирующих структурах, причем все это было практически ненаказуемым (фирмы, занимающиеся написанием диссертаций за деньги, существовали и существуют вполне легально и публикуют свои объявления в открытых СМИ). Понятно, резко выросло количество «остепененных» преподавателей вузов. Причем, если количество кандидатов наук, как мы уже указывали, в период с 1975 по 2010 годы увеличилось прибли-

121 Гвишиани Д. М. СССР. Наука // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/СССР.%20Наука/> (дата обращения: 13.04.2014).

122 Вот какие мы — россияне // Российская газета. — 2011. — 22 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения: 15.12.2013).

зительно в 1,5 раза (правда, цифра 1975 года — это общее количество не по РСФСР, а по СССР), то число докторов — почти в 4 раза. Это говорит о том, что если раньше редко какой кандидат наук становился доктором, то теперь это происходит с большинством кандидатов наук.

С одной стороны, таким образом удовлетворялось честолюбие преподавателей. Звание профессора и степень доктора наук еще долгое время после падения СССР продолжали рассматриваться как высокий социальный статус, несмотря на небольшую материальную обеспеченность его обладателей. Но дело не только в моральном удовлетворении. Это позволяло занять более выгодную позицию в самом вузе. Доктор наук получал определенную прибавку к жалованью, в то же время учебная нагрузка, которую он обязан был ежегодно выполнять, уменьшалась. За большие деньги он мог теперь меньше работать. Причем это уменьшение трудовых затрат было не только количественным (меньше на 100—300 часов, чем у кандидата наук и тем более у преподавателя без степени), но и качественным (доктор наук получал право на прикрепление к нему аспирантов, за которых полагается немало часов, однако проведение этих часов не контролируется, в реальности часто это «пустые», не обеспеченные никаким трудом часы, профессор может записывать себе по 50 часов за аспиранта). Итак, преподаватель, защитивший докторскую и находящийся в хороших отношениях с завкафедрой, который распределяет нагрузку, может теперь фактически вычитывать 3-4 пары в неделю, а все остальное покрывать «пустыми часами» (поскольку его работа с аспирантами зачастую — формальность). Это не говоря уже о том, что у него есть возможность заставить проводить за себя семинарские занятия тех же аспирантов, например, в рамках обязательной для них педагогической практики (в среднем она составляет 100 часов, профессор, имеющий 5 аспирантов, «закрывает» таким образом 500 часов при годовой нагрузке около 600 часов), что еще больше освобождает его от аудиторной нагрузки и оставляет возможность для подработки на стороне, где его труд также оплачивается выше, чем труд совместителя — кандидата наук и уж тем более преподавателя без степени.

Наконец, докторская степень открывает возможность делать внутривузовскую карьеру. Для получения должности заведующего кафедрой, декана, проректора наличие докторской степени является в России желательным, а уж для получения должности ректора — обязательным, что отражено в уставах вузов. Безусловно, обладатель такой должности может рассчитывать на гораздо более высокое материальное благосостояние, чем рядовой преподаватель вуза. Правда, официальная зарплата завкафедрой или даже декана немногим выше зарплат

обычных преподавателей (во всяком случае, так было до перехода на новую систему оплаты труда (НСОТ), после которого деканы и ректора получили легальную возможность выписывать себе надбавки, превышающие их оклады в 2 и более раз, так как они включали себя в число «наиболее эффективных» преподавателей факультета или вуза¹²³), но зато они получают право на снижение ежегодной нагрузки. Кроме того, распределяя нагрузку среди преподавателей кафедры или факультета, редко какой заведующий или декан не воспользуется возможностью составить себе наилучшую нагрузку, где аудиторных часов — минимум, а «пустых» — максимум. В распоряжении декана находится премиальный фонд, что позволяет ему регулярно выделять себе и преподавателям своей команды премии и материальные поощрения.

Начиная с должности декана, вузовские начальники получают и массу других привилегий. Это право на личный кабинет, секретаря, пользование служебным транспортом. Появляется возможность обставить кабинет мебелью, закупить для него электронную технику — все за счет вуза.

Наконец, завкафедрами, деканы, проректоры, не говоря уже о ректоре, распоряжаются финансами из бюджета университета, которые выделяются на приобретение техники (в том числе дорогостоящей — компьютеров, интерактивных досок и т. п.), бумаги, книг, на проведение ремонтов и т. д. Здесь уже все зависит от умения обладателя должности так распорядиться бюджетными средствами, чтобы и отчитаться хорошо, и прибыль в личный карман положить. Как показывает практика, социальный фильтр приводит на такие должности именно таких «умеющих» людей. Схемы отмыва денег при проведении ремонтов или покупке оборудования общеизвестны — это например, получение «откатов» с фирм, которые осуществляют эти услуги и руководители которых, могут, между прочим, быть людьми не чужими соответствующим вузовским начальникам¹²⁴.

123 Это вызвало ответную реакцию правительства, которое, похоже, пытается вернуться к тарифной сетке, с такой помпой отмененной в 2008 г. — см.: Кадыров С. Е. О новой системе оплаты труда бюджетников в Программе Правительства России // Политическое образование: информационно-аналитический журнал. — 2012. — 1 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/200679> (дата обращения: 13.04.2014).

124 Приведу рассказ одного преподавателя провинциального вуза: у них на факультете декан, как полагается по закону, объявил тендер между фирмами, которые продавали книжные шкафы, но при этом технические характеристики шкафов (толщина полок) были оформлены так, что нужные шкафы «совершенно случайно» оказались лишь у одной фирмы, владелец которой, тоже «совершенно случайно» оказался хорошим знакомым декана.

Неудивительно, что при таком положении дел желающих заполучить докторскую степень немало.

В связи с тем, что в 1990-е годы количество докторов наук, ринувшихся делать карьеру в вузовской системе, выросло во много раз, начинает разбухать бюрократический аппарат вузов. Если в советские времена в среднем вузе было 4-5 проректоров и по 2 заместителя декана (по учебной и воспитательной работе) на каждом факультете, то теперь количество проректоров вырастает до 10-12, появляются должности помощников ректора, советников ректора, причем обладатели их тоже получают право на соответствующие надбавки к жалованью, персональные кабинеты, секретарей, автомобили. У каждого декана появляются по 5-6 заместителей, возникают даже многочисленные заместители заведующих кафедрами. Последним, правда, их работа не оплачивается, зато их освобождают от части педагогической нагрузки.

Министерство смотрело и смотрит сквозь пальцы на разбухание бюрократического аппарата вузов, пожирающего и бюджетные средства, и средства, собранные с коммерческих студентов: таким образом удовлетворяются амбиции и материальные интересы множества преподавателей, которые в противном случае просто покинули бы вузы.

Наконец, существенно облегчилось в 1990-е годы и получение ученых званий. Если в советские времена преподавателю, чтоб вырасти от ассистента до доцента, даже если он уже имел ученую степень, требовалось несколько лет, а иногда и десятилетий, то теперь ассистент через год автоматически становился старшим преподавателем, а еще через год — доцентом. Соответственно, он получал более высокий разряд по тарифной сетке и его оклад также повышался.

Следующий ресурс, который неофициально раздавался государством профессорско-преподавательскому составу в 1990-е, — *возможность желающим преподавателям безнаказанно собирать сословную ренту*. Обычно этот аспект проблемы сводят к коррупции в вузах. Однако это сужение вопроса, ведь часто сословная рента собирается вовсе не в денежной форме. Кроме того, мы согласны с С. Г. Кордонским в том, что в сословном обществе вообще нет коррупции как таковой, поскольку коррупция — это феномен рыночный. Сословная рента (сдача нижестоящими сословиями вышестоящим части имеющихся у них ресурса) отличается от коррупции тем, что она:

- 1) взимается представителями высших сословий с представителей низших, то есть предполагает не равенство сторон, как при рыночной операции, а иерархию;
- 2) не обязательно имеет денежную форму;

- 3) не только имеет экономический смысл, но и представляет собой признание верховенства, власти;
- 4) не разрушает социальную систему, как коррупция — рыночное общество, а, наоборот, укрепляет, склеивает общество, а значит, является не отклонением, а (в рамках этой системы) нормой.

Тот факт, что к сословной ренте относятся как к пороку и даже преступлению, связан с тем, что российское общество, сословное по своей природе, осмысливает себя в рамках западных идеологических конструктов, созданных для описания и укрепления общества иного, классового типа.

В то же время сословную ренту нельзя путать и с официальными сдачами, которые полагаются тому или иному сословию. Официальные сдачи предназначены для государства, и даже если сдаются конкретному чиновнику, то как представителю государства. Они ему не принадлежат, его задача лишь проконтролировать сдачу, классифицировать и складировать государственную собственность. Официальные сдачи строго нормированы, и есть особые документы, где указано, сколько, кто, куда и кому должен сдать. Официальной сдачей является, например, ежегодная оплата учебы коммерческими студентами.

Сословная рента, напротив, как правило, предназначена для обеспечения личных потребностей представителя высшего сословия (хотя рентополучатель может добровольно передать часть ее коллективу, в котором работает). Ее размер заранее не известен, он оговаривается между сдатчиком и получателем каждый раз отдельно, но при этом, в отличие от формирования цены на рынке, размер сословной ренты определяется не только в зависимости от их желаний, но и от негласной, неписаной, но известной всем и так традиции. Каждый рентодатель и каждый рентополучатель знает, какую ренту полагается сдавать чиновнику данного ранга. Торг идет лишь по поводу отклонений от заранее известной величины. Если рентополучатель будет требовать больше, чем ему полагается по чину, то на него пожалуются и его могут «назначить коррупционером», потому что работникам репрессивных органов тоже надо выполнять план и время от времени сословное общество должно поставлять им жертв.

Основные сословия (учетные группы) современного российского вуза:

- 1) администрация (ректор, проректора, главбух, начальники отделов, деканы, завкафедрами);

- 2) преподаватели (доктора и кандидаты наук, профессора, доценты, старшие преподаватели, ассистенты);
- 3) обслуживающий персонал (секретари, референты, методисты, охрана, технические работники и т. д.);
- 4) студенты и вольнослушатели.

Сюда же можно включить и абитуриентов, хотя они официально не числятся в вузе, но временно прикреплены к нему на время экзаменов¹²⁵, имеют свои права и обязанности и включены в сбор ренты (рента с абитуриентов в пользу членов приемной комиссии собственно и есть «взятка за поступление»).

«Преподавательская» сословная рента в постсоветском «доболонском» вузе взималась:

- 1) рядовыми преподавателями со студентов (и с абитуриентов, если преподаватель был членом приемной комиссии);
- 2) научными руководителями (консультантами) с аспирантов/соискателей/докторантов;
- 3) представителями администрации (которые формально тоже считаются преподавателями¹²⁶), с рядовых преподавателей, студентов и абитуриентов и высшими подсословиями администрации с низших.

В каждом случае наличествуют различные формы ренты, зависящие от того, с какой части определенного сословия (подсословия) взимается рента.

Рассмотрим сбор ренты рядовыми преподавателями со студентов. *Наиболее распространенной формой ренты является «подарочная».* Имеются в виду разного рода подарки (цветы, конфеты, алкоголь, книги, бытовая техника), которые «по традиции» студенты дарят преподавателям перед экзаменом. Как правило, эту ренту сдают студенты-заочники, среди дневников такие сдачи случаются реже, разве что в случае государственных экзаменов (когда не дарятся подарки каждому преподавателю в отдельности, а накрывается стол для всей комиссии). «Подарочную» ренту берут практически все, даже «честные преподаватели» (которые брезгуют денежной рентой). Считается, что

125 Речь идет о временах до введения ЕГЭ.

126 Даже ректор и проректора имеют аспирантов и выполняют соответствующую учебную нагрузку; если на должность проректора берется человек со стороны, лишенный ученой степени, то очень скоро он защищается на каком-нибудь диссертационном совете своего вуза.

такие подарки — просто «выражение уважения»¹²⁷. Как правило, сильно поправить материальное положение преподавателей эти подарки не могут, но при этом они являются своего рода моральной компенсацией, потому что представляют собой указание на начальственное положение преподавателя. К тому же к концу сессии у преподавателя может набраться солидная коллекция конфет и алкоголя (иногда очень дорогого, который он не может позволить себе купить, например французского коньяка), которые служат своего рода «валютой» в административном торге с врачами, чиновниками, да и просто между преподавателями, когда нужно поставить зачет или экзамен чаду знакомого «нужного человека». Впрочем, иногда в случае заочников «подарочная рента» может иметь совсем иной масштаб — с точки зрения закона, она может даже рассматриваться как взятка (т. е. по стоимости в несколько раз превышать минимальную заработную плату), хотя в глазах и преподавателя, и студентов таковой вовсе не является. «Подарочная рента» — коллективная форма ренты (в чем еще одно ее отличие от взятки, которая индивидуализирована), то есть дань, которая накладывается не на отдельных студентов, а на всю группу. Поскольку деньги на подарки собираются с 20—30 человек, которые к тому же не 18—20-летние иждивенцы, а взрослые мужчины и женщины, имеющие работу, иногда высокооплачиваемую, где зарплата превышает зарплату их преподавателя (совершенно несравнимы зарплаты преподавателя нефтяного вуза и его студентов-заочников, работающих на севере вахтовым методом), то это не простые цветочки-конфетки, которыми удовлетворяются студенты-очники. Это может быть электробритва, фен, DVD-проигрыватель, дорогие духи, дорогая книга, сертификаты и т. д. Причем, не обязательно преподаватель забирает подарок себе, так, преподаватели культурологии могут просить заочников подарить к экзамену альбомы с репродукциями картин знаменитых художников для кафедры, они затем используются в учебном процессе.

Сюда же относятся покупка бумаги для принтеров, маркеров и прочих предметов, добровольно передаваемых преподавателем своей кафедре.

127 По данным опроса, который мы провели на истфаке БашГУ (г. Уфа), из 38 опрошенных студентов 17 не считают неденежный подарок взяткой, а видят в нем дань традиции и проявление уважения; считают его взяткой лишь 3 опрошенных; 14 считают его взяткой, если он стоит больше 1000 рублей, 3 считают, что если его дарят до экзамена, то это взятка, а если после — нет, и 1 не считает взяткой и дарение денег; 24 человека считают, что если преподавателю подарили перед экзаменом подарок, то это его не обязывает принимать экзамен снисходительней, и только 14 считают, что обязывает.

Разновидность подарочной ренты — подарки, взимаемые с прогналившихся студентов (прогуливавших занятия, не сдавших экзамен с первого раза). Это те же конфеты, алкоголь, деревенские студенты иногда дарят продукты: мед, гусей, уток и т. д. Индивидуальную подарочную ренту преподаватель может потребовать и от тех студентов, которые получают экзамен или зачет «по благу», потому что за них попросил преподавателя его знакомый, как правило, другой преподаватель. Здесь тоже всё ограничивается лишь стандартным подарком, причем преподаватель — покровитель студента не забудет тому напомнить об этом (мол, пойдешь, купи коньяк и конфеты).

Следующая форма сословной ренты — «трудовая». Ее следует отличать от трудовой сдачи. Это не повинность, накладываемая государством в лице администрации вуза на студентов (как обязанность участвовать в субботнике), это необходимость поработать для преподавателя или его кафедры на основе договора между преподавателем и конкретными студентами (как правило, заочниками). В отличие от «подарочной ренты» трудовая рента не коллективная, а индивидуальная (а вот трудовая сдача — коллективная). Преподаватель договаривается с отдельными студентами, готовыми помочь ему вскопать землю на даче, отремонтировать машину, подвезти его домой или на работу на своей машине или выполнить какую-либо работу на кафедре: передвинуть шкафы, перенести книги. Какой объем работ полагается за экзамен или зачет, выясняется в ходе торга (если студент сам соглашается на данную работу, то, как правило, всё это остается между ним и преподавателем).

Преподаватель может переложить на этих студентов и часть своей черновой работы, например, поручить им заполнить или перепечатать ведомость, проверить тесты, дав им «ключи», попросить отнести документы или какую-либо вещь другому преподавателю на другую кафедру и т. д. Преподаватель тем чаще прибегает к такого рода услугам, чем меньше у него времени для основной работы (поскольку время занимает выполнение общественных поручений, подработка в другом вузе и т. д.).

Особый разряд коллективной ренты, взимаемой преподавателем со студентов (тоже — чаще всего заочников, но иногда и очников), — принудительная покупка всей группой книг (монографий по диссертации, сборников статей) или методичек, которые преподаватель выпустил за свой счет. Назовем ее *покупательской рентой*. В этом случае преподаватель не может установить слишком высокую цену, иначе его обвинят во взяточничестве и пожалуются в деканат (и такие случаи бывают, подобным зарвавшимся преподавателям предлагают тогда

уволиться «по-тихому»). По тем же неписаным правилам преподавателю позволено лишь окупить свои расходы на издание. Отказ от покупки книги или методички влечет за собой несдачу зачета или экзамена (официально это мотивируется тем, что там содержится необходимый учебный материал).

Существует особая *сексуальная рента*. Сбором ее занимаются, конечно, далеко не все преподаватели, как правило, это молодые (и не очень) мужчины, заикленные на этом вопросе («бабники»). Взимается почти исключительно с заочниц (в случае связей с юными очницами, преподаватель рискует вступить в конфликт с их родителями). Если все происходит внешне добровольно¹²⁸, то такие случаи остаются безнаказанными, и преподаватель, уже имеющий определенную репутацию, будет похваляться новой победой своим коллегам. Бывают и попытки откровенно принудить студенток к сдаче сексуальной ренты, в таком случае на преподавателя посыплются жалобы в вышестоящие инстанции, а может даже будет подан судебный иск¹²⁹.

Наконец, самый известный, но далеко не самый массовый вид словесной ренты, взимаемый преподавателем со студентов — *денежный*, который ошибочно отождествляют с взяткой. Повторимся, он не так распространен, как кажется. Наш небольшой социологический опрос показал, что только единицы среди нескольких сотен опрошенных сталкивались с фактами «коррупции»¹³⁰. Как правило, на факультете (если речь не идет о престижных экономическом или юридическом) 2-3 таких «коррупционера». Все в коллективе, и в первую очередь начальство, знают об этом их промысле, «честные» преподаватели стараются не поддерживать с ними близких отношений, чураются их из брезгливости, начальство часто требует «делиться» — не обязательно деньгами, все может ограничиться дорогими подарками к праздникам и «угощениями» (алкоголь, продукты, поход в ресторан за их счет). Студенты тоже знают об этом, и часто при этом их всё устраивает, потому что легче заплатить по таксе, чем учить предмет. «Коррупционе-

128 Добровольность, впрочем, вполне условная, студентка все-таки понимает, что это форма давления и в случае отказа она рискует не сдать экзамен.

129 Впрочем, все может сложиться проще, был случай, когда студенты-заочники просто избili преподавателя, который слишком рьяно приставал к подруге одного из них.

130 Из 38 опрошенных второкурсников-очников исторического факультета БашГУ (Уфа) 30 заявили, что они лично никогда не встречались с фактами коррупции в вузе, 8 ответили, что встречались, 29 — уверены, что это единичные случаи, 3 — что четверть преподавателей берут взятки, и лишь 1 — что это делает половина преподавателей.

ры» рискуют стать фигурантами уголовного дела, только если начинают взимать денежную ренту со всех, включая тех, кто не желает этого и намерен сдать самостоятельно (в любой группе есть отличники и хорошисты, которые принципиально сдают все экзамены честно).

В годы существования приемных комиссий в вузах существовала сдача ренты со стороны абитуриентов преподавателям — членам комиссий. Как правило, речь шла о крупных суммах, которые взимались только у проверенных людей, через знакомых. Здесь имеются в виду именно рядовые члены комиссий: члены администрации, возглавлявшие комиссии и взимающие абитуриентскую денежную ренту, будут упомянуты в соответствующем месте.

Такова рента, взимаемая преподавателями со студентов (и абитуриентов). Доктора наук, являющиеся научными руководителями аспирантов и докторантов, а также соискателей и/или членами ученых советов по защите диссертаций (как особое привилегированное подсословие сословия преподавателей), кроме того, взимают ренту с аспирантов, докторантов и соискателей. Это:

1) *Подарочная рента* — конфеты, алкоголь, подарочные сертификаты книжных магазинов, магазинов косметики, магазинов бытовой электроники. Сдается аспирантами, докторантами и соискателями своим научным руководителям, оппонентам, экспертам. Одна из разновидностей такой подарочной ренты — банкет для научного руководителя, оппонентов и членов совета после защиты (после кандидатской — в столовой или на кафедре, после докторской — в ресторане). Предполагается, что после банкета все его участники будут развезены по домам на машинах.

2) *Трудовая рента* — труд на дачном участке научного руководителя, в его гараже при ремонте машины, участие в ремонте его квартиры, использование аспиранта/докторанта/соискателя в качестве личного водителя, если у того есть машина, наконец, проведение за руководителя лекционных, семинарских занятий, принятие зачетов и экзаменов, естественно, на безвозмездной основе (сверх обязательной педагогической практики). В случае если у руководителя около 5 аспирантов и он не обременен «моральными предрассудками», он может полностью освободиться от аудиторной нагрузки, сполна получая за нее зарплату; его обязанность по «негласному договору» тогда лишь в том, чтобы обеспечить беспрепятственную защиту диссертаций своих «педагогических негров», независимо от научного уровня этих работ.

3) *Сексуальная рента* — склонение к сожительству аспиранток и соискательниц.

4) *Денежная рента* — плата за поступление в аспирантуру, докторантуру, оплата труда научного руководителя (иногда регулярная, ежемесячная¹³¹), единовременная плата экспертам, рецензентам, оппонентам¹³².

5) *Научная рента* — взимается научными руководителями с аспирантов/докторантов/соискателей и бывает двух видов:

а) аспирант/докторант/соискатель пишет тексты тезисов, статей, монографий, которые научный руководитель либо подписывает своей фамилией, либо выпускает как совместные работы. Иногда это выгодно и самому диссертанту, например, руководитель помещает статью в ваковский журнал, где у него есть связи, при условии, что под ней будет стоять и его фамилия; без помощи руководителя диссертант либо вообще никогда бы не попал в этот журнал, либо напечатался бы там за большие деньги. Неверно рассматривать это как плагиат, т. е. присвоение чужой интеллектуальной собственности, как правило, речь идет о текстах, которые не представляют никакой научной ценности, и хотя бы поэтому интеллектуальной собственностью быть не могут, собственность ведь должна иметь потребительскую стоимость, в нашем случае, быть востребованной научным сообществом.

Часто после защиты диссертации аспирант/соискатель перерабатывает текст диссертации и выпускает ее как монографию совместно с научным руководителем (который, конечно, участия в написании не принимал), для диссертанта это вклад в будущую докторскую (которую нельзя защитить без наличия монографии) и новый договор с руководителем, который станет его научным консультантом по докторской;

б) аспирант/докторант/соискатель обязан ссылаться в своих работах и в диссертации на руководителя, членов диссовета, где он защищается, работников кафедры, где готовилась диссертация и проходила предзащита, так он повышает их рейтинг цитируемости. Если он от-

131 По сообщению интервьюируемого аспиранта, в течение 2010—2013 годов он платил своему научному руководителю «в конверте» 5000 рублей в месяц, взамен тот обещал, что не будет проблем при защите, однако, по словам аспиранта, проблемы были: эксперты предъявили множество замечаний, работу пришлось переделывать, и защита была отложена почти на год.

132 Интервьюирование нескольких диссертантов, защищавшихся в диссовете одного из вузов г. Уфы в 2010—2012 годах, показало следующую картину: рецензентам за вычитку диссертации и положительный отзыв с замечаниями при предзащите платили по 1000 рублей, оппонентам: доктору наук — 5000 рублей, кандидату наук — 3000 рублей, отзыв на автореферат — 500 рублей (независимо от степени). Тексты отзывов (рецензентов, оппонентов) писались самими диссертантами (за редкими исключениями), деньги взимались только за подпись.

кажется, то рискует не защититься на этом совете (исключение составляют случаи, когда диссертант — известный ученый, пользующийся авторитетом в своей области, ему позволено пофрондировать).

С рядовых преподавателей администрацией взимаются следующие виды ренты:

1) *Трудовая*. Низшее звено администрации составляют должности, обладатели которых совмещают педагогическую и управленческую работу. Это заведующие кафедрами и деканы факультетов. Официально они считаются преподавателями и тоже имеют педагогическую нагрузку (причем не только часы по руководству аспирантами, как ректор и проректора, но и аудиторные часы по занятиям со студентами). Дабы освободиться от большей части этой «горловой» нагрузки¹³³, они облагают рядовых преподавателей трудовой рентой, проще говоря, как мы уже упоминали, заставляют проводить занятия вместо себя (одни могут это делать и незаметно, так распределяя нагрузку между преподавателями, что их аудиторные часы попадут рядовым преподавателям кафедры и факультета, а им останутся лишь «руководительские», «пустые часы»).

2) *Научная*. Научную ренту взимают не только представители низшей страты администрации, но и представители высших страт. Ректор может обязать того или иного рядового преподавателя (не непосредственно, а через декана) написать за себя статью, доклад, монографию.

3) *Грантовая*. Вид ренты, появившийся недавно и связанный с распространением грантов, выделяемых на научные исследования государственными и частными фондами. Состоит он в том, что члены администрации принуждают рядовых преподавателей, сумевших выиграть грант, включать их в число грантополучателей (при этом работу по гранту, естественно, выполняют эти преподаватели). Конечно, можно и отказаться, и это даже не повлечет незамедлительных репрессий, но отношения с начальством испортятся, и про это могут вспомнить, например, при прохождении преподавателя по конкурсу для получения более высокой должности и при продлении контракта.

Представители администрации могут собирать сословную ренту и со студентов и абитуриентов. Со студентов сословная рента соби-

133 Так на сленге преподавателей называются часы, связанные с проведением лекций и семинаров, то есть с нагрузкой, требующей долгого говорения (между прочим, болезни голосового аппарата — профессиональные болезни рядовых преподавателей, большая часть нагрузки которых — «горловая»).

рается низшим звеном администрации — завкафедрами и деканами. Они могут требовать от студентов подарки или денежные взносы (себе лично или на развитие кафедры/факультета) за право пересдачи экзамена или зачета, восстановления в числе студентов (или, наоборот, невключения в списки отчисляемых), за право отложить оплату обучения. С абитуриентов ренту собирали деканы (которые, как правило, были председателями приемных комиссий на факультетах), но могли этим заниматься и обладатели более высоких должностей вплоть до ректора (ведь именно ректор принимает окончательное решение о принятии того или иного абитуриента в число студентов).

Наконец, вышестоящие представители администрации собирали и собирают ренту с нижестоящих (так, декан, зная о злоупотреблениях заведующего кафедрой бюджетными средствами факультета, может требовать от него часть получаемого дохода в виде подарков или денег, сам он, в свою очередь, также несет «дань» проректору или ректору).

Итак, государство, ослабив контроль за трудовой деятельностью преподавателей, предоставив им возможность подрабатывать, защищать диссертации, не имеющие должной научной ценности, делать карьеру, закрывая глаза на их занятия репетиторством, писание диссертаций за деньги, а также на сбор сословной ренты (в том числе и денежной) с абитуриентов, студентов, других преподавателей, тем самым удерживало профессорско-преподавательский состав на своих местах в вузах, где им выплачивалась зарплата, которой не хватало на элементарные жизненные нужды. Государству были нужны эти вузы, но не потому, что оно нуждалось в специалистах, которых они производили (во-первых, это были специалисты тех сфер хозяйства, которые основательно разрушились в ходе реформ, во-вторых, никаких настоящих знаний и умений выпускники по большей части уже и не имели), а потому, что они выполняли важные социальные функции, прежде всего функции социальной изоляции молодежи (дабы она не хлынула в криминальное сообщество) и сдерживания ее политической активности. Правда, при этом происходило моральное разложение преподавателей и студентов и выхолащивание самого содержания образования, но государство это не беспокоило.

3.6. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ РАЗДАЧИ ОБСЛУЖИВАЮЩЕМУ ПЕРСОНАЛУ ВУЗОВ

Кроме профессорско-преподавательского состава в вузах есть еще и обслуживающий персонал. Это секретари, методисты, специалисты-ремонтники, водители, охрана, уборщики и т. д. Традиционно важнейшим подсословием обслуживающего персонала в вузах являются секретари и методисты. На них лежит вся техническая работа по обеспечению педагогического процесса: они ведут всю документацию, связанную с распределением нагрузки, учебными программами и планами, стенограммами заседаний кафедр, составлением табелей на зарплаты преподавателей (секретари и методисты кафедр), занимаются составлением расписания на основе учебных планов, составлением самих учебных планов факультетов, работают с документацией, связанной с управлением факультетом (секретари и методисты деканатов) и с управлением всем университетом и отдельными сферами его деятельности: учебной, научной, воспитательной, финансовой (секретари ректора, проректоров, работники различных отделов, бухгалтерии). Без секретарей, методистов, вспомогательного персонала работа вузов была бы парализована.

По мере того как в вузах на первый план стала выступать функция социальной изоляции, важную роль стали играть и охранники. Они осуществляли контроль за порядком и выполнением приказов ректора не только в зданиях вуза, но и в общежитиях, а необходимость такого контроля лишь увеличивалась. И дело не только в том, что вузы обрастали инфраструктурами контроля (контрольно-пропускная система, дресс-код), но и в том, что коммерческие наборы привели к тому, что в вузы стали попадать молодые люди того психологического типа, который раньше был свойствен только учащимся ПТУ: имеющие низкий культурный уровень и уровень социальной адаптации, агрессивные, склонные к девиантному поведению, к конфликтам с другими студентами и преподавателями, к употреблению алкоголя и наркотиков. Для того чтобы их обуздать, недостаточно мягкой воспитательной работы, которую ведут со студентами преподаватели-кураторы. Здесь нужна физическая сила.

Вместе с тем зарплата обслуживающего персонала в 1990-е годы стала настолько мизерной, что по сравнению с ней даже зарплаты преподавателей были велики. Как правило, методисты получали значительно меньше прожиточного минимума, и перспектив на повышение зарплаты у них не было: не имея ученых степеней и званий, они были обладателями низших разрядов в тарифной сетке. В 1990-е годы из

вузов стали уходить профессиональные секретари и методисты и стали требоваться охранники, а денег на зарплату работникам охранных агентств у вузов не было.

В этой ситуации в вузах возникает новая кадровая политика, которая не привлекает к себе внимания исследователей высшего образования в России, между тем она внесла существенные коррективы в социальную структуру вузов. Постепенно на должности секретарей и методистов, а позднее и охранников стали брать студентов (методистами и секретарями — девушек, охранниками — юношей). Большинство постсоветских студентов были молодыми людьми, не состоящими в браке, не имеющими детей и находящимися на иждивении у родителей, поэтому их основные жизненные потребности были обеспечены и так (в отличие от секретарей и методистов прежней генерации — взрослых людей, как правило, женщин, имевших семьи и детей). Зарплата, которую они получали, была лишь надбавкой к стипендии (и надо сказать, не намного превышающей эту стипендию) и шла им на «карманные расходы». Не зарплата привлекала их на этих низших вузовских должностях, а положение, которое обеспечивало им сдачу зачетов и экзаменов и перевод с курса на курс без тяжелого честного учебного труда. Если они более или менее сносно справлялись со своими обязанностями, то начальство рекомендовало преподавателям закрывать глаза на пробелы в их познаниях, дабы кафедра или деканат не лишились своих работников. Правда, хороших профессионалов, подобных тем, которые были на их местах раньше, среди них не могло быть по определению: трех или четырех лет работы было недостаточно, чтобы овладеть всеми необходимыми навыками на высоком уровне. В силу этого регулирование учебного процесса было сильно расстроено, расписания занятий стали составлять из рук вон плохо, участились срывы занятий из-за накладок. Но начальство это устраивало, поскольку работа хоть плохо, но шла, а многие преподаватели также были довольны: непроведение занятий всегда можно «свалить» на плохое расписание.

Вскоре, впрочем, сложилась парадоксальная ситуация, которая преподавателям уже нравилась гораздо меньше. Студенты, работающие на должностях обслуживающего персонала вуза, превращаются в привилегированное подсословие, некоторые члены которого стали даже... взимать ренту со своих преподавателей. Преподаватель, конечно, мог не иметь дружеских отношений с методистами деканата, которые одновременно являлись его студентками и сдавали ему экзамены, и мог даже проявить принципиальность и поставить им неудовлетворительные оценки. Но тогда он рисковал тем, что занятия ему

поставят, например, в самое неудобное для него время и его опоздание на 5 минут зафиксирует деканатская проверка, что закончится написанием объяснительной записки на имя декана. Так и получилось, что доктор наук и профессор несет коробку конфет методистке из деканата, которая одновременно его студентка, а значит, наоборот, по неписаным законам вуза, она должна дарить своему преподавателю конфеты перед экзаменом. Система стала расшатываться от внутренних противоречий.

Разумеется, в среде обслуживающего персонала и раньше были привилегированные подсословия, ведь обслуживающий персонал разделяется на подсословия, которые обслуживают разные сословия вуза, имеющие различный иерархический статус. Скажем, секретари разделяются на секретаря ректора, секретарей проректоров, секретарей деканов и заведующих кафедрами. Формально заведующий кафедрой, доктор наук и профессор имеет более высокий статус, чем секретарь (секретарша) ректора. На самом деле секретарь (секретарша) порой выше иного профессора, потому что имеет прямой доступ к ректору, может повлиять на его решения (особенно если находится с ним в особых, близких отношениях), в конце концов, принимает решение, кого и когда пускать к «шефу», а кого можно подержать в приемной подольше (или чьи документы занести на подпись раньше, а чьи — позже). Рента, которую собирали такие привилегированные подсословия обслуживающего персонала, была, как правило, подарочной (конфеты, духи, алкоголь и т. д.). Но до 1990-х это не были студентки и студенты, а если и были, то заочники.

В этот же период постепенно начинает расти значимость таких подсословий вуза, как работники бухгалтерии и различных отделов (международного, учебно-методического, отдела строительства и т. д.), от которых зависело распределение жизненно важных для вуза и его работников ресурсов. Скажем, бухгалтерия могла по целому ряду причин задержать выплату зарплаты той или иной кафедре, и такое часто случалось в реальности, истинной причиной такой задержки могло быть, например, нежелание преподавателя этой кафедры поставить просто так зачет работнику бухгалтерии, который одновременно заочно учится на экономическом факультете. Начальник международного отдела мог помочь пройти научную стажировку в заграничном вузе, а мог, наоборот, сорвать ее при помощи бюрократической волокиты и т. д.

3.7. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЛАНОВОЙ СИСТЕМЫ И ИНСТИТУТА ЖАЛОБ В 1990-Е ГОДЫ

Трансформация потоков сдач и раздач (как официальных, так и неофициальных) не могла не привести к трансформации таких фундаментальных институтов образовательного раздатка, как плановая система и институт жалоб.

В СССР, как уже говорилось в предыдущей главе, деятельность вузов была подчинена общегосударственному плану, согласно которому вузы должны были принять определенное количество абитуриентов на определенные специальности (план приема) и выпустить и распределить по местам работы определенное количество специалистов с высшим образованием (план распределения). План приема и план распределения определялись потребностями той или иной области народного хозяйства в специалистах с высшим образованием и устанавливались соответствующими министерствами и ведомствами и Госпланом СССР.

Но в 1990-е годы государство всеми своими действиями продемонстрировало, что ему не требуются наличие у выпускников целого ряда вузов и факультетов реальных профессиональных знаний и навыков и работа этих людей в тех областях общественной деятельности, которая соответствовала их специальности. Отчасти это было видно по тому, что было упразднено распределение специалистов, окончивших вузы Минобрнауки РФ (своего рода распределение в виде контракта в вузах МВД и других силовых ведомств сохранилось).

В то же время план приема сохранился во всех вузах, хотя в нашем случае он потерял связь с требованиями народного хозяйства и социальной инфраструктуры. Все 1990-е и 2000-е годы государство в лице соответствующего министерства (в нашем случае это министерство образования, сменившее за указанный период несколько названий) определяло, сколько будет выделено бюджетных мест на ту или иную специальность, стараясь придерживаться имевшихся в советский период нормативов. При этом оно неизменно, хотя и медленно снижало количество бюджетных мест и соответственно бюджетной нагрузки преподавателей. Один из важных законов раздаточных систем состоит в том, что если выделенный государством ресурс не используется, то задача его сокращается или прекращается (так, во всех в бюджетных учреждениях в декабре стремятся истратить оставшиеся деньги, не то в следующем году финансирование будет меньше). В согласии с ним основанием для того, на каких специальностях сокращать бюджетные места, для министерства являлась непопулярность данной специаль-

ности среди абитуриентов, недобор студентов на нее (заметим, что в советское время это все же не играло роли, главным было наличие потребности народного хозяйства в специалистах данного профиля).

Более того, государство в 1990-е, несмотря на свои либеральные декларации, так и не предоставило вузам возможности самим набирать произвольное количество абитуриентов в соответствии с требованиями рынка труда. Министерство устанавливало верхнюю планку для приема на те или иные специальности даже для коммерческих наборов, формально исходя из нормативов учебных площадей, количества преподавателей на студента и т. д., фактически — на основе административного торга между министерством и администрацией вуза.

При образовательном раздатке плановым способом организована и учеба в самом вузе. Она подчиняется учебным планам и учебным программам. Поскольку в 1990-е годы произошло отделение образования от знаний (многим студентам нужен был только диплом, но не знания, так как работать по специальности они все равно не собирались, многие преподаватели занимались вместо выполнения служебных обязанностей подработками или сбором ренты, а государству эти специалисты и вовсе не были нужны), то и учебные планы стали составляться весьма субъективно. В них появилось немало предметов, которые были не нужны студентам данной специальности, но которые давали часы кафедрам и преподавателям. УМО перестали следить за исполнением учебных планов.

В этих условиях и институт жалоб стал выполнять другие функции. В советском вузе институт жалоб (которые направлялись в партийные, комсомольские, профсоюзные организации) был механизмом обратной связи между получателями ресурса «высшее образование» (студентами) и его раздатчиками (преподавателями), а также между преподавателями и администрацией вуза. При отсутствии свободы учебы и вузовского самоуправления только так студенты могли сообщить администрации о низком профессиональном уровне преподавателей, превышении ими своих полномочий, с тем чтобы администрация приняла меры, а преподаватели — о несправедливости распределения должностей членами администрации, злоупотреблении ими своим служебным положением, с тем чтобы с ними разобрались вышестоящие органы.

В 1990-е годы с мутацией вузов исчезают объективные критерии для распределения ресурсов внутри вуза. К примеру, в условиях, когда в вузы приходят слабо подготовленные студенты, которых нельзя отчислить, а аспирантуры выпускают слабо подготовленных преподавателей, которых нельзя уволить (просто никто не идет на их места),

перестает быть прозрачным механизм оценивания знаний студентов. Оценки ставятся очень субъективно, и поэтому любая низкая оценка, даже справедливая, вызывает протест у студентов. Студенты перестают воспринимать оценку именно как результат оценивания их учебного труда, им кажется, что преподаватель произвольно ставит хорошие оценки тем, кто ему нравится, и плохие — тем, кто ему не нравится (отсюда постоянная просьба студентов на экзамене: «поставьте “троечку”, вам ведь это ничего не стоит»). Отчасти они правы: возможности оценивать знания объективно у преподавателя нет (даже если он и способен это сделать).

То же самое происходит с требованиями для занятия должностей преподавателями. Доцентами и профессорами становятся те, кто в былое время не поднялся бы выше ассистента. Распределение нагрузки также уже не связано с подготовленностью преподавателя (многие читают дисциплины, в которых они ничего не понимают). Возникает много обид и ссор, каждый считает, что он не хуже того, кто занял более высокую должность и получил более выгодную нагрузку.

Жалобы (которые теперь направляются не в партком, а в администрацию вуза или в вышестоящие государственные органы) меняют свой характер. Для самих студентов и преподавателей они становятся инструментом сведения счетов, а также попыткой улучшить свое положение, хотя сами жалобщики и понимают, что объективных оснований для этого нет (например, они жалуются на несправедливость преподавателя при оценке знаний по русскому языку, при этом имея в диктанте чудовищное количество ошибок), просто из соображения: «а вдруг повезет» или «я не хуже других». Характерным становится несогласие студентов с низкими оценками, даже выставленными комиссией, что практически не встречалось в советском вузе, где студенты были склонны внешне соглашаться с оценкой преподавателя, высказывая свое несогласие в узком, «своем» кругу. Объективно этот механизм функционировал таким образом, что он отсеивал тех, кто не вписывается в систему: либо слишком принципиальных преподавателей, которые работали по старинке и ставили оценки объективно, в соответствии со знаниями студентов, либо совсем уж откровенных взяточников, пьяниц и преподавателей, склонных к сексуальным домогательствам.

При этом на жалобы, которые касались содержания образования и могли послужить повышению его эффективности, внимания не обращали или реагировали формально. Это было признаком того, что образовательный раздаток вступил в период кризиса. В этом случае количество неквалифицированных преподавателей и администрато-

ров (а также коррупционеров) увеличивается, сместить их становится все труднее и труднее, и вузы начинают деградировать. Собственно, такое положение вещей и сложилось в 1990-е и в начале 2000-х годов. Способствовало деградации института жалоб и то, что девиантное поведение преподавателей (широкий сбор различной ренты, срывы занятий, непрофессионализм) стало почти нормой виду практического разрешения государством описанных выше неофициальных раздач.

3.8. КРИЗИС МУТИРОВАВШЕГО ПОСТСОВЕТСКОГО ВУЗА: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Ресурс по определению не способен к самовозрастанию (в отличие от капитала, который по определению — самовозрастающая стоимость). Ресурс нужен лишь для того, чтоб его потратить на нужды общества. Именно с такой мотивировкой его и воспроизводят предназначенные для этого сословия. Если они произведут его больше, то они и потребуют большей доли для себя. Итак, ресурс можно только собирать, классифицировать, раздавать и затем использовать, то есть потреблять. Причем в ходе использования количество ресурса, естественно, уменьшается, и если его даже оставить про запас, то от лежания в складированном состоянии он не возрастет (а вот капитал, положенный под проценты, возрастет).

С. Г. Кордонский показал в своих работах, что поэтому главной проблемой всех ресурсных институтов является истощение используемых ресурсов (причем, это касается не только ресурсов экономических). Когда они совсем кончаются, приходится искать новый ресурс, и даже если он будет найден, придется перестраивать всю систему распределения ресурса, то есть всю иерархию сословий, что порождает тяжелый социальный кризис. Бывшие высокопоставленные сословия, получавшие большую долю старого ресурса, хотят сохранить свои привилегии и в новой социальной модели, что часто невозможно, а бывшие низшие сословия часто стремятся повысить свой статус. В истории России иногда такая ситуация приводила к революциям.

Все это в полной мере относится и к образовательному раздатку.

Ресурс «высшее образование» имеет не бесконечный объем, он тоже может кончиться, и точно так же могут кончиться и кончаются ресурсы, которые раздаются сословиям, обслуживающим социальную обязанность государства по раздатку высшего образования. Собственно,

это и начало происходить с российским высшим образованием, точнее, с его мутировавшим сектором, находящимся в ведении Минобрнауки (в том числе и с «классическими университетами»), в 2000-х годах.

Напомним, что все 1990-е годы эти вузы занимались раздачей социально-правового статуса «высшее образование», открывавшего путь к должностям руководителей в бюджетной сфере, а также к определенным более или менее престижным должностям на госслужбе (и гражданской, и правоохранительной). Государство перестало должным образом финансировать вузы Минобрнауки, а также следить за качеством их подготовки и трудоустройством, так как специалисты, производимые ими, стали государству не нужны. Но государство предоставило вузам возможность набирать абитуриентов за счет снижения требований к ним (количество абитуриентов перестало ограничиваться потребностями государства) и взимать с них плату за обучение в бюджет вузов. В результате количество студентов стало стремительно расти: как за счет контингента бывших школьников, который ранее шел на заводы, в ПТУ и техникумы, так и за счет взрослых людей, не сумевших в советские времена получить высшее образование или получивших, но теперь желавших получить второе образование (часто экономическое или юридическое). Обратимся к статистике.

В 1992 году в вузы РФ поступили 2 млн 638 тыс. студентов. В 2000 году их было 4 млн 739 тыс. 500 человек¹⁵⁴. В 2006 году — около 7,5 млн человек. *Вузовская система экстенсивным путем расширяла эксплуатацию своих ресурсов — людей, которые желали получить высшее образование и готовы были за него платить, и возможностей академического и карьерного роста, при этом руководство вузов не думало о последствиях, которые неизбежно должны были наступить.* Цифра, достигнутая в 2007 году, была пределом насыщения, поскольку теперь уже поступали в вузы практически все выпускники школ, кроме преступников и людей со сниженным интеллектом, то есть 80—90% выпускников школ¹⁵⁵. Резерв абитуриентов стало уже черпать неоткуда. *И после 2008 года начинается снижение:* в 2009 количество студентов в вузах России снизилось до 6,2 млн человек, в 2011 — до 5,8 млн человек. Прогнозы показывают, что вплоть до 2024 года их количество будет колебаться

154 Высшее образование в России. Некоторые цифры // Отечественные записки. — 2002. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/2/vysshee-obrazovanie-v-rossii> (дата обращения: 13.04.2014).

155 Ниязова Г. А. Бенчмаркинг в повышении эффективности образовательных проектов // Российское предпринимательство. — 2008. — № 6. — Вып. 2 (113). — С. 160—163.

между 5,8 и 6,2 млн человек¹³⁶ и повышения в ближайшем будущем не ожидается. Конечно, количество поступающих в вузы России остается достаточно большим, и оно сохранится в ближайшие 10—15 лет. Однако произошло следующее:

1) Прекратился стабильный рост количества студентов вузов (и соответственно стабильный рост количества государственных и коммерческих вузов), который был характерен для 1990-х — начала 2000-х годов.

2) Резко ухудшилось качество этого ресурса. Абитуриенты, поступающие в вуз, настолько плохо подготовлены, что слишком много сил приходится тратить на их «доведение до минимальной планки», с которой возможна учеба в вузе и на принуждение к этой учебе. Так, например, оценивает ситуацию министр образования, науки и инновационной политики правительства Новосибирской области Владимир Никонов: «Сегодня в вузы поступают почти все выпускники средней школы. Это — катастрофа. ... Конкурсность исчезла совсем. ... В вузах очень много людей, которые с трудом освоили программу средней школы и, тем не менее, учатся в институтах»¹³⁷. Действительно, на первых курсах практически всех вузов введены такие дисциплины, как «Русский язык и культура речи», «Этикет». Студенты не умеют выражать свои мысли ни устно, ни письменно, не обладают элементарными навыками хорошего тона. Распространенной стала практика проведения родительских собраний в вузах (что раньше было прерогативой школы). Преподаватели обращаются к родителям, чтоб те следили за посещением студентами занятий и подготовкой к занятиям и экзаменам. Даже студенты, которые учатся на платных отделениях и чьи семьи выделяют больше денег на обучение, прогуливают занятия, не являются на экзамены. Постоянной практикой стала и многократная пересдача зачетов и экзаменов, которая не оплачивается преподавателю.

3) И этот ресурс добывается со всё большими усилиями и затратами. Если в 1990-е годы абитуриенты сами шли в вузы и даже был отбор, то сейчас их надо привлекать в вуз. В вузах возрождается профориентация, бригады преподавателей по заданиям ректоров разъезжают по городам и деревням и агитируют школьников поступать в их вузы, в СМИ крутится реклама вузов. Тратятся деньги на ремонты и созда-

¹³⁶ Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации (среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года). М., 2010. — С. 212.

¹³⁷ Никонов В. Проблема вузов — не в ЕГЭ Академия новостей: первое объединенное мультимедийное СМИ Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <http://academ.info/news/18869> (дата обращения: 13.04.2014).

ние «товарного вида» вуза. В особенно трудном положении оказываются провинциальные вузы, так как немногочисленные абитуриенты предпочитают, конечно, уезжать в столицы. Таким образом, каждая приемная компания в провинции — стресс для преподавателей и администрации: если не удастся набрать определенное количество по каждой специальности, то на следующий год будет сокращено количество бюджетных мест, предоставляемых министерством, а значит, будет сокращено и финансирование. Это грозит закрытием специальностей, кафедр, увольнением преподавателей.

4) Содействует уменьшению числа абитуриентов и их учебному рвеню то, что переизбыток людей с высшим образованием привел к тому, что объем благ, даваемых высшим образованием, существенно уменьшился. По оценкам экспертов ВШЭ, «в 1999 году почти каждый второй экономически активный россиянин с высшим или средним профессиональным образованием работал не по специальности на “плохих” рабочих местах, в 2008-м доля таких людей уменьшилась до 30%»¹³⁸. Да и повседневный опыт это подтверждает: каждый знает примеры, когда обладатели дипломов с высшим образованием не смогли найти достойную работу и трудятся официантами в кафе и торговцами на рынках. Молодежь толкает в вузы инерция, воля родителей да освобождение от армии, которое дарует статус студента, притягательность самого диплома сильно упала. Молодые выходцы из элиты предпочитают получать образование за рубежом (впрочем, это касается не только элиты, на севере России появилась тенденция ездить для поступления в вузы Финляндии, в них зачастую плата за обучение ниже, чем в петрозаводских и тем более московских коммерческих вузах, а качество образования выше). И преподаватели вузов, которые раньше стремились устроить своих детей в свой вуз (сначала учиться, а потом работать), теперь предпочитают по мере возможности отсылать их в Восточную, а лучше в Западную Европу (в тюркских регионах Поволжья мода на учебу в Турции).

В связи с сокращением количества студентов упали и возможности подработать педагогическим отходничеством или репетиторской деятельностью (до введения ЕГЭ).

Государство, как мы уже отмечали, предоставило в 1990-е годы профессорско-преподавательскому составу возможности карьерного и академического роста, снизив требования к претендентам на ученые

138 Паликовская А. Вузовские дипломы обесценятся? // 72 диплома.ru: Образование в Тюмени [Электронный ресурс]. URL: <http://72diploma.ru/text/teach/460838.html> (дата обращения: 13.04.2014).

степени, звания и вузовские должности. Это привело к тому, что резко увеличилось количество докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов и разного рода вузовских начальников. Статистика показывает, что в 2002 году был достигнут пик количества докторов наук (ВАК РФ утвердила 4923 доктора наук по всем специальностям), а в 2007 — пик количества кандидатов наук (30 557)¹³⁹. Но в дальнейшем также наступает спад. Причины его следующие:

1) обретение ученой степени уже перестало приносить тот объем благ, который оно приносило раньше. Поскольку доктора и тем более кандидаты наук перестали быть редкостью в вузах России, престижность этих степеней упала. Сократилась и возможность делать карьеру. Количество проректоров, помощников ректоров, деканов и замдеканов достигло уже такой величины, что дальше раздувать административные штаты было некуда. Да и привлекательность этих должностей снизилась. Когда в вузе было 4 проректора, то каждый имел персональную машину, кабинет, большую зарплату и реальную власть. Когда их стало 10—12, то большинство этих проректоров и власть и блага стали получать лишь символические.

2) Поскольку прекратился ежегодный рост количества студентов, то новых обладателей степеней и званий стало просто некуда устраивать на работу (тем более что чем больше их становилось, тем ниже был уровень их профессиональной подготовки). Тем не менее, все 2000-е годы ВАК РФ продолжает штамповать примерно по 3-4 тысячи докторов наук и по 22—25 тысяч кандидатов наук в год по всем специальностям. Устраиваться им зачастую уже некуда; отсюда стремление сократить работников вузов пенсионного возраста, увеличить штаты кафедр и факультетов за счет создания новых специальностей, предметов, кафедр (с неизбежным понижением зарплат), ужесточить требования к претендентам на ученые степени и звания.

С 2003 года падает количество докторских защит, а с 2007 — кандидатских, естественно, и возможность подработать написанием диссертаций также уменьшается.

Наконец, третья задача, которую государство неофициально предоставило преподавателям вузов в 1990-е, как мы уже говорили, возможность безнаказанно собирать ренту со студентов (в том числе денежную). Таким образом государство пыталось компенсировать сокращение своих затрат на образование. В 2000-х объем этой ренты

139 Крупные научные достижения российских ученых // Энциклопедия «Ученые России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/> (дата обращения: 13.04.2014).

начинает снижаться, а трудоемкость и даже опасность сбора увеличивается. Студенты начинают понимать, что администрация вуза ими дорожит, от самого их наличия в вузе зависит финансирование вуза, количество преподавателей, их зарплата. Отчислить их можно лишь в крайнем случае (например, в случае нарушения закона). Кроме того, они знают свои права, гораздо чаще, чем прежние поколения студентов, пишут жалобы, подают судебные иски, обмениваются мнениями о своих преподавателях в Интернете, составляют «черные списки» преподавателей-грубиянов, самодуров, коррупционеров. Частой стала съемка преподавателей скрытой камерой сотового телефона.

В итоге резко уменьшается подарочная рента (даже среди заочников), почти исчезает сексуальная рента, с большим трудом студенты идут на сдачу трудовой ренты. Труднее стало и собирать со студентов денежную ренту тем, кто это практикует. Преподаватель-«коррупционер» должен ведь иметь возможность довести студента до отчисления, не принимая у него экзамен вновь и вновь. Когда же студент знает, что администрация все равно не допустит, чтоб он был отчислен (из-за сокращения финансирования, да и вообще падения численности студентов), то он справедливо полагает, что платить ничего не надо, преподаватель все равно поставит вожделенную «тройку». Более того, студент, «знающий свои права», стремится наказать преподавателя и подвести его под суд.

3.9. ИТОГИ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Таким образом, все ресурсы, которые государство давало вузам в 1990-е годы для их выживания, подошли к пределу своей эксплуатации. Уже одного этого было бы достаточно для кризиса вузовской системы и поиска новых ресурсов. Но положение усугубляется и тем, что государство уже не нуждается в тех социальных функциях, которые выполняли вузы Минобрнауки в 1990-е годы (социальная изоляция молодежи от оппозиции и криминалитета и обеспечение лояльности). Уже стало ясно, что России не грозят ни коммунистический реванш, ни падение в криминальный хаос, которых политическая элита опасалась в 1990-е.

Все это предопределило те реформы, которым вузовская система России была подвергнута примерно с середины 2000-х годов.

4

Реформы вузовской системы 2000-х гг.: возрождение государственного контроля и новый облик университетов

4.1. РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 2000-Х ГОДОВ: ОБЩИЙ ОБЗОР

В начале 2000-х годов кризис того сектора системы высшего образования в РФ, который находится в ведении Минобрнауки и не связан с подготовкой кадров для госаппарата, МВД, ФСБ, Минобороны и т. п., стал очевиден практически всем участникам образовательного процесса. И все они были недовольны сложившейся ситуацией. Абитуриенты, студенты и их родители были недовольны тем, что увеличился сегмент платного образования и сокращались бюджетные места, существованием коррупции при поступлении и в процессе учебы, а также тем, что перспективы выпускника вуза с дипломом о высшем образовании были неопределенными и блага, которые ему полагались, становились все более иллюзорными.

Преподаватели были недовольны тем, что резко снизились их реальные доходы (официальные снизились еще раньше). Труднее стало подрабатывать, защита диссертации уже не сулила тех благ, что прежде, затруднен стал и сбор ренты.

Администрация вузов была недовольна тем, что государственное финансирование вузов сокращалось, а возможности наращивать финансовые поступления за счет коммерческих наборов были практически исчерпаны.

Государство в лице высших правящих органов и министерства образования и науки было недовольно тем, что приходилось тратить

все бóльшие и бóльшие деньги на подготовку специалистов, которые не были востребованы рынком труда, да и не собирались работать по специальности. Те же немногие специалисты, которые были востребованы, имели очень низкий профессиональный уровень. Что же касается социальных сдач, которые нужны были государству в 1990-е (изоляция молодежи от криминалитета и политической оппозиции), то в 2000-е годы они потеряли свою актуальность.

В этих условиях реформа высшего образования была неизбежна, и она была проведена в течение 2001—2013 годов. Реформа включала в себя несколько составляющих:

- отказ от приема в вузы комиссиями, создаваемыми в самих вузах, и прием по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ);

- присоединение к Болонскому соглашению и переформатирование российской вузовской системы в соответствии с требованиями Болонской декларации;

- ужесточение контроля над учебной, научной, финансовой и иной деятельностью вузов со стороны министерства и ряда других госорганов;

- ужесточение контроля над деятельностью диссоветов, ВАК РФ (введение требования публикаций в журналах из ваковского списка, проверка диссертаций на плагиат, транслирование защит через Интернет и т. д.);

- разделение вузов на несколько категорий (федеральные, научно-исследовательские университеты, университеты, институты, академии) с соответствующей градацией финансирования;

- «оптимизация», то есть сокращение вузов и их филиалов, слияние вузов.

Реформа еще не окончена (радикальное сокращение вузов и ППС планируется завершить к 2017 году), однако общие ее черты, а также основные результаты уже видны.

Главная особенность этой реформы в том, что реформа проводилась и проводится авторитарным путем, без серьезного учета мнения общественности, вопреки желанию работников вузов и студентов. Как часто бывает у нас, Правительство РФ и Минобрнауки считают, что они лучше знают, что является благом для россиян, чем сами россияне, которых непосредственно коснутся указанные преобразования. Так, соцопросы демонстрируют, что большинство населения до сих пор решительно настроено против ЕГЭ (на 12-м году после начала этого эксперимента), но от этого в политике министерства ничего не меняется.

Очевидно, что реформа преимущественно преследует интересы государства, в то время как интересы всех остальных участников образовательного процесса (родителей абитуриентов, студентов, профессорско-преподавательского состава и администраций вузов) практически игнорируются. Интересы же государства сводятся к тому, что оно желает тратить поменьше денег на рассматриваемый сегмент высшего образования и не желает и дальше терпеть вузы, которые выпускают специалистов, государству не нужных. Былая негласная договоренность между администрациями вузов и государством о поддержке таких вузов в обмен на обеспечение ими социальных функций по изоляции молодежи от оппозиции и криминалитета теперь неактуальна. Просто сократить им финансирование государство может (и оно, как мы увидим дальше, делает это, сокращая бюджетные места), но этого мало. В такие «ненужные» государству вузы (и их подразделения) идут коммерческие студенты, что позволяет вузам выживать. Решить эту проблему и был призван ЕГЭ.

4.2. ЕГЭ И ЕГО РЕАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

До 2009 года прием в вузы осуществлялся приемными комиссиями, которые формировались из работников данного вуза под председательством ректора. Вступительные экзамены проводились по программам, которые разрабатывались в каждом конкретном вузе и утверждались министерством. По итогам сдачи экзаменов этой комиссии принималось решение о зачислении или незачислении абитуриента в вуз. Приказ о зачислении выпускался ректором вуза. Фактически перед нами — смягченная форма раздачи права на поступление в вуз. Раздавало такое право государство в лице ректора и приемной комиссии вуза, однако министерство образования контролировало раздачу, утверждая программы вступительных экзаменов.

Критики этой системы, появившиеся еще в эпоху перестройки и особенно активизировавшиеся в 1990-х, стали утверждать, что в ее рамках экзамены часто проводятся необъективно, члены приемных комиссий, пользуясь служебным положением, подтасовывают результаты в пользу своих протеже (родственников, знакомых), имеет место коррупция. Кроме того, по их мнению, программы вступительных экзаменов, составляемые в вузах, предъявляли к абитуриентам требования, превышающие уровень школьной программы, что ставило

абитуриентов в сложное положение. Якобы поступить при этом мог лишь тот, кто занимался с репетитором-преподавателем вуза либо мог дать взятку члену приемной комиссии или имел в ней «блат».

Однако одним из главных аргументов было сетование на то, что российским школьникам приходится сдавать целых два экзамена вместо одного, как делается в странах Европы (например, в Германии, Франции, Великобритании), где определенные результаты выпускного экзамена школы позволяют поступать в вузы страны (либо в часть вузов страны) без вступительных экзаменов. Поскольку же в среде высшего руководства нашим образованием преобладали тогда либералы-западники, то им показалась очень привлекательной идея ввести в Россию общенациональный экзамен вроде немецкого «Abitur» или французского «BAC», в ходе которого ко всем выпускникам школ предъявлялись бы унифицированные прозрачные и объективные требования и результаты которого гарантировали бы поступление в любой вуз. Так появилась идея ЕГЭ — российского единого государственного экзамена, которая стала воплощаться в жизнь в 2001 году¹⁴⁰. Именно тогда ЕГЭ предложили сдавать (на добровольной основе, в виде эксперимента) выпускникам школ в 5 регионах России. С 2001 по 2007 год в эксперименте поучаствовали 82 региона, ЕГЭ выбрали 1 млн школьников и результаты ЕГЭ согласились признать 1800 вузов и их филиалов. Министерство осталось довольно результатом. Но уже тогда ЕГЭ начал вызывать критику в среде учителей, работников вузов, представителей общества и оппозиционных партий. Несмотря на эту критику, в 2007 году был принят Федеральный закон от 9 февраля 2007 года № 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об образовании” и Федеральный закон “О высшем и послевузовском образовании” в части проведения государственного экзамена». По этому закону с 2009 года ЕГЭ должен был стать единственной формой итоговой аттестации в средних школах РФ, а также одновременно вступительным экзаменом в вузы РФ. Страх перед такой масштабной реформой привел к тайному административному торгу между Минобрнауки и другими ведомствами, в итоге Минобрнауки смягчило позиции. Ведомственным вузам (а именно вузам Минобороны, МВД ФСБ, Минздрава, Минкульта), а также двум элитарным университетам — МГУ и СПбГУ — разрешили сохранить вступительные экзамены в самих вузах и учитывать их результаты наряду с баллом, полученным в ходе ЕГЭ. Однако все остальные вузы обязаны были под-

140 История ЕГЭ // College.ru: подготовка к ЕГЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://vse-o-ege/history/> (дата обращения: 15.04.2014).

чиниться, и с 2009 года они стали зачислять в ряды студентов абитуриентов, которые получили при сдаче ЕГЭ балл, превышающий определенную планку, устанавливаемую Министерством образования и науки РФ, и прошли по конкурсу в эти вузы.

Сторонники ЕГЭ при этом стали заявлять, что ЕГЭ позволил покончить с коррупцией в вузах и с «серым репетиторством», сделал сдачу экзамена «прозрачной» и объективной, открыл возможность школьникам из провинции поступать в вузы столицы. Противники ЕГЭ утверждали, что уровень подготовки абитуриентов снизился, ведь в старших классах школы прекратили реальное обучение и занялись лишь натаскиванием для сдачи тестов, кроме того, при сдаче ЕГЭ имеет место много злоупотреблений и коррупция никуда не делась, а перекечевала на уровень школ и министерства.

И та и другая стороны воспринимали ЕГЭ как простой механизм для определения знаний и были убеждены, что он один и тот же и в России, и в странах Запада. Просто сторонники ЕГЭ считали, что это механизм эффективный и если он успешно действует в странах Запада, то должен так же работать и у нас. Противники, наоборот, считали, что это механизм плохой и он крайне неэффективно работает и тут, и там. *И те и другие не принимали во внимание то, что в России и в странах Запада школьное и высшее образование выполняют разные социальные функции и система тестирования школьников, существующая в Европе и США, в корне отличается от российского ЕГЭ.*

Дело в том, что западное общество в своем институциональном ядре — классовое, а российское — сословное. Напомним, что под классами мы понимаем социальные группы, разделяемые по уровню потребления (высший, средний и низший класс) и возникающие в ходе участия людей в рыночных операциях (так как одних рыночная конкуренция делает богаче, а других — беднее). Иными словами, классовая структура присуща обществу, где основные жизненные блага распределяются при помощи рынка. Сословия — это социальные группы, которые создаются государством для выполнения определенных задач в ходе государственного раздатка. На них государство накладывает обязанности, но и предоставляет им за это привилегии. Если в классовом обществе все равны перед законом, в сословном, как видим, напротив — разные сословия имеют разный объем прав и поэтому выстраиваются в правовую иерархию.

Хотя на протяжении XX века в ходе строительства на Западе социального государства там возникли свои механизмы раздатка, западное общество так и осталось классовым; в России же, наоборот, хотя в ходе реформ 1990-х была предпринята попытка создать у нас рынок

и классовую структуру, российское общество в основе своей осталось сословным.

Высшее образование выполняет в классовом и сословном обществе разные функции. В классовом обществе это функция классовой социализации. Это значит, что вуз здесь — место, где представители высшего и среднего классов приобретают определенные навыки, которые пригодятся им в будущей их деятельности, причем не столько профессиональные, сколько человеческие, делающие из них «гомо капиталистический», обладающих критическим умом, самостоятельностью, инициативностью, умеющих выдерживать конкуренцию и т. д. На это направлена вся система обучения и воспитания в гумбольдтовском университете и АИУ с их свободой преподавания и учебы и единством научного исследования и преподавания. При помощи вузов в этом обществе представители высших классов укрепляют свое социальное положение и стремятся передать его своим потомкам.

Поэтому в этой ситуации крайне важно, чтобы в вузы преимущественно попадали выходцы из высших или, по крайней мере, средних классов. Для этого на Западе была создана особая поливариантная школа, которая получила название «школа двух коридоров». Классический ее образец мы находим в Германии. Там уже несколько столетий существует три разновидности средней школы: главная школа (Hauptschule), реальная школа (Realschule) и гимназия (Gymnasium)¹⁴¹. Право на поступление в вуз дает только гимназия, где учатся 8 лет (с учетом начальной школы — «четырёхлетки» получается 13 классов) и выпускной экзамен (который так и называется «Abitur») приравнивается к вступительному в любой вуз (кроме медицинского). Выпускнику гимназии остается лишь выбрать вуз и отправить туда документы (если он не пройдет по конкурсу, то его включают в очередь на ожидание и пригласят через несколько семестров). Окончание же вуза открывает путь в элиту. После реальной школы выпускника ждет профессиональное училище и техническая должность среднего звена. Аттестат главной школы, где учатся гораздо меньше — 5 лет (с учетом начальной школы 9 классов), открывает путь к рядовым рабочим специальностям. Изначально, например в XIX веке, не скрывалось, что эта система нацелена на отделение выходцев из высшего класса от выходцев из среднего и низшего классов. Таким образом, дети дворян, высших чиновников, профессоров, инженеров учились в гимназиях, дети бюргеров, торговцев — в реальных школах, а дети рабочих и фермеров — в главных школах,

141 С недавних пор существует еще Gesamtschule — нечто среднее между главной школой и гимназией.

причем основным критерием разделения была материальная обеспеченность (дороже всего обучение стоило в гимназии, дешевле всего — в главной школе).

Во второй половине XX — начале XXI века в Германии многое было сделано для того, чтоб демократизировать систему школьного образования. Выбор той или иной школы определяется теперь тестированием. После окончания начальной школы дети проходят тестирование, и те, кто показал наилучшие результаты, направляются для дальнейшего обучения в гимназии, а те, кто продемонстрировал результаты похуже, — в реальные и главные школы. Обучение в государственных школах бесплатное или стоит очень недорого, поэтому и выходцы из бедных классов теоретически могут попасть в гимназию. Кроме того, гипотетически «Abitur» могут сдавать, если у них есть такое желание, и выпускники реальных и главных школ (хотя это и сопряжено с определенными бюрократическими трудностями); правда, сами немцы признают, что скорее всего такой школьник все равно не сдаст «Abitur», потому что в этих школах преподают гораздо меньше предметов и на гораздо более примитивном уровне.

Фактически же даже после всех реформ в гимназии в основном попадают дети из политической, экономической и культурной элиты: их родители имеют высокий уровень благосостояния, позволяющий лучше подготовить ребенка к тестированию после начальной школы. Не говоря уже о том, что многие хорошие гимназии — частные, обучение в которых стоит недешево — от 600 до 1500 евро в месяц¹⁴².

Точно так же дело обстоит и в других европейских странах, например, во Франции, где для того, чтобы попасть в университет, нужно окончить школу для элиты — лицей, при выпуске из которого и проходит экзамен, называемый «BAC» (экзамен на степень бакалавра, которая во Франции не совпадает с англосаксонской одноименной степенью).

Итак, первое главное отличие ЕГЭ от его европейских аналогов («Abitur» в Германии, «BAC» во Франции) состоит в том, что европейский экзамен сдают не все, а лишь учащиеся школ для элиты, прошедшие своеобразный «классовый фильтр» еще при выборе той или иной школы. *Смысл такого экзамена в том, чтобы отсеять представителей элиты, обладающих совсем уж низким интеллектом (и дать возможность попасть в элиту небольшому числу очень талантливых и упорных выходцев из низов)*. На первый взгляд, кажется, что иначе обстоит дело

142 Цыкура Н. Зачем ребенку германская гимназия? // Страны мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.worlds.ru/europe/germany/history-zachem_rebenku_germanskaja_gimnazija_q.shtml (дата обращения: 15.04.2014).

в США. Там есть распространенные системы общенационального тестирования, которое могут сдавать все, а не только старшеклассники элитных школ, например, SAT (Sholastic Aptitude (Assessment) Test — Школьный Оценочный Тест), который часто сравнивают с ЕГЭ¹⁴³ и даже называют «американским ЕГЭ» и результаты которого учитываются при приеме в большинство американских университетов и колледжей, но наряду с другими факторами: средним баллом аттестата, портфолио достижений, характеристиками и результатами собеседования. Однако критики системы SAT в самих США утверждают, что реальная социальная функция SAT — осуществление разделения между богатыми и бедными (и, в частности, между белыми и «цветными» американцами)¹⁴⁴. Статистика упорно свидетельствует, что выходцы из семей высшего и среднего класса в США, которые, как правило, учатся в дорогих частных школах, дающих качественную подготовку, гораздо лучше справляются с SAT, чем выходцы из семей бедняков, учащиеся в бесплатных государственных и низкокачественных «public school»¹⁴⁵. Соответственно, первые получают больше шансов поступить в вуз, чем вторые. Интересно заметить, что именно престижные университеты США (типа Гарварда или Йеля) в обязательном порядке учитывают результаты SAT (и других аналогичных тестов), тогда как университеты и колледжи попроще, которые преимущественно набирают выходцев из низших классов и расовых меньшинств, не требуют от абитуриентов результатов общенационального тестирования (хотя в последнее время под давлением левой общественности и позиции престижных университетов по вопросу приема стали смягчаться).

В России с советских времен функция и школ, и вузов была иная. В СССР существовала единая общая средняя школа, выпускники которой, сдав госэкзамен и получив аттестат, одновременно получали *право попытаться поступить* в какой-либо вуз (а не *право более или менее гарантированного поступления*, как выпускники элитных школ на Западе). Аттестат о среднем образовании в СССР означал, что человек получил минимум знаний, необходимых для существования в обще-

143 См. об этом: Яковлев И. SAT и ЕГЭ: как надо и что имеем // Мастерская репетитора Игоря Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://repetitor-guru.ru/2009/08/48> (дата обращения: 15.04.2014).

144 Вступительные экзамены SAT // Reshit.ru: Помощь в решении задач. Сбор необходимого материала. Онлайн консультации учащихся [Электронный ресурс]. URL: <http://reshit.ru/node/205> (дата обращения: 15.04.2014).

145 Вступительные экзамены SAT // Reshit.ru: Помощь в решении задач. Сбор необходимого материала. Онлайн консультации учащихся [Электронный ресурс]. URL: http://reshit.ru/SAT_test (дата обращения: 15.04.2014).

стве данного типа, но вовсе не означал, что у него имеются познания, необходимые для учебы в определенном вузе. Как я уже писал в главе 2, вузы в СССР имели узкоспециализированную направленность. Фактически все советские вузы были институтами (аналогами немецких «Fachhochschule» или французских «Grande Ecole»), университетов в западном смысле как учреждений общего универсального высшего образования в СССР не было (как я уже показывал, наши университеты были мультиинститутами). *Вузы СССР занимались не классовой, а сословной специализацией, готовили из школьников — выходцев из разных сословий — представителей определенного профессионального сословия (и его подразделений)*. Дети рабочих, крестьян, мелких служащих, попадая в те или иные вузы, меняли свой сословный статус и становились инженерами, докторами, преподавателями высшей школы и т. д. Поэтому сначала требовалось выяснить, подходит ли тот или иной абитуриент для сословной социализации в данном направлении, для этого и был нужен второй экзамен — *вступительный экзамен в вуз* (тогда как на Западе он не требовался, потому что западный университет дает общее образование, да и выбор специализации студент производит уже внутри университета, как правило, после второго курса)¹⁴⁶.

Итак, наш единый госэкзамен отличается от западного школьного тестирования хотя бы тем, что ЕГЭ проводится во всех школах России, а не только в школах для элиты (собственно, у нас так и не возникло «школы двух коридоров», подобной западной; есть, конечно, школы, где учатся дети элиты, и школы, где учатся дети попроще, но программы в них более или менее схожие и выпускной экзамен там сдают один и тот же, а их аттестаты дают одинаковые права). Высшее образование, нацеленное на сословную социализацию, и требует такой единой, бессословной школы как резервуара, из которого черпают человеческий материал вузы, воспроизводящие те или иные профессиональные сословия.

Второе очень важное, принципиальное отличие западного школьного тестирования от нашего ЕГЭ состоит в том, что на Западе нет плавающего минимального балла, ежегодно устанавливаемого министерством. Например, во Франции по итогам всех устных и письменных экзаменов выпускник должен набрать не менее 10 баллов (по 20-балльной шкале) за каждый экзамен (независимо от предмета, который он сдает). Только тогда он получит вожделенный ВАС — диплом, дающий

146 Обратим внимание, что во французские «Grande Ecole», напоминающие советские институты, нельзя поступить по результатам лицейского ВАС, как в университеты Франции, туда требуется сдавать вступительные экзамены, правда, хороший результат ВАС дает право на поступление на подготовительное отделение «Grande Ecole».

право записаться в университет (по специальности, предметы которой входили в ВАС, выбранный лицеистом). Точно так же в Германии право на поступление дает только «Abitur», сданный на минимальный проходной балл. Иначе говоря, на Западе проходной балл связан с минимально допустимым уровнем знаний по данной специальности, представляющим собой постоянную величину.

В России специальный государственный орган — Федеральная служба по контролю в сфере образования и науки — не только занимается организацией и проведением ЕГЭ по всей стране, но и ежегодно устанавливает свой минимальный балл по каждому предмету, по которому осуществляется сдача ЕГЭ (причем до последних лет его устанавливали не до, а после экзаменов). *Таким образом Рособрнадзор получает возможность регулировать количество поступающих в вузы в Российской Федерации каждый год (установив высокий минимальный балл, снизить количество студентов в вузах, уменьшив минимальный балл — увеличить), а также регулировать количество абитуриентов, поступающих в вузы того или иного направления (например, установив низкий минимальный балл по математике и физике, увеличить количество студентов в вузах естественнонаучного и технического профиля)*¹⁴⁷. Поскольку ЕГЭ в России в отличие от своих западных «аналогов» носит обязательный характер и сдается лишь раз в году, то решения Рособрнадзора фатальны для абитуриентов. Нам представляется, что Юрий Неретин совершенно правильно уловил главную функцию российского ЕГЭ: «Основная идея ЕГЭ — написать единый вариант, который создал бы единую шкалу для всех выпускников школ. Далее он позволяет распределить всех выпускников школ по вузам и ссузам России»¹⁴⁸. Иначе говоря, *ЕГЭ — это форма государственного раздатка права получения высшего образования вообще и того или иного его профиля в частности*. Конечно, в России и до введения ЕГЭ, когда были вступительные экзамены в вузах, существовал также госраздаток такого рода, но это был мягкий раздаток. ЕГЭ — гораздо более жесткая форма раздатка. Как часто бывает у нас, под флагом внедрения западных и либераль-

147 Причем минимальный балл «отвязан» от необходимого наименьшего уровня, соответствующего уровню абитуриента, пригодного для обучения в вузе. Например, в советские времена абитуриент, сделавший в сочинении более 8 ошибок, не поступал в вуз, теперь устанавливают такой минимальный балл, что поступают и с 6 и более ошибками.

148 Неретин Ю. Логическая задача. Зачем был введен ЕГЭ? // Нет реформе образования! Мы против Закона 83-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://netreforme.org/kritika-reformyi/yuriy-neretin-logicheskaya-zadacha-zachem-byil-vveden-ege/> (дата обращения: 15.04.2014).

ных форм и институтов происходит углубление и усиление наших традиционных российских раздаточных социальных механизмов.

ЕГЭ как инструмент государственного управления потоками абитуриентов решает несколько задач, о которых говорилось в самом начале главы. При помощи ЕГЭ можно сократить общее количество студентов вузов, тем самым высвободив человеческие ресурсы, например для армии. Можно перенаправить абитуриентов в вузы того направления, которое нужно государству в данный момент (например, из юридических вузов в вузы технического направления, абитуриенты пойдут туда, лишь бы поступить в какой-нибудь вуз). Таким образом, можно вообще уничтожить негодные вузы, лишая их значительного количества абитуриентов (тем более что в последние годы одним из главных показателей эффективности вуза считается средний балл ЕГЭ поступивших в этот вуз, зависящий, по сути, от решения министерства, устанавливающего минимальный балл ЕГЭ).

Казалось бы, очень удобный инструмент, позволяющий, действительно, решать насущные проблемы: всякий согласится, что в стране перепроизводство вузов и студентов, причем наблюдается крен в сторону гуманитарных направлений. Проблема, однако, в том, что наши вузы, в силу узкоспециальной направленности даваемого в них образования, нуждаются во вступительных экзаменах в самом вузе, чтобы выяснить, сможет данный конкретный абитуриент освоить программу данного вуза или нет. Единый общенациональный экзамен им противопоставлен. После введения ЕГЭ в эти вузы хлынули массы абитуриентов, совершенно непригодных для получения образования в данном вузе, но их необходимо принимать и невозможно отчислить в процессе обучения в силу того, что от их присутствия зависит финансирование вуза. Конечно, и раньше, в ходе массовизации высшего образования в 1990-е, подобные факты имели место, но не в таком масштабе: приемные комиссии при вузах все же отбраковывали совсем уж профнепригодных абитуриентов. Теперь их невозможно не принять, если они имеют соответствующий высокий балл ЕГЭ, зачастую вовсе не отражающий их реальных знаний. Кроме того, сторонники ЕГЭ сетовали на то, что разные приемные комиссии в разных вузах предъявляли разные требования к поступающим, а нужен один стандартный и унифицированный набор требований, который якобы и обеспечивает ЕГЭ. Но оказалось, что ЕГЭ обеспечивает это лишь на бумаге, в реальности все зависит от уровня строгости той ли иной конкретной комиссии (в тех регионах, где комиссии были не очень строгие, школьники получали и по 90—100 баллов, не заслуживая такого результата). С другой стороны, участилось давление из Москвы на региональные комиссии с негласными требованиями ни

в коем случае не ставить 100 баллов под угрозой проверки и аннулирования результатов, в итоге школьники, знающие предмет на «отлично», не могут получить заслуженные оценки.

Да и само снижение минимального балла, как уже говорилось, тоже вызывает много вопросов. Так, в 2011 году минимальный балл по математике равнялся 24 из 100 возможных¹⁴⁹. Грубо говоря, если школьник решил правильно четверть из предложенных ему заданий, то он уже имел шанс поступить в соответствующий вуз (особенно если там нет большого конкурса). Однако в советские времена четверть правильно решенных заданий означала твердую «двойку» (половина правильно решенных заданий — «тройку», более 75% — «четверку»). То есть в 2011 году в технические и математические вузы (и подразделения вузов) России поступили абитуриенты с таким уровнем подготовки, с каким в 1981 г. в вуз, как говорится, «на порог не пускали». Как показывает опыт, зачастую у них отсутствуют важнейшие знания, без которых учеба по узкоспециальной программе невозможна.

4.3. БОЛОНСКАЯ РЕФОРМА: УКРЕПЛЕНИЕ РАЗДАТОЧНОГО ВУЗА

Вторая масштабная реформа 2000-х была связана с вступлением России в Болонскую конвенцию. Болонскую реформу наши власти проводили, также не обращая внимания на многочисленные протесты общественности. И так же, как и в случае с введением ЕГЭ, и сторонники, и противники реформы были убеждены, что власти просто переносят на российскую почву западную культурную матрицу (западный гумбольдтовский «либеральный» университет), тогда как на самом деле происходило создание специфически российского, непохожего на западный феномена (двухуровневого раздаточного вуза). Под покровом либеральных словес у нас возник новый, ранее не существовавший тип раздаточного вуза, требующий меньше расходов со стороны государства и гораздо в большей степени подчиненный государству и контролируемый им же в лице Минобрнауки. Но обо всем по порядку.

Болонская реформа в России предполагала следующие изменения, которые внешне делали российские вузы похожими на западные:

149 Минимальный балл по математике // Мое образование [Электронный ресурс]. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/minimalniy_ball_po_matematike.html (дата обращения: 15.04.2014).

- введение двухуровневой системы (бакалавриат — магистратура);
- введение курсов по выбору;
- введение системы кредитов (зачетных единиц) и балльно-рейтинговой системы;
- провозглашение академической мобильности и принятие некоторых мер по ее юридическому и финансовому обеспечению.

Однако, как уже говорилось, сходство получилось только внешнее. Наши российские бакалавриат и магистратура, равно как наши российские курсы по выбору, система кредитов, академическая мобильность и т. д., оказались совсем не похожими на западные аналоги, зато они органично (хотя и не без потерь) вписались в отечественную «раздаточную модель образования».

Рассмотрим это подробнее¹⁵⁰.

Бакалавриат и магистратура на Западе и в России. Бакалавриат на Западе называют undergraduate, т. е. подготовительное образование¹⁵¹. Имеется в виду, что бакалавриат — подготовка к магистратуре, которая дает более глубокое специализированное, профессиональное образование, и именно поэтому **как раз западная магистратура может рассматриваться как своеобразный аналог привычного нам российского высшего профессионального образования (специалитета)**¹⁵². Сам же по себе бакалавриат представляет собой лишь, так сказать, общее высшее образование: «В целом можно считать, что американская (шире говоря — западная. — Р. В.) степень бакалавра... не может свидетельствовать о законченной профессиональной подготовке и научной специализации выпускника и гарантирует лишь определенный общеобразовательный уровень и первичную подготовку»¹⁵³. Это означает, что, получив диплом бакалавра (даже так называемого «профессионального бакалавра», например бакалавра архитектуры, который учится вместо четырех пять лет), невозможно устроиться на работу, где

150 См.: Вахитов Р. Р. Болонский процесс в России // Отечественные записки. — 2013. — № 4 (55).

151 Здесь и далее, говоря о западном высшем образовании, мы имеем в виду не только высшую школу Евросоюза, охваченную Болонской конвенцией, но и вузы США, так как американские университеты были образцом, по которому создавалась «Болонская модель».

152 Бакалавриат США: общая информация // HabraHabr: Крупнейшее в Европе IT-сообщество [Электронный ресурс]. URL: <http://ru/post/76345/> (дата обращения: 15.04.2014).

153 Система подготовки бакалавров менеджмента // Литературная курилка: Бесплатная библиотека онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://chtivo.biz/sholohov-mihail/262-m.sholohov_podnjataja_celina.html (дата обращения: 15.04.2014).

требуется узкая специализация. Западные вузы на уровне бакалавриата не готовят врачей-терапевтов, инженеров-зоотехников или учителей математики, как это делали советские и российские вузы, когда в них был специалитет. Чтобы стать врачом, например в США, нужно сначала окончить бакалавриат (любого профиля, но желательно естественнонаучного), а затем поступить в специальную медицинскую школу¹⁵⁴.

Распространен на Западе академический бакалавриат, где готовят бакалавров наук (Bachelor of Science) и бакалавров искусств (Bachelor of Arts). Но диплом бакалавра наук (Bachelor of Science) значит, скорее, что человек изучал естественные и точные науки в широком смысле слова. Формально будущий бакалавр наук получает более узкую специализацию (например, является бакалавром наук в области биологии), однако специализация эта далеко не такая углубленная, как у студента и выпускника российского биофака, хотя бы потому, что западный студент может выбирать себе курсы и, скажем, вместо микробиологии записаться на историю. Точно так же дело обстоит и со степенью бакалавра искусств (Bachelor of Arts). Работать он может в самых разных сферах, а не только по своей специализации, так, бакалавр искусств в области английской филологии может заниматься ресторанным бизнесом (это реальный пример).

Итак, бакалавриат на Западе (и так называемый профессиональный, и академический) фактически готовит просто образованных людей с широким кругозором и с минимальной специализацией, причем, как правило, для сферы бизнеса, так, в США подавляющее большинство бакалавров — бакалавры управления бизнесом¹⁵⁵. Это и есть результат классового высшего общего образования, о котором мы говорили выше. Обладатель диплома бакалавра может устроиться в любой области, но для получения хорошей должности ему придется продолжить учебу в магистратуре или в специальной школе (типа медицинской). Зато бакалавру легко сменить профессию именно потому, что глубокой профессиональной специализации у него нет¹⁵⁶. Именно

154 Медицинское образование в США: как стать врачом в Америке // Students International: Образование за рубежом, учеба за границей, обучение за рубежом — 43 представительства в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studinter.ru/us/tips267.html> (дата обращения: 15.04.2014).

155 Образование в США // York University [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netuniversity.lv/?wp=29&lg=3> (дата обращения: 15.04.2014).

156 Тихоокеанский государственный университет. Факультет природопользования и экологии // Официальный сайт ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет» [Электронный ресурс]. URL: <http://ipe.khstu.ru/bakalavr/> (дата обращения: 15.04.2014).

это и является преимуществом с точки зрения рынка, ведь на рынке постоянно происходит смена технологий, технических новинок, способов организации производства и т. д., и чем уже специализация у человека, тем сложнее его переучивать.

При поступлении в бакалавриат вуза западный студент не обязан даже выбирать себе специализацию (то есть он не учится конкретно на кого-нибудь: на инженера-нефтяника или учителя физики, как студент российского вуза). Достаточно, чтобы первокурсник выбрал ведущую основную дисциплину (major), например, математику, физику, историю, философию. Впрочем, и это не обязательно; в случае сомнений можно выбрать сразу несколько таких ведущих дисциплин, например математику и историю. Более того, руководство вуза настаивает на том, чтобы студент-первокурсник выбрал несколько таких дисциплин, даже если он с уверенностью говорит, что хочет изучать именно математику и ничто другое его не интересует, ему порекомендуют попробовать еще походить на лекции и семинары по филологии. Младшекурсник должен попробовать себя в разных областях¹⁵⁷. Вплоть до конца второго курса он слушает курсы в основном по своему выбору (и минимум обязательных курсов по ведущей дисциплине) на самых разных факультетах, причем зачастую между этими курсами нет никакой сущностной связи. Его даже трудно отнести к какому-либо конкретному факультету. В этом суть философии образования, которая лежит в основе западного бакалавриата — Liberal Arts and Sciences. И лишь затем на третьем и четвертом (если таковой есть) курсах бакалавриата соотношение профессиональных дисциплин и выбираемых студентом дисциплин «по интересам» изменится в пользу профессиональных. Однако все равно узкой специализации у студента не будет, например, если он будет изучать математику как обязательную дисциплину, то это все равно будет общая элементарная математика¹⁵⁸ (и поэтому даже на старших курсах студент с легкостью может переходить с отделения на отделение и с факультета на факультет, их программы не сильно различаются).

Магистратура же называется на Западе graduate, то есть выпускное образование. Магистратура на основе знаний, полученных при об-

157 См.: Карамаяев С., Иванов Д. Чей университет лучше // Lenta.ru — новостная лента [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2004/12/10/education/> (дата обращения: 15.04.2014).

158 В Интернете есть интересное сравнение курсов, которые изучаются в МФТИ и в Массачусетском технологическом институте, которое не в пользу Массачусетского института. См.: Ульянов Д. Бакалавры из США и первокурсники из России // Официальный сайт Московского физико-технического института [Электронный ресурс]. URL: <http://mipt.ru/dcam/abitur/edu/usavsrf.html> (дата обращения: 15.04.2014).

учении на бакалавриате, дает более узкое специальное, практическое образование. Продолжается она от 1 года до 3 лет, и поступают в нее далеко не все, кто окончил бакалавриат. Специалисты, получившие диплом магистра (мастера), очень высоко ценятся на рынке труда и, конечно, зарабатывают больше, чем бакалавры. Магистратура дает возможность пойти в докторантуру и защитить диссертацию на степень доктора (которая открывает путь к научной карьере, хотя доктор на Западе может работать и, например, в сфере бизнеса или в средней школе). Повторим, что именно магистратура больше всего напоминает российское традиционное высшее образование с его уклоном в специализацию¹⁵⁹. Точного аналога бакалавриата у нас вообще нет.

Бакалавриат, появившийся в России после нашего присоединения к Болонскому процессу, — это вовсе не западный бакалавриат. Это наш родной российский специалитет, только ужатый до 4 лет (за счет сокращения одних курсов и ликвидации других). В России человек, поступивший на первый курс бакалавриата какого-либо факультета, как и раньше при специалитете, сразу начинает получать знания в узкой специальной области. Если он поступил на физфак, ему сразу начинают читать физику и высшую математику, если на русский филфак — современный русский язык и историю русской литературы. Программы подготовки бакалавров первого и второго курса физического и филологического факультетов в российских вузах не совпадают более чем на две трети (общими лишь являются такие предметы, как философия или история Отечества). В связи с этим и переход с одного факультета на другой в России затруднен, равно как и выбор дисциплин на другом факультете (студент второго или третьего курса бакалавриата по физике, даже если бы ему позволили выбрать спецкурс на филфаке, ничего бы в нем не понял, потому что это узкоспециальный курс, освоение которого предполагает освоение всех остальных дисциплин, читаемых на филологическом факультете начиная с 1 курса). Вместе с тем суть бакалавриата — в самостоятельном формировании студентом своей образовательной траектории, у бакалавра на Западе, в отличие от магистра, гораздо больше предметов по выбору, чем обязательных профессиональных предметов. Предназначение бакалавра — не работать в узкой профессиональной нише, а гибко перестраиваться, приспосабливаясь к конъюнктуре рынка.

159 Бакалавриат США: общая информация // HabraHabr: Крупнейшее в Европе IT-сообщество [Электронный ресурс]. URL: <http://habrahabr.ru/post/76345/> (дата обращения: 15.04.2014).

Наши реформаторы от образования просто отождествили бакалавриат и специальное профессиональное высшее образования даже на уровне законов. Согласно Федеральному закону РФ от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «диплом бакалавра является документом, которым подтверждается завершение **высшего профессионального** (выделено мной. — Р.В.) образования»¹⁶⁰.

Наша российская магистратура, нося то же имя, что и магистратура в западных вузах, также отличается от последней по своему предназначению. На Западе магистратура дает выпускнику бакалавриата, уже получившему общее образование, профессиональную специализацию. У нас студент получает специализированное профессиональное образование уже в бакалавриате. *Магистратура вследствие этого превращается в своеобразное преддверие аспирантуры. Наша магистратура выпускает не высококвалифицированных специалистов для производства, бизнеса, государства, сферы здравоохранения и т. д., а ученых и вузовских преподавателей низшего звена.* Российский выпускник магистратуры — это ассистент без степени, который чаще всего идет в аспирантуру (у него нет другого выбора, потому что по факту он преподаватель высшей школы, но с самой низкой должностью и зарплатой, и без карьерного роста другой зарплаты ему не добиться) и после защиты кандидатской диссертации становится полноправным преподавателем.

Итак, переноса западного двухуровневого образования на российскую почву не получилось. У нас сохранилась наша традиционная модель: специалитет — аспирантура. Только специалитет ужали до 4 лет, и теперь он называется бакалавриат (за счет утери значительного количества часов и качества подготовки специалистов), а аспирантуру, наоборот, растянули на 5 лет, и теперь она имеет два цикла: магистратуру, которая завершается защитой «пробной» магистерской диссертации (2 года), и собственно аспирантуру, которая завершается защитой «настоящей» кандидатской диссертации (3 года).

Курсы по выбору на Западе и в России. Другое важнейшее требование, предъявляемое к российской высшей школе идеологами Болонской реформы, состояло во введении курсов по выбору. На Западе изучаемые в вузе дисциплины разделяются на предметы по основной специализации (major field), которые назначаются администрацией факультета

160 КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/education/> (дата обращения: 15.04.2014).

данного вуза, и курсы по выбору (*electives* или *free electives*), которые выбирают сами студенты при помощи научных руководителей (тьюторов). Курсы по выбору на Западе разделяются на два вида: дисциплины ограниченного выбора, предлагаемые кафедрами и департаментами (иногда их называют обязательными курсами по выбору), и дисциплины свободного выбора (другое их название — элективные курсы). Обязательные курсы по выбору — это курсы, принадлежащие к кругу дисциплин, связанных со специализацией студента (например, для филолога это такая дисциплина, как второй иностранный язык); несколько курсов данного круга студент должен выбрать, изучить и сдать. Элективные курсы — это курсы, не ограниченные специализацией студента, в принципе это любые курсы, которые читаются в данном или любом другом университете на любом факультете. Студент должен набрать этих курсов на определенное количество кредитов¹⁶¹.

В среднем дисциплины по выбору составляют около 30—40% от общего числа дисциплин, причем от курса к курсу их количество растет, так что на последнем курсе бакалавриата они могут составлять значительную часть образовательной программы¹⁶².

Выбирая себе те или иные курсы по выбору и факультативы, студент на Западе формирует свой индивидуальный учебный план (причем учебный план и расписание вуза при этом построены таким образом, что студент реально может осуществить свое право на выбор курсов). Естественно, выбранные дисциплины у разных студентов могут быть разные; так, два выпускника, получившие степень бакалавра наук, должны были прослушать лишь общий профессиональный минимум, но разные курсы по выбору: один слушал, скажем, квантовую механику, а другой — спецкурс по авангардистской живописи. При этом студент не ограничен временными рамками и у него нет обязанности выбрать определенные дисциплины именно на данный год. И уж, ко-

161 К примеру, бакалавр теологии Афинского университета за 4 года обучения должен прослушать и сдать 20 обязательных курсов, 27 — обязательных по выбору и не менее 12 элективных курсов (из 61 курса, предлагаемого на данном факультете, но студент может выбрать курс и на другом факультете и в другом университете). См.: Об основных аспектах функционирования теологических факультетов в вузах Европы: Доклад на заседании комиссии по вопросам духовного образования и религиозного просвещения Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви в г. Киеве 14 мая 2010 г. // Официальный сайт Санкт-Петербургской православной духовной академии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbda.ru/academy/a-4.html> (дата обращения: 15.04.2014).

162 Система подготовки бакалавров менеджмента // Литературная курилка: Бесплатная библиотека онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://chtivo.biz/sholohov-mihail/262-m.sholohov_podnjataja_celina.html (дата обращения: 15.04.2014).

нечно, если он не сдаст какую-либо дисциплину, никто его за это не исключит из числа студентов, просто он будет сдавать или изучать ее еще раз (если студент получил низший балл, не предполагающий права пересдачи по этому предмету, то он выберет и будет сдавать другой). Есть лишь три исключения: если студент не сдал слишком много предметов и имеет очень низкий рейтинг (количество академических кредитов), если студент получил по обязательному предмету балл, не предполагающий права пересдачи, или если он совершил грубое нарушение правил учебы (например, плагиат в письменной работе).

В СССР и в России до присоединения нашей страны к Болонскому соглашению была иная ситуация. Студенты всех вузов подчинялись единому учебному плану, основы которого разрабатывались министерством, а детали дорабатывались в конкретных вузах, при этом планы разных вузов фактически не отличались по содержанию (различия были связаны лишь с тем, что в разные вузы в разные годы поступало разное количество студентов, и с тем, что там читались разные спецкурсы). Предметы разделялись на общие, которые слушал весь поток (студенты, учившиеся на одном курсе одного факультета), и спецкурсы, которые студенты слушали в зависимости от специализации (причем на каждом курсе нужно было сдать определенный набор предметов, в случае несдачи которых студента ждало исключение). На третьем курсе советского вуза каждый студент выбирал себе специализацию, прикреплялся к соответствующей кафедре и слушал читаемые преподавателями данной кафедры спецкурсы, в которых углубленно подавался материал общих курсов. Спецкурсы советских вузов, конечно, были тоже своеобразными курсами по выбору, но студент выбирал тут не каждый отдельный курс, а весь набор спецкурсов на три года, выбрав ту или иную специализацию после второго курса. Причем спецкурсов было немного, всего 1-2 в год¹⁶³.

После нашего вступления в Болонский процесс у нас посредством законодательных актов, исходящих от правительства и Министерства образования и науки, попытались внести соответствующие изменения в образовательные программы вузов России. Рассмотрим это на примере действующих ныне ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов, разрабатываемых министерством и утверждаемых председателем правительства РФ), принятых в 2010 году. Они предусматривают, что все дисциплины, которые должны изучить студенты (бакалавры и магистры) того или иного направления

163 Существовали некоторые аналоги курсов по выбору, такие как иностранные языки или факультативы; см. подробнее о них в указанной статье.

(специальности), разделены на базовые и вариативные (профильные). Базовые курсы указаны во ФГОС и подлежат обязательному изучению. В каждой части или цикле базового набора дисциплин (Б1 «Гуманитарный, социальный и экономический цикл», Б2 «Математический и естественнонаучный цикл» и Б3 «Профессиональный цикл») министерство указывает около половины дисциплин, если исходить из количества кредитов. Например, ФГОС ВПО бакалавра философии в части Б3 предусматривает 75–70 кредитов на базовые дисциплины (1 кредит — 36 часов) из 150–160 кредитов.

Остальные дисциплины могут выбрать преподаватели и представители администрации университетов и факультетов, внося их в соответствующую ООП, которая утверждается ректором. В прежних ГОСах министерство давало список рекомендуемых дисциплин, примерно тех же самых, которые содержались и в советских учебных планах по данному направлению (специализации). В принципе вузы (руководство вузов и факультетов, но не отдельные студенты) могли выбрать из этого списка что угодно, а также прибавить к нему что-то еще, но фактически они старались придерживаться рекомендуемого министерством списка, как минимум, по трем причинам:

- 1) в вузах сложилась традиция преподавания именно этих дисциплин и есть преподаватели, которые их читают;
- 2) лицензирование программ, да и самих вузов осуществляется министерством, которое, естественно, при этом исходит из приоритета дисциплин, которые указаны в его списке;
- 3) российская система высшего образования ориентирована на выпуск специалистов, а для этого требуется изучение определенного жесткого набора дисциплин, который трудно изменить.

В ФГОС 2010 года списка рекомендуемых дисциплин нет, но фактически они указаны в списке компетенций, которые должны приобрести студенты в результате обучения, например, ПК-9 (профессиональная компетенция) для бакалавров-философов звучит как «умение использовать в профессиональной деятельности знание традиционных и современных проблем философии религии (становление и развитие философии религии в древности, Средние века, Новое время; современные концепции религии) (ПК-9)». Хотя предмета «Философия религии» нет в базовом компоненте, очевидно, что ни один философский факультет России не сможет без него обойтись.

Базовый сегмент, составляющий до 50% от образовательной программы бакалавра (в специалитете и магистратуре соответственно — 70% и 30%), более или менее совпадает на одних и тех же направлениях

во всех вузах России. Естественно, эти курсы являются обязательными для студентов.

Дополнительные вариативные курсы разделяются на обязательные (которые студенты также не выбирают и которые назначаются им администрацией) и курсы по выбору (то есть в идеале свободно избираемые самими студентами), причем последние должны составлять не более 1/3 от вариативной части. Предусмотрены даже индивидуальные учебные планы студентов, куда студенты при помощи академических консультантов (аналогов западных тьюторов) должны вносить выбранные ими курсы.

Сразу обратим внимание на отличия наших курсов по выбору от западных.

У нас их предоставлено куда меньше, лишь 1/3 от вариативной части. Если исходить из того, что соотношение базовых и вариативных курсов 50:50, то курсы по выбору составляют не более 1/6, или менее 20% от общего объема образовательной программы. Но не это самое главное.

Наш курс по выбору — это курс, который закреплен на определенном участке учебного плана и расписания. То есть в определенном семестре студент должен выбрать предмет из двух-трех предлагаемых, которые по учебному плану должны быть изучены и сданы именно в данном семестре. Он не может перенести его на другой семестр или год (и таким образом сдать все два или три курса), как западный студент.

Кроме того, в реальности российский студент, в отличие от западного, не может выбрать курс на другом факультете. Мы уже указывали и на причину этого: в российских вузах курсы читаются в определенной последовательности, установленной администрацией. Как правило, понимание одного курса предполагает знание материала предыдущих курсов (как обязательных, так и курсов по выбору). К тому же такая жесткая специализация начинается очень рано, с первых курсов. Таким образом, студент с другого факультета просто ничего не поймет в спецкурсах, читающихся на данном факультете.

Иначе говоря, у нас нет элективных курсов, а есть лишь некое подобие западных обязательных курсов по выбору. Студент выбирает не из 80 курсов (сумма обязательных курсов по выбору и элективных курсов), а лишь из 2-3 в каждом конкретном случае.

Наконец, несдача курса по выбору, как и любого другого курса, лишает студента возможности учиться дальше и ведет к его отчислению.

Есть и другая сторона вопроса. В реальности, а не на бумаге в российских вузах сама свобода выбора курсов сильно ограничена.

Начнем с того, что индивидуальные рабочие планы в большинстве наших вузов, особенно в провинции, — редкость. Их имеют те студенты, которые учатся неполный день в силу занятости (болезни), по разрешению деканата, либо студенты, которые совмещают обучение на разных факультетах. Подавляющее большинство студентов изучает курсы по выбору как обязательные курсы, причем кафедры, деканаты и учебно-методические управления вузов делают все возможное, чтобы неофициально ограничить индивидуальную свободу учебы студентов. Это делается разными способами, которые, тем не менее, известны всем, кто работает в сфере высшего образования. Отдельные преподаватели и администрация факультета могут вообще не информировать студентов о том, что у них есть некие курсы по выбору. Студент в России подчиняется расписанию занятий, которое разрабатывается деканатом и утверждается ректором; о том, что ему предстоит прослушать тот или иной предмет, студент, как правило, узнает из этого расписания. Только меньшинство студентов интересуется при этом учебным планом, в котором указано, является ли этот предмет обязательным или курсом по выбору. Достаточно посетить сайты различных российских вузов, чтоб увидеть, что далеко не все из этих вузов обнародуют в сети учебные планы, а из реплик на интернет-форумах ясно, что в некоторых вузах деканаты и УМУ отказывают студентам, если те обращаются с просьбами показать учебные планы (хотя это нарушение закона об образовании).

Но даже там, где объявляют, что какой-либо курс является курсом по выбору, преподаватель может прозрачно намекнуть, что если группа не выберет его курс, то она не сдаст и обязательный курс, который читает у них этот же преподаватель. Иногда то же самое делает деканат, принуждая студентов выбрать курс всей группой. Деканат может даже предоставить выбор между несколькими дисциплинами по выбору, но выбирать должна вся группа, а не отдельные студенты. Те студенты, которым не нравится этот курс, подчинятся мнению большинства.

Чаще всего поступают еще проще: курсы по выбору оформляют как спецкурсы по определенной специализации; выбирая специализацию (кафедру), студент получает целый набор дисциплин, которые читаются преподавателями данной кафедры и которые формально, по учебному плану — курсы по выбору, а фактически — обязательны для студентов данной специализации (их можно сменить, только сменив специализацию). В этих случаях в учебных планах значатся курсы по выбору, но не предлагается альтернатива (два разных курса, читаемых разными преподавателями); указан один курс, одна

фамилия преподавателя и примечание — курс по выбору. Индивидуальных учебных планов в этом случае тоже нет, нет на сайте вуза и разъяснения: как выбирать «элективный» курс (потому что реально такой выбор не производится).

Но даже в тех вузах (как правило, столичных или провинциальных классических и тем более федеральных университетах), где у студентов есть возможность выбрать курс в индивидуальном порядке из двух и более вариантов, происходит это не совсем так, как на Западе. На Западе элективный курс могут выбрать и один, и два студента, преподаватель все равно будет им читать курс, хотя в этом случае он получит гораздо меньшую зарплату, чем коллега, на курс которого записались 20 человек. У нас, если какой-либо курс выберет очень малое количество студентов (например, в ВШЭ это менее 10 у бакалавров и менее 5 у магистров), курс просто не будет читаться, а студентам предложат выбрать другой курс¹⁶⁴. Сами деканаты это объясняют тем, что количество аудиторий в российских вузах ограничено, и аудитории рассчитаны на стандартные группы — по 20—30 человек (каковой была средняя группа в советские времена) или на потоки (70—100 человек), каковым в советских вузах читались лекции по общим предметам (вроде философии или научного атеизма).

Далее, в столичных вузах, если студент сам не производит выбор (например, ему не нравится ни один из предлагаемых курсов или он просто слишком долго думал), то администрация факультета без учета его желания определяет его в группу, слушающую курс по выбору у того или иного преподавателя. Это называется «доукомплектация групп», и этот принцип провозглашен в ряде нормативных документов ведущих российских вузов (так, параграф 4.4 Регламента ВШЭ гласит: «Не записавшиеся в срок студенты распределяются по дисциплинам по выбору по решению декана факультета/заведующего отделением в бакалавриате и специалитете или руководителя магистерской программы в магистратуре», то же говорится в положении о курсах по выбору факультета прикладной математики СПбГУ¹⁶⁵ и т. д. Причем деканат формирует группы стандартных размеров —

164 Регламент ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/993/202/1241/Правила_выбора.doc (дата обращения: 15.04.2014).

165 Положение об организации и проведении дисциплин (курсов) по выбору. Факультет ПМ-ПУ СПбГУ // Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apmath.spbu.ru/docs/metod/1350396274.pdf> (дата обращения: 15.04.2014).

из 20—25 человек — также из расчета оптимально использовать аудиторный фонд.

Обратим внимание на то, что *одновременное применение принципа нижней границы численности групп и принципа доукомплектации групп может привести и приводит к полному исключению индивидуального выбора студентов*. Положим, ни на один из предложенных курсов по выбору не записалось 10 студентов-бакалавров и 5 студентов-магистров. В этом случае деканат имеет законное право перераспределить студентов так, как ему заблагорассудится, то есть превратить курсы по выбору (как они будут продолжать именоваться в учебных планах и расписании) де-факто в обязательные курсы. Думаем, очень часто так оно и бывает. Мы не располагаем статистикой такого рода, но наш опыт показывает, что в студенческой группе из 20—25 человек лишь 3—4 учатся из-за увлеченности наукой и именно они и захотят выбрать тот или иной курс (причем интересы у них не обязательно совпадают). Остальные либо заинтересованы лишь в хороших оценках, либо вовсе хотят с минимальными усилиями добраться до конца учебного цикла и получить вождеденный диплом. Возможно, они даже не станут брать курсы по выбору, потому что им все равно. Есть и отдельные фактические данные, подтверждающие это; в отчете об образовательной деятельности РГПУ им. А. И. Герцена за 2004/2005 учебный год говорится, что из 123 предложенных курсов по выбору удалось организовать лишь 16, потому что на остальные записались от 2 до 6 студентов¹⁶⁶.

На примере попытки внедрения реального выбора студентами курсов в столичных вузах мы можем увидеть, *что* в нашей системе сопротивляется переходу к свободе учебы, существующей в западных университетах. Работа преподавателя у нас организована плановым образом (как и всегда бывает в случае раздатки). Каждый преподаватель в конце учебного года получает «карточку поручений» — документ, в котором указана его учебная нагрузка на следующий год в академических часах (сколько он должен провести занятий, принять зачетов и экзаменов и т. д.). Эта нагрузка у преподавателей одной и той же категории примерно одинакова (у ассистента — 900 часов, у доцента — 800, у профессора — 700 и ниже). Нагрузка соответствует ставке — объему работ, за который выплачивается фиксированная заработная плата. Преподавателю при этом гарантируется

166 Итоги 2004/2005 учебного года и задачи университета на 2005/2006 учебный год в контексте II этапа модернизации образования // Официальный сайт Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена [Электронный ресурс]. URL: <http://www.herzen.spb.ru/main/activity/education/edu-report-04-05/> (дата обращения: 15.04.2014).

определенное стабильное денежное содержание, а администрации легче составлять расписание, распределять аудиторный фонд. Введение свободы учебы приведет к тому, что работа наших вузов будет парализована. Отсюда и попытки нейтрализовать негативные последствия свободы учебы студентов при помощи принципов доукомплектации групп или минимального порога численности групп (а также менее изящных ухищрений, описанных выше). Ясно, что студентов, которые не успели или не захотели реализовывать выбор, деканат распределит в группу того профессора или доцента, который пользуется наименьшей популярностью у студентов (чтобы дать и ему возможность выполнить план по нагрузке; хотя ему и попадутся самые слабые студенты, свою зарплату он получит). Группы же будут сформированы таким образом, чтоб хватило аудиторий.

Итак, вторым принципиальным требованием Болонской реформы было введение в российских вузах курсов по выбору (то есть курсов, которые выбирает сам студент). Формально они были введены во всех российских вузах, фактически же в большинстве вузов (прежде всего провинциальных) администрация, применяя всяческие уловки и авторитарный нажим, просто превращает их в обязательные, в небольшом же количестве вузов (прежде всего столичных, ориентирующихся на западные стандарты) свободный выбор студентов сведен к минимуму посредством принципа нижней границы количества студентов в группе и принципа доукомплектации групп. В итоге курсы по выбору превращаются в аналоги обязательных курсов (назначаемых администрацией, а не выбираемых студентами).

Система кредитов (зачетных единиц) на Западе и российские «академические часы». Еще одно принципиальное требование Болонской реформы — введение системы кредитов (зачетных единиц). На Западе она называется European Credit Transfer System (ECTS) — Европейская система перевода и накопления кредитов. Она берет свое начало от системы кредитов, имеющейся в американских университетах. Ее главное предназначение — прозрачность и совместимость образовательных программ разных вузов и разных стран Европы. Дело в том, что ни в Евросоюзе в целом, ни в какой-либо из его стран в отдельности нет единого универсального учебного плана или образовательного стандарта (каковой есть в России). Более того, там, как уже говорилось, до 50% предметов студенты выбирают в индивидуальном порядке, поэтому у двух студентов, получивших степень бакалавра наук даже на одном факультете одного университета, знания не будут идентичными (они, конечно, прослушали и сдали

общий необходимый минимум, но один студент при этом добирал курсами по выбору на филологическом факультете, а другой — на юридическом). Что уж говорить о студентах, которые учатся в разных вузах одной и той же страны и тем паче в разных странах Евросоюза! Они слушали курсы, которых в других университетах вообще нет. Но как же быть в случае, если, скажем, студент поучился один год в германском вузе, а затем переехал во Францию и выразил желание доучиться во французском университете или поступил в вуз в Дрездене, затем перевелся в Бонн, проучился там год, а затем снова вернулся в дрезденский университет? Он привез с собой документ, в котором указано, какие курсы он прослушал и сдал в другом вузе, но в данном вузе большинства из этих дисциплин просто нет.

С этой целью образовательные программы всех вузов — участников Болонского соглашения были разделены на элементарные части. За освоение каждой такой элементарной части (в каком бы вузе это ни происходило) студент получает одну зачетную единицу («кредит»). В сущности, кредит — это объем трудоемкости обычно для Запада семестрового учебного курса, «преподаваемого при одном лекционном часе (50 мин.) в неделю вместе с выделяемыми на этот курс часами практических занятий, лабораторных работ, самостоятельной работы студента, а также временем, отводимым на оценку освоения этого курса обучаемыми»¹⁶⁷. Вся образовательная программа в любом вузе, входящем в Болонское соглашение, разделена на такие «элементарные курсы» и их совокупности (модули), сдача которых дает студенту 1, 2, 3, 10 и т. д. кредитов. Для перевода на следующий курс нужно набрать 60 кредитов, в семестр — 30, в триместр — 20. Для получения определенной квалификационной степени нужно набрать определенное количество кредитов (около 240 для степени бакалавра и около 300 для степени магистра). В случае продолжения обучения в другом вузе-участнике Болонского соглашения кредиты, полученные ранее, зачитываются, как и полученные в данном вузе.

Итак, *система кредитов позволяет учитывать объем труда студентов в ситуации, когда студенты учатся по разным, не совпадающим по содержанию образовательным программам*. Переводясь в другой вуз, европейский студент не должен досдавать те спецкурсы (курсы по выбору), которые изучали его новые однокурсники, ибо, изучая и

167 Болонский процесс // Социологический факультет МГУ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socio.msu.ru/?s=main&p=bologne&t=04> (дата обращения: 15.04.2014).

сдавая другие спецкурсы (курсы по выбору), он потратил столько же труда (исчисляемого в кредитах), сколько и они.

В России, как уже говорилось во 2 главе, сложилась совершенно иная система учета труда студентов и преподавателей. Ее элементарная единица — академический час, то есть единица объема принудительного труда преподавателя или студента в рамках государственного образовательного раздатка. *Часы по природе своей несопоставимы с кредитами, которые суть объем единицы свободного труда студента в рамках образовательного обмена.* Кредит отражает затраченный студентом труд, независимо от того, что студент изучал — физику или медицину (и напоминает тем самым абстрактный труд рабочего, который есть основа меновой стоимости товара по Марксу; и точно так же, как абстрактный труд рабочего делает возможным сопоставление и обмен разных по качеству товаров, кредит делает возможным сопоставление разных по содержанию образовательных программ¹⁶⁸). Академические часы, отработанные студентом на I курсе физического факультета российского вуза, напротив, не тождественны часам на I курсе химического факультета того же или другого российского вуза, и если студент переводится после первого курса физфака на второй курс химфака, то, сдав экзамены на физфаке, он еще досдаст те дисциплины, которые изучали на химфаке, но которых не было на физфаке (что с точки зрения западной системы несправедливо, ведь в итоге он потратил больше учебного труда, чем его новые однокурсники — химики). Короче говоря, кредиты конвертируются, а часы не конвертируются.

Таким образом, приравнивать определенное число часов к определенному числу кредитов невозможно, так же как невозможно приравнивать килограммы к метрам. Вместе с тем именно это и сделало министерство образования и науки РФ с самого начала Болонской реформы. Оно особым письмом механически приравнило 1 кредит к 36 принятым у нас академическим часам (Информационное письмо Минобрнауки России от 28 ноября 2002 года № 14-52-988ин/13). Это приравнивание легло в основу переработки учебных программ и планов вузов при переходе на Болонскую систему, когда, составляя новую документацию, просто часы заменяли кредитами (например, если курс состоял из 72 часов, писали — 2 кредита). Фактически получилось так, что застрельщики болонской реформы сохранили раздаточное образование, основанное на освоении студентами и пре-

168 См. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. — Т. 1. — Кн. 1. Процесс производства капитала. — Отдел 1. Товар и деньги / Пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. — С. 44.

подавателями спущенного сверху объема часов (после утверждения министерством определенного числа специализаций); только часы они переименовали в кредиты.

О таком исходе специалисты по философии образования предупреждали еще тогда, когда кредиты ввели в отдельных вузах на правах эксперимента: «...Существует опасность, что все сведется лишь к переходу на новую терминологию при сохранении старых приемов и способов преподавания»¹⁶⁹. Их опасения оправдались, и иначе и быть не могло. Сложившаяся в советской России система раздаточного высшего образования не нуждалась в системе кредитов. Как мы говорили в самом начале этого параграфа, на Западе кредиты нужны, потому что у разных студентов и в разных вузах разные образовательные программы и возникает проблема их сравнения. Кредит как единица абстрактного учебного труда студента и был введен для решения этой проблемы. В России не было самой этой проблемы. Учебные планы одних и тех же специальностей (направлений) во всех вузах СССР были унифицированы и утверждались государством на высшем уровне. Разночтения были минимальными, связанными с наличием спецкурсов (курсов, которые читались в вузах имевшимися в них специалистами по выбору кафедры и вуза) и предметов регионального компонента (например, студенты в Башкирии изучали «Историю БАСССР», которой не было у московских студентов). Но спецкурсов и региональных предметов было немного (за весь срок обучения менее десятка), при переводе из вуза в вуз спецкурсы взаимозачитывались (в документах даже не писали название спецкурса, просто, скажем, «спецкурс по русскому языку»). Студент, проучившийся два курса на физфаке в Самаре, а затем переведшийся на физфак университета Хабаровска, фактически изучал те же предметы, поэтому сопоставление индивидуальных учебных планов (даже если таковой у студента имелся бы) было излишним. Нет проблемы — нет надобности в кредитах. Появление курсов по выбору, да еще введенных механически, принципиально ситуацию не изменило.

Итак, еще одно требование Болонского соглашения — введение в наших вузах системы кредитов. Требование это было выполнено формально, кредиты были механически приравнены к определенному количеству

169 Ковтун Е. Н., Харитонов Д. В. Научные подходы к созданию методик расчета объемов учебной нагрузки студентов в кредитных (зачетных) единицах // Информационный бюллетень № 10 Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. — Тверь, 2007 // Филологический факультет МГУ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://philol.msu.ru/Совета_УМО/admin/in/FLE62.doc (дата обращения: 15.04.2014).

академических часов. Иначе быть не могло: единицы исчисления учебного труда в западных и в российских вузах (кредиты и часы) несоизмеримы в силу принципиального отличия процессов обучения на Западе и в России.

Академическая мобильность на Западе и в России. Наконец, осталось сказать о последнем принципиальном требовании Болонской реформы — введении академической мобильности. В документах Болонского процесса академическая мобильность определяется как «ключевой принцип формирования Европейского пространства высшего образования и Европейского исследовательского пространства, предусматривающий многообразные возможности для свободного перемещения европейских студентов, преподавателей и исследователей в этих пространствах в целях аккумулирования на личностном уровне академического и общекультурного потенциала развития национальных систем высшего образования и увеличения их вклада в социально-экономическое развитие своих стран»¹⁷⁰. Фактически речь идет о том, что студенты вузов Европы, входящих в Болонскую конвенцию, могут по собственному желанию переходить на время в другой вуз, учиться там, с тем чтобы по возвращении их в исходный вуз полученные ими кредиты были бы им зачтены (а возможно, эти студенты получили бы и двойной диплом). В странах Европы, входящих в Болонскую систему, уровень учебы студента (за исключением случаев, когда он не сдал базовые дисциплины профессионального цикла), а также его поведение не являются препятствиями для перехода его в другой вуз, а администрации и того, и другого вузов не могут ему в этом мешать.

Более того, согласно Болонской конвенции, «обучение в рамках программ академической мобильности осуществляется бесплатно (студент оплачивает лишь транспортные расходы, расходы на проживание, питание, медицинские услуги, а также занятия вне согласованной программы)»¹⁷¹. Конечно, указанные расходы могут составлять немалую сумму, поэтому в странах Евросоюза предусмотрены финансовые механизмы оплаты этих расходов за счет государствен-

170 Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ // Официальный сайт Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vvsu.ru/UserFiles/File/bp/publication/article11.doc> (дата обращения: 15.04.2014).

171 Козырин А. Н. Финансирование академической мобильности в России: развитие организационно-правовых основ // Официальный сайт ФГБОУ «Федеральный центр образовательного законодательства» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod6/?6.html> (дата обращения: 15.04.2014).

ных или частных организаций (университетов, фондов, общественных организаций и т. д.).

Академическая мобильность преподавателей состоит в возможности для преподавателей, работающих в вузах, входящих в Болонское пространство, трудиться некоторое время в другом вузе, не теряя основного места работы.

После подписания министром образования и науки России В. Филипповым Болонской конвенции РФ также вошла в Болонское пространство, и теперь ее вузы подчиняются требованию академической науки. Это отражено в ряде документов федерального уровня (в частности, в Федеральном законе от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», где декларируется интеграция российской системы высшего образования с соответствующей мировой системой (ст. 2)). Более того, на самом высоком государственном уровне заявляется о необходимости финансирования академической мобильности (как индивидуальной, так и групповой), так, об этом говорится в концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 года № 1662-р, в федеральной целевой программе развития образования на 2011—2015 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 07 февраля 2011 г. № 61, в «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике; протокол от 15 февраля 2006 года № 1).

В настоящее время во всех крупных вузах РФ реализуются программы академической мобильности как за счет бюджетных средств вуза, так и за счет внебюджетных поступлений (при этом имеется часть студентов, которые отправляются учиться за рубеж на собственные средства либо за счет стипендий и грантов принимающей стороны).

Вместе с тем реализация академической мобильности в России имеет ряд особенностей, что позволяет говорить о том, что перед нами под именем академической мобильности западного типа — модифицированный феномен образовательного раздатка, существовавший еще в советские времена. Дело в том, что согласно нашему «Закону об образовании» реализация академической мобильности в РФ не должна вступать в противоречие с правовыми нормами РФ, включая подзаконные акты, принимаемые на уровне вузов (уставы вузов, приказы ректора, решения международных отделов и т. д.). Вместе с тем в большинстве уставов российских вузов есть пункт, позволяющий отчислить студента за длительное непосещение занятий (т. е. за так

называемую «потерю связи с университетом»¹⁷², соответствующая формулировка содержится в типовом уставе российского университета¹⁷³). Иными словами, от администрации университета, а не от самого студента, как на Западе, зависит, сможет ли он на длительный срок покинуть вуз (то же самое касается преподавателей, работа которых организована на основе годового плана, и его срыв может привести к увольнению преподавателя). Кроме того, финансовые средства для обучения за рубежом распределяет также администрация вуза, а она, естественно, руководствуется при этом своими оценками претендента на обучение в зарубежном вузе. Если оставить в стороне девиантные формы поведения представителей администрации (предоставление финансирования родственникам, знакомым либо за взятку), то, как показывает практика, обладателями привилегии на реализацию академической мобильности оказываются студенты, которые имеют хорошие оценки, научные достижения, занимаются общественной работой, не получали взысканий за нарушения правил поведения и т. д.

Перед нами почти полный аналог советской системы обмена студентами, когда по результатам первого или второго года обучения лучшие студенты из провинции отправлялись доучиваться в вузы Москвы, Ленинграда, крупных академических городов (Свердловск, Новосибирск) и даже за границу; в основном в соцстраны, но иногда и в страны капиталистического лагеря (в этом был большой смысл: таким образом выявлялись талантливые студенты, которые могут освоить гораздо более сложную образовательную программу столичных вузов¹⁷⁴, наиболее активные и перспективные комсомольские администраторы, лучшие студенты среди нацменов, которым после учебы в столице предстояло войти в элиту данного региона).

Итак, фактически в России нет декларированной законами и подзаконными актами академической мобильности западного типа; она превращена в ресурс, которым распоряжается администрация вузов; причем ресурс этот вмонтирован в механизм распределения других

172 Устав Московского гуманитарного университета так расшифровывает формулировку «потеря связи с университетом»: это пропуск 20 и более дней в течение одного месяца или 45 дней в течение одного семестра // Официальный сайт Московского гуманитарного университета [Электронный ресурс]. URL: http://www.mosgu.ru/stranica_pervokyrsnika/ustav/3_21.php (дата обращения: 15.04.2014).

173 За что могут отчислить из вуза? // Studynote.ru: Информационный студенческий гид [Электронный ресурс]. URL: http://studynote.ru/studgid/pomosch/za_chto_mogut_otchislit_iz_vuza/ (дата обращения: 15.04.2014).

174 Любопытно, что студенты из провинции переводились в Москву и в Ленинград с понижением на курс, этим негласно признавалось, что провинциальные вузы имеют более низкий уровень.

ресурсов, необходимых учреждениям высшего образования (от количества иностранных студентов или преподавателей, а также студентов и преподавателей этого вуза, обучающихся и работающих за границей, зависит рейтинг вуза, а значит, его финансирование и возможность дальнейшего существования). И в этом аспекте Болонское соглашение действует у нас лишь номинально.

Рассмотрев все 4 требования Болонского соглашения (двухуровневое образование, курсы по выбору, кредиты и академическую мобильность), можно прийти к выводу, что внедрение их в российских вузах так и не изменило особой «анатомии» наших вузов и не превратило их в вузы западного типа. У нас так и осталась система раздаточного высшего образования. Уменьшилось лишь количество часов (поскольку высшее образование было приравнено к бакалавриату, то студенты учатся теперь не 5 лет, а 4 года), соответственно количество финансов, выделяемых государством, для обучения одного студента-бюджетника, тоже снизилось. Уменьшились количество преподавателей и суммарный объем их труда (в силу сокращения часов и упразднения некоторых предметов), таким образом, снизились и государственные расходы на преподавателей. Более того, хотя внешне наши вузы стали больше похожими на западные (у нас теперь тоже есть кредиты, бакалавриат, магистратура), в реальности Болонская реформа разрушила те механизмы компенсации, которые существовали в советском вузе и обеспечивали талантливым студентам возможность избежать унифицирующей дисциплины. После Болонской реформы считается, что все студенты могут самостоятельно формировать свою академическую траекторию (поскольку есть курсы по выбору), поэтому индивидуальный план в его советском виде стал редкостью. На деле, как мы уже показывали, реальной свободы учебы российские студенты так и не получили. Попытка внедрить у нас стандарты либерального западного образования привела лишь к тому, что стали исчезать либеральные элементы, наличествовавшие в советской высшей школе, Раздаток только укрепился за счет вырождения компенсаторных механизмов.

Итак, можно *предположить, что одна из главных целей Болонской реформы состояла в том, чтобы сократить, или, как любят говорить наши чиновники, «оптимизировать» финансирование государственных вузов, которые не занимаются воспроизведением необходимых для современного российского государства сословий (правоохранителей, военных, «силовиков», работников нефтегазовой промышленности). Кроме того их сделали внешне похожими на западные вузы, в действительности лишь укрепив образовательный раздаток и ликвидировав в нем механизмы компенсации.*

4.4. УЖЕСТОЧЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД СТУДЕНТАМИ, ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ, АДМИНИСТРАЦИЕЙ И РЕКТОРАМИ (БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА, УМК, НОВЫЙ ПОРЯДОК ВЫБОРОВ РЕКТОРОВ)

Еще одна цель реформы вузов становится очевидной, как только мы обратимся к дополнительным преобразованиям, не связанным непосредственно с требованиями Болонского соглашения, но проведенным в вузах Минобрнауки в одном пакете с Болонской реформой. Речь о балльно-рейтинговой системе (БРС) и учебно-методических комплексах (УМК), а также о введении нового порядка выборов ректоров.

Балльно-рейтинговая система была введена в российских вузах также в 2005—2010 годах, правда, не централизованно, а распоряжениями администраций факультетов и УМУ вузов, но при этом в разных вузах принципы БРС примерно одинаковы, что свидетельствует о том, что перед нами инициатива, идущая сверху, и что документы по БРС сводятся к одному образцу¹⁷⁵. На Западе нет отдельной БРС, там, правда, вычисляется средний балл каждого студента, но это происходит уже после сдачи экзаменов. Наша БРС устроена совсем иначе. Чтоб понять суть этой системы, нужно ее сравнить с системой оценки учебной работы студента, которая существовала в советских вузах (и в постсоветских до Болонской реформы) и которую можно назвать классической. Она состояла в том, что главным и для студента, и для преподавателя были сдача (прием) зачета или экзамена. В принципе никто преподавателя не обязывал оценивать знания студентов посередине семестра, он обязан был лишь после каждой лекции или семинара расписаться в журнале, который предоставлял ему староста группы и в котором указывалось, сколько студентов присутствовало на его занятии и кто именно. В свою очередь, староста отчитывался о посещаемости студентов его группы в деканате, где к злостным прогульщикам, если таковые имелись, могли принять дисциплинарные меры — вплоть до отчисления из вуза. Короче говоря, в течение семестра в обязательном порядке контролировалась лишь посещаемость, да и то не столько самим преподавателем, сколько деканатом. В реальности, конечно, каждый преподаватель имел и свой собственный журнал, куда он вносил оценки за ответы студентов на семинарских занятиях, при этом пользуясь своей и только своей системой оцен-

175 Развернуто эта тема раскрывается нами в нашей статье: Вахитов Р. Р. Балльно-рейтинговая система. Размышления преподавателя // Кафедра: Газета Башкирского государственного университета. — 2013. — № 6—7. — С. 4—5.

ки (одни ставили плюсы и минусы, вторые — цифры, третьи — буквы и т. д.). Преподаватель по желанию мог провести контрольную или коллоквиум, а мог не проводить. По результатам работы в семестре преподаватель мог выставить зачет или экзамен «автоматом». Но делать это или нет, сколько ставить «автоматов» за сколько выступлений на семинарах, учитывать при этом или нет посещаемость, заставлять ли отрабатывать пропущенные занятия и как их отрабатывать — все это было в ведении каждого отдельного преподавателя. Наконец, на самом экзамене или зачете преподаватель в принципе должен был учитывать работу студентов в семестре, но опять-таки ни один нормативный документ не вменял ему это в обязанность. Если студент имел много выступлений на семинарах, а на экзамене отвечал плохо и не знал элементарного, преподаватель с легким сердцем ставил «неудовлетворительно» и отправлял такого студента на пересдачу.

С введением балльно-рейтинговой системы в большинстве (прежде всего провинциальных) вузов¹⁷⁶ ситуация изменилась. За семестровый курс, который оканчивается зачетом или экзаменом, студент может и должен получить определенное количество баллов. Так, за семестровый курс, который заканчивается экзаменом, в университете, где преподаю я¹⁷⁷, каждый студент может получить, например, не больше 80 баллов (70 + 10 поощрительных). Разумеется, цифра условная, поскольку в разных вузах количество баллов разное. Наши 70 баллов складываются из баллов за посещаемость, выступлений на семинарах, решения задач, написания рефератов (это называется «текущий контроль»), а главное — сдачи «рубежного контроля» (тестирование, контрольные работы). «Рубежный контроль» производится трижды в семестр, после окончания каждого модуля (элементарного цельного куска изучаемой дисциплины; материал семестрового курса должен состоять из 3 модулей). Дополнительные поощрительные 10 баллов присуждаются за особые заслуги студента, например, участие в работе научных конференций, научную публикацию и т. д.

На самом экзамене преподаватель может поставить студенту не более 30 баллов. Итого максимальное количество баллов равно 100

.....

176 См. например, Типовое положение о рейтинговой системе // Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Факультет наук о материалах. Сборник типовых положений для реализации инновационных образовательных программ в рамках классического университета (вуза) (направление «Химия, физика и механика материалов»). — Вып. 1. Балльно-рейтинговая система и взаимодействие с работодателями / Под ред. акад. РАН Ю. Д. Третьякова; Сост.: Е. А. Гудилин, А. А. Елисеев, А. В. Лукашин, Е. В. Майков, Д. О. Чаркин. — М., 2006. — С. 22—28.

177 Башкирский государственный университет, г. Уфа.

(студенты, получившие 80 баллов в семестре, экзамен не сдают, потому что 80 баллов и так означают «отлично» «автоматом»). Студент, получивший от 80 до 100 баллов, получает оценку «отлично», от 60 до 80 — оценку «хорошо», от 45 до 59 — оценку «удовлетворительно» и до 45 — «неудовлетворительно».

Студенты, не набравшие минимального количества баллов, вообще к сдаче экзамена не допускаются (пока они не наберут их путем так называемых «отработок», то есть выполнения индивидуальных заданий преподавателя).

При этом преподаватель сам решает, сколько баллов и за что ему ставить студенту во время текущего контроля. Один за посещение занятия ставит 1 балл, другой — 2 и т. д. Примерные рейтинги (с указанием, сколько баллов и за что ставит тот или иной преподаватель) утверждаются на заседании кафедры, где работает преподаватель. Баллы преподаватель может и отнять, но только за пропуски занятий по неважной причине.

Итак, *балльно-рейтинговая система нацелена на то, чтобы заставить студента «работать» в течение семестра: посещать занятия, выступать на семинарских занятиях, писать рефераты и т. д.* Наилучшие шансы на сдачу зачета и экзамена при этой системе имеет средний «добросовестный», т. е. дисциплинированный студент, пусть даже он не блещет талантами. Если он исправно посещает все занятия и выступает на них, пусть даже и не очень складно, преподаватель не может не поставить ему соответствующее количество баллов. Напротив, талантливый студент, который по каким-либо причинам не посещал занятия или посещал, но не выступал на них (не делал доклады, не вызывался решать задачи, не был охвачен преподавательским опросом) и готовился самостоятельно, либо вовсе не имеет шансов быть допущенным к экзамену, либо получит на экзамене низший балл. При этом уровень его знания может быть на порядок выше, чем у дисциплинированного «середнячка».

В этом состоит ее противоречие с духом Болонской реформы. На Западе упор делается на самостоятельную работу студентов, сам бюджет учебных занятий в западных вузах кардинально отличается от нашего; так, в Великобритании студенты в неделю посещают лишь 16 часов занятий, у нас — 40 часов в неделю¹⁷⁸. Наша БРС ориентирует на работу

178 Шанин Т. Западный и российский подходы к подготовке специалистов // ЭСМ (Экономика. Социология. Менеджмент): Федеральный образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/761/688/1219/004.SHANIN.pdf> (дата обращения: 16.04.2014).

в аудиториях, а не дома или в библиотеке. Но главные отличия в ином. Во-первых, на Западе низкая оценка не означает, что студент теперь не может продвигаться дальше по «образовательной вертикали», пока не исправит оценку. У нас это именно так. Неудовлетворительная оценка все равно по какому предмету — будь это обязательный курс или курс по выбору — означает, что студента не переведут на следующий курс (иногда неофициальные исключения делаются для заочников, в силу их слабой подготовки, но и они не допускаются к госэкзаменам, пока не сдадут все предметы учебного плана). Во-вторых, на Западе эта система не регулирует повседневную жизнь студента, не требует от него обязательного посещения занятий, обязательного участия в обсуждениях и т. д. У нас БРС порождена требованиями той реальной ситуации, которая сложилась в российской высшей школе в последние десятилетия и годы. Подавляющее большинство современных российских студентов поступают в вуз не по влечению к какой-либо сфере науки или к какой-либо профессии, а по желанию родителей или (в случае юношей) чтобы не попасть в армию. Учиться они не хотят и от сессии до сессии практически и не учатся. При этом они не имеют и соответствующей подготовки (что также сокращает их возможность овладеть учебной программой вуза): ведь поступили они на основе результатов ЕГЭ, а про несовершенство ЕГЭ и несоответствие его результатов знаниям экзаменуемых в прессе сказано уже достаточно. Отчислить за неуспеваемость таких студентов затруднительно, так как значительное их количество — «платники», чьи деньги пополняют бюджет вуза, но даже если это и «бюджетники», то ситуация схожая: после ведения «подушевого финансирования» отчисление определенного критического количества студентов означает сокращение финансирования, что невыгодно вузу. Кроме того, по распоряжению министерства образования и науки количество преподавателей у нас жестко привязано к количеству студентов, отчисление слишком большого количества бездельников повлечет за собой необходимость сокращения числа преподавателей, вся «вина» которых состояла лишь в том, что они добросовестно выполняли свои служебные обязанности и ставили оценки в соответствии со знаниями студентов. Наконец, новое поколение студентов склонно к конфликтам с преподавателями и часто упрекает тех в необъективности поставленной на экзамене оценки (а новое поколение преподавателей, выросших из таких студентов, действительно, зачастую имеет низкую квалификацию, и при приеме экзаменов эти преподаватели очень необъективны). Балльно-рейтинговая система в этих условиях есть оптимальный выход из положения. *Она позволяет не отчислять ту массу студентов, которые являются случайными людьми*

ми на данном факультете данного вуза и не имеют соответствующих способностей. От них требуется лишь подчинение учебной дисциплине. С другой стороны, она снимает с преподавателя груз нравственной ответственности за поставленные «липовые» оценки (или избавляет его от необходимости делать выбор, затруднительный из-за скудных знаний самого преподавателя). В сущности, роль преподавателя сводится теперь лишь к функции регистратора нужного количества баллов, никакой объективной проверки знаний на экзамене уже не требуется, да она зачастую и бессмысленна: если студент за семестр набрал баллов на оценку «хорошо», то пусть даже на экзамене он не ответит ни на один вопрос, ниже «хорошо» поставить ему невозможно. Таким образом, речь идет об ужесточении контроля над принудительным трудом студентов в ходе образовательного раздатка и учета этого труда, при том что содержание этого труда выхолощено и имеет очень отдаленное отношение к подготовке по определенной специальности. Под флагом либерализации и вестернизации образования происходит ужесточение образовательного раздатка в российских вузах.

Еще одно нововведение, появившееся в 2005 году, — учебно-методические комплексы (УМК). УМК — это «система нормативной и учебно-методической документации, средств обучения и контроля, необходимых и достаточных для качественной организации основных и дополнительных образовательных программ, согласно учебного плана»¹⁷⁹. Основная идея разработчиков концепции УМК состояла в том, что по каждой дисциплине, преподаваемой в вузах, должен быть набор учебно-методических документов, необходимых для чтения этой дисциплины преподавателем и освоения ее студентами (рабочие программы, краткое содержание лекций, вопросы и литература к семинарским занятиям, темы рефератов, вопросы и литература к экзамену и зачету, тесты и темы контрольных работ для проверки знаний в течение семестра и т. д.). Обязанность разработки конкретных УМК по дисциплинам легла на самих преподавателей, однако утверждались УМК на заседаниях кафедры и считались принятыми только после того, как были подписаны заведующим кафедры и председателем специальной методической комиссии, созданной на факультете. Без наличия УМК по всем дисциплинам вуз не мог пройти аттестацию комиссией Минобрнауки. В 2005—2010 годах УМК активно готовились по всей стране, было немало случаев, когда преподавателей освобож-

179 Учебно-методический комплекс // Официальный сайт Бийского технологического института [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bti.secna.ru/teacher/umk/standard.shtml> (дата обращения: 16.04.2014). Сохранена орфография сайта.

дали от занятий, чтобы у них появилось время для написания УМК. Отсутствие УМК по тем или иным дисциплинам становилось основанием для прессинга преподавателя, ему могли на этом основании, например, не продлить контракт или не дать должность по конкурсу. В некоторых вузах принималось решение оплатить труд по разработке УМК как учебно-методическую разновидность педагогического труда преподавателя; это сразу же стало причиной злоупотреблений и финансовых махинаций: завкафедрами и деканы присваивали выделенные для этого деньги себе, оформляя себя как главных исполнителей.

Эпопея с УМК имела несколько этапов, поскольку ГОСы (госстандарты образования) менялись и менялись образцы оформления УМК.

Среди преподавателей инициатива министерства была воспринята крайне негативно. Причина была не только в том, что на них свалилось огромное количество чаще всего неоплачиваемого «бумажного» труда. Преподаватели считали (и небезосновательно), что при наличии УМК администрация может уволить кого угодно, взять на его место неквалифицированного работника (например, ассистента без степени) и тот при помощи УМК сможет вести эту дисциплину. Тем более что первоначально администрации некоторых вузов, действительно, требовали, чтоб преподаватели включали в УМК полные курсы лекций (до 200 и 300 страниц текста). Вскоре преподаватели стали отказываться от этого и заявлять, что тексты лекций — это их интеллектуальная собственность, которой они не намерены делиться с работодателем.

Кроме того, постепенно утвердилось мнение, что УМК — способ управления преподавателями. УМО вузов постоянно (раз или два в полгода) требуют переделывать УМК, невозможно начать читать новый курс, не предоставив УМК, который придется обновлять по несколько раз. В итоге каждый преподаватель, как бы он ни старался, попадает в «черный список» тех, кто не сдал УМК вовремя, значит, его могут не провести по конкурсу, могут не продлить контракт. В этой ситуации судьба преподавателя полностью находится в руках заведующего кафедрой, декана, начальника УМО, проректора по учебной работе, и от него могут требовать чего угодно. Малейшее неповиновение (например, отказ агитировать студентов курируемой группы, чтоб голосовали за «ЕдРо») повлечет за собой репрессивные меры.

Наконец, при помощи УМК осуществляется контроль над содержанием занятий преподавателя. В любой момент к преподавателю в аудиторию может прийти комиссия из представителей УМО или методической комиссии факультета и проверить, соответствует ли содержание его занятия программе, изложенной в УМК и заверенной завкафедрой. Фактически с приходом УМК преподаватели российских вузов лишись

даже тех крох свободы преподавания, которые гарантировал им крайне нелиберальный в этом отношении закон об образовании: теперь преподаватели не могут сами определять содержание читаемого курса.

Итак, если БРС была введена для того, чтобы контролировать учебный труд студентов, предназначение УМК — контроль над педагогическим трудом преподавателей.

Укрепление контроля министерства над вузами нашло выражение и в новом порядке выборов ректоров. В первые постсоветские годы ректорам вузов удалось добиться максимальной свободы от министерства. В 1996 году правительство выпустило постановление «Об утверждении положения о статусе ректора государственного высшего учебного заведения Российской Федерации федерального подчинения»¹⁸⁰, по которому ректор подчинялся лишь органам самоуправления вуза (которые в реальности были подотчетны ему) и наделялся большим количеством льгот. Однако в начале 2000-х ситуация стала меняться. Согласно типовому положению от 5 апреля 2001 года № 264 «Об утверждении типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации» ректор стал избираться «путем тайного голосования на общем собрании (конференции) на срок до 5 лет по результатам обсуждения программ претендентов (претендента) на должность ректора или отчета действующего ректора». Затем избранный ректор должен был получить утверждение в органе исполнительной власти, которому подотчетен вуз (для рассматриваемых вузов это было министерство образования и науки)¹⁸¹.

В 2008 году правительство РФ приняло новое «Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)»¹⁸². Хотя в нем и провозглашалась автономия вуза, под которой понималась «степень самоуправления,

180 Положение о статусе ректора государственного высшего учебного заведения Российской Федерации федерального подчинения // Официальный сайт ФГБОУ «Федеральный центр образовательного законодательства» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexed.ru/doc.php?id=3285#> (дата обращения: 16.04.2014).

181 Постановление от 5 апреля 2001 года № 264 «Об утверждении типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации» // Pandia.ru: Энциклопедия знаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/167/23697.php> (дата обращения: 16.04.2014).

182 Постановление правительства РФ от 14 февраля 2008 года № 71 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)» // Гарант: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/192772/> (дата обращения: 16.04.2014).

которая необходима высшему учебному заведению для эффективного принятия решения в отношении своей уставной деятельности», в реальности даже такая урезанная автономия сводилась на нет новыми условиями выбора ректора. Ректор теперь избирался «из числа кандидатур, согласованных с аттестационной комиссией соответствующего уполномоченного органа исполнительной власти или исполнительно-распорядительного органа городского округа, тайным голосованием на общем собрании (конференции)», после выборов «между ним и органом исполнительной власти или исполнительно-распорядительным органом городского округа, в ведении которых находится такое высшее учебное заведение, заключается трудовой договор на срок, не превышающий 5 лет». Это означало следующее: трудовые коллективы вузов теперь не могли выбирать ректора свободно, из тех кандидатур, какие они выдвинули сами. Кандидатуры на пост ректора нужно было согласовывать с Минобрнауки, и выбирать приходилось только из тех, кто устраивал чиновников из Минобрнауки. Во многом выборы превращались в фарс, за которым скрывалось назначение на должность ректора министерскими чиновниками. Кроме того, Минобрнауки, заключив с ректором трудовой договор, в любой момент согласно Трудовому кодексу РФ (п. 2 ст. 278 Трудового кодекса РФ) могло этот договор разорвать, ничего не объясняя этому ректору, не говоря уже о представителях вузовской общественности. Так, в 2011 году приказом министра образования был уволен ректор московского Государственного университета управления (ГУУ) А. М. Лялин¹⁸³. В 2013 году ситуация повторилась: без объяснения причин и до истечения срока договора был уволен ректор Башкирского государственного университета (БашГУ) А. Г. Мустафин¹⁸⁴.

Кроме того, в 2009 году Госдумой РФ был принят закон «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете», согласно которому два ведущих университета страны — Московский и Санкт-Петербургский — лишились даже формального права выбирать себе ректоров; по закону их ректоров теперь назначает Президент РФ. В обмен они получили определенные привилегии, начиная с повышенного финансирования (отдельной строкой в бюджете страны) и

183 Даешь выборы ректора ГУУ! // Неофициальный сайт Государственного университета управления [Электронный ресурс]. URL: <http://allguu.ru/content.php?r=992-D0-A0-E2-80-9D-D0-A0-C2-B0-D0-A1> (дата обращения: 16.04.2014).

184 Уволен ректор БГУ // БезФормата.ru: Новости Уфы и Башкортостана [Электронный ресурс]. URL: <http://ufa.bezformata.ru/listnews/uvolen-rektor-bgu/10243646/> (дата обращения: 16.04.2014).

кончая правом вводить дополнительные вступительные испытания и, значит, не принимать абитуриентов по одним лишь результатам ЕГЭ. Удивительно, что это явное ограничение самоуправления университетов депутаты называли получением «широчайшей автономии»¹⁸⁵.

Как видим, к 2013 году государство в лице министерства образования и Президента РФ обрело полную власть над ректорами вузов Минобра, практически (а кое-где и по закону) покончив с самоуправлением вузов.

4.5. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЛАНОВОЙ СИСТЕМЫ И ИНСТИТУТА ЖАЛОБ В 2000-Е ГОДЫ

Возвращение к авторитарной этикетической модели высшего образования привело к попыткам ужесточить государственный контроль над вузами на всех уровнях. Это вело к попыткам усиления плановой организации высшего образования и института жалоб.

Прежде всего, Минобрнауки со второй половины 2000-х годов пытается переломить крен высшей школы в сторону подготовки юристов и экономистов. Делается это путем перераспределения бюджетных мест в пользу тех специальностей (профилей), в которых государство стало нуждаться (технических, инженерных, математических) и которые пришли в полный упадок в 1990-е. Перед нами робкая попытка частично возобновить советское планирование подготовки специалистов, нужных народному хозяйству. Для этого же предназначено и введение целевых наборов, оплачиваемых предприятиями и организациями, с тем чтобы эти студенты по окончании учебы шли туда работать. Время от времени раздаются характерные призывы вернуть советскую практику послевузовского распределения студентов, которые встречают сочувствие со стороны хозяйственников, но вызывают крайне негативную реакцию у самих студентов и их организаций. В качестве первого пробного шага в состав государственных экзаменационных комиссий в вузах стали вводить представителей работодателей по соответствующей специальности.

Детализируется планирование учебного процесса. Обновляются учебные планы всех профилей подготовки для бакалавров и про-

185 Медведев отменяет выборы ректоров в МГУ и СПбГУ // Портал ВФМ.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bfm.ru/news/29439> (дата обращения: 16.04.2014).

грамм подготовки для магистров и создаются новые, где подробно расписываются все элементы учебного процесса. УМК также являются признаком ужесточения планирования учебного процесса (в них расписано всё: сколько лекций и семинаров и на какие темы должно быть проведено, даются темы рефератов, вопросы к экзамену, регламентируется самостоятельная работа студента). Вся последующая документация согласовывается с УМК (журналы учета занятий и посещаемости, студенческие рейтинги, экзаменационные билеты и т. д.). К сожалению, за этим ужесточением планирования не стоит реальное улучшение качества преподавания; перед нами — бюрократическая реформа.

Балльно-рейтинговая система — также средство планирования. В ней заранее определено, какие виды работ должен выполнить студент и сколько баллов он за это может получить. Причем, в отличие от западных вузов, если он не выполнит какой-либо вид работы, он не будет аттестован и его академическая траектория прервется.

В 2000-е годы были даже попытки регламентировать внеаудиторную нагрузку преподавателей (участие в работе диссоветов, написание статей, обновление лекций и т. д.), но от этого вскоре отказались, так как это было очень трудоемко и на зарплату все равно не влияло.

Усиление планирования высшего образования привело к тому, что возросло значение УМУ вузов и их руководителей, ставших влиятельными персонами в иерархии вуза.

Обратимся теперь к институту жалоб. Возникли его новые формы (как стихийно, так и по инициативе вузовских руководителей разных рангов). К стихийным можно отнести устную передачу жалоб студентов через старост. В каждой группе обязательно есть староста, которого либо назначает деканат, либо выбирают самими студенты, но при согласии деканата с кандидатурой. В функции старосты входит контроль над посещаемостью занятий, а также посредничество между студентами и преподавателями (деканатом) при распределении экзаменационных вопросов, тем рефератов, определении дня и времени экзамена или зачета. Регулярно деканаты устраивают совещания старост, с ними поддерживает связь замдекана по учебной работе, перед ними выступает декан с призывами повысить успеваемость и т. д. Фактически во время этих контактов деканат узнает всё, что ему нужно, про того или иного преподавателя: что он за работник, проводит ли он занятия, не опаздывает ли на них, строг ли к студентам, не вымогает ли у них взятки и т. д. Однако студенты сами могут прийти в деканат с устной жалобой, и такое бывает, если возмущение действиями преподавателя сильно.

Студенты могут жаловаться не только декану, но и куратору, что происходит даже гораздо чаще. Декан тоже рассматривает куратора как человека, который должен разрешать конфликты между студентами его группы и преподавателями (таким образом, куратору могут жаловаться и преподаватели — на студентов его группы).

Официальные письменные жалобы могут направляться студентами на имя декана, ректора, а также в вышестоящие организации — в Минобрнауки, главам регионов, президенту. Однако в реальности вузы предпочитают, чтоб конфликты решались в их стенах; в связи с этим многие вузы разрабатывают правила, согласно которым студент может подать жалобу на преподавателя на имя ректора. Так на сайте Санкт-Петербургского университета мы находим рекомендацию: «Необходимо изложить свою жалобу, просьбу или предложение письменно — в форме заявления на имя Ректора СПбГУ Н. М. Кропачева и заранее принести в канцелярию Ректора... По этим просьбам Ректор дает поручения разобраться и принять решение — соответствующим проректорам и другим должностным лицам, а канцелярия следит за соблюдением сроков рассмотрения...».¹⁸⁶

Жалобы возможны и с применением Интернета, причем они тоже разделяются на неофициальные и официальные. Первые концентрируются на студенческих сайтах и форумах, посвященных преподавателям вузов. Вторые размещаются в блогах ректоров, деканов, которые открыты на сайтах практически всех российских вузов. Администрация вуза обязуется отреагировать на каждую такую жалобу.

Преподаватели также могут жаловаться на вышестоящих начальников, коллег и студентов и часто пользуются этой возможностью. Жалобы эти также могут быть устными или письменными, в последнем случае они имеют вид заявлений, ходатайств, докладных и служебных записок и т. д. Руководство может даже вменить в обязанность преподавателю сигнализировать о поведении студентов (например, о пропусках большого количества занятий) в виде докладных.

В 2000-е г. еще одним адресатом жалоб становятся УМУ, отделы аспирантуры. Кафедры и факультеты ведут постоянную борьбу за часы, бюджетные студенческие и аспирантские места, потому что это — зарплаты преподавателям, новые ставки и т. д. Когда составляется новая учебная программа, каждая кафедра старается взять себе по-

186 Советы для проходящих на прием // Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://spbu.ru/structure/top-management/rector/rector-priem/sovety-priem> (дата обращения: 16.04.2014).

больше часов, а другие упрекают ее в несправедливости при распределении ресурса (формально это обосновывается требованиями учебного процесса). УМУ может вернуть программу обратно на доработку, удовлетворив претензии жалобщиков.

По сравнению с 1990-ми годами институт жалоб претерпел изменения: жалобы становятся систематическими и больше связаны с учебным процессом, а не с личными счетами.

4.6. РЕФОРМА ВАК И ДИССОВЕТОВ

С советских времен ученые степени и звания в России также были включены в систему государственного раздатка. Специальный государственный орган — Всесоюзная аттестационная комиссия (ВАК) СССР, состоящая из отобранных государством специалистов¹⁸⁷ и возглавляемая министром высшего образования — принимала решения об утверждении или отклонении присуждения ученой степени кандидата наук, осуществленного диссертационным советом, или о присуждении ученой степени доктора наук. ВАК также присваивала ученые звания (младший и старший научный сотрудник, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор) по представлению специализированных советов, давала разрешение на открытие диссертационных (специализированных) советов и закрывала их, осуществляла контроль над качеством диссертационных работ (назначая экспертов и референтов диссертаций)¹⁸⁸.

На ВАК возлагался и идеологический контроль над содержанием диссертаций и самими претендентами на степень (история ВАК изобилует случаями отказа присудить степень по идеологическим мотивам, особенно в 1940—1950-е годы¹⁸⁹). ВАК СССР первоначально

187 Которые считались ведущими специалистами, в реальности среди них встречались и средние ученые, и даже одиозные фигуры вроде Т. Д. Лысенко.

188 Постановление Совмина СССР от 29.12.1975 № 1067 «О Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» // BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/ehgosudarstvo/z3v.htm> (дата обращения: 16.04.2014).

189 Сонин А. С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // Официальный сайт Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/2004/1/18-63.pdf> (дата обращения: 16.04.2014).

входила в состав Министерства высшего образования СССР, с 1975 по 1991 год комиссия была переподчинена Совету Министров СССР.

Диссертационные (специализированные) советы открывались при ведущих вузах, научно-исследовательских и научно-производственных учреждениях по ходатайствам академии наук, министерств и ведомств. Они состояли из кандидатов и/или докторов наук по определенной специальности (от 11 до 25 человек), должны были включать «наиболее авторитетных» ученых в данной области (но не более 80% из той организации, где образован совет, и не менее 20% из них из другой, возможно, иногородней), а также в обязательном порядке представителей партийной и профсоюзной организаций учреждения, с предоставлением им права решающего голоса. Советы осуществляли защиты по одной группе (из не более трех) смежных специальностей. Перечень научных специальностей разрабатывался ВАК. Советы по защите докторских диссертаций состояли только из докторов наук, причем требовалось не менее 5 докторов по каждой из специальностей совета, в советы по защитах кандидатских диссертаций включались и кандидаты наук (но докторов должно было быть не менее половины из состава совета, при этом 3 доктора и 3 кандидата по каждой специальности). Председателем совета назначался доктор наук, профессор, являющийся директором или замдиректором НИИ, ректором или проректором вуза или крупным ученым.

Советы действовали на основе квартальных и годовых планов. По мере накопления заявок на защиту созывались сессии советов для осуществления защиты, на одной такой сессии (заседании) могла быть проведена защита одной докторской или двух кандидатских диссертаций. Решения принимались тайным голосованием (требовалось не менее 2/3 голосов). В конце календарного года советы отчитывались перед ВАК СССР, которая принимала решение о продлении действия совета или его закрытии¹⁹⁰. Недовольные работой советов жаловались в ВАК, и это служило основанием для рассмотрения работы совета (например, уже защитившегося диссертанта могли вызвать на заседание ВАК, чтоб проверить его квалификацию).

Как видим, налицо все признаки раздатка: принудительный труд (отсутствие или малое количество защит влекло за собой закрытие совета), плановая организация труда (квартальные и годовые планы

190 Постановление Совмина СССР от 29.12.1975 № 1067 «О Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» // BestPravo: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-gosudarstvo/z3v.htm> (дата обращения: 16.04.2014).

советов), государственная собственность (закрепление права присуждать (утверждать) степени и звания за государством в лице министра), институт жалоб как канал обратной связи.

Созданная в СССР система государственного раздатка ученых степеней и званий не имела аналога в странах Запада, где присуждением их занимались и занимаются экспертные сообщества в самих университетах и, конечно, делают это не на плановой основе. Эта особенность советского общества была связана с тем, что ученая степень означала в нем не только признание высокой квалификации исследователя со стороны других ученых, но и немалый объем государственных привилегий, о которых я писал во 2 главе (от высокого оклада до права на расширение жилплощади). Кроме того, государственные мужи опасались, что, если передать право раздавать ученые степени и звания самим диссертационным советам, количество защит резко вырастет, а их качество упадет (и небезосновательно: это и произошло в 1990-е годы с ослаблением госконтроля над научной аттестацией). Обратим внимание, что ВАК СССР с системой специализированных (диссертационных) советов представляла собой социальную машину, которая бесперебойно конвейерным способом «штамповала» ученые степени и звания. Остановиться она не могла, так как ее эффективность оценивалась по выполнению ею соответствующего плана. Новые доктора и кандидаты наук поглощались также перманентно растущей системой вузов и НИИ. Уже в советские времена было понятно, что многие, получившие дипломы и аттестаты ВАК, не отвечают серьезным международным требованиям, предъявляемым к ученым, но наличие ученой степени было обязательным условием допуска к преподаванию в высшей школе. Фактически степень доктора или кандидата наук лишь пересекалась в определенной части объема, но не совпадала с принятыми в остальном мире учеными степенями, скорее, она означала ранг преподавателя советской высшей школы или служащего государственного научного учреждения.

После распада Советского Союза ВАК СССР была преобразована в ВАК РФ и вся система без каких-нибудь принципиальных изменений была сохранена. Можно говорить лишь об усилении позиций ВАК. С 1992 по 1996 год ВАК стала называться Высшим аттестационным комитетом. В 1993 году было принято «Положение о высшем аттестационном комитете» (Постановление Правительства РФ № 145 от 22 февраля 1993 года¹⁹¹). Положение подтвердило все полномочия ВАК,

191 Постановление Совета министров — Правительства РФ № 145 от 22 февраля 1993 года // Информационно-аналитический портал «Наследие» [Электронный ресурс]. URL: http://old.nasledie.ru/obraz/7_1/7_1_3/article.php?art=1 (дата обращения: 16.04.2014).

которые комиссия имела в советские времена, и, кроме того, вывело ВАК из-под подчинения Совету министров и Министерству образования и подчинило его непосредственно Президенту РФ. Безусловно, это значительно увеличивало статус ВАК в административной иерархии и расширяло его свободу. Председатель ВАК назначался и снимался с должности непосредственно Президентом РФ (его заместители — правительством); таким образом, председатель ВАК приближался по статусу к федеральному министру (которые также назначались и снимались президентом). Расширился аппарат ВАК (были созданы коллегии, пленум (общественно-научный совет), экспертные советы). Финансирование ВАК осуществлялось за счет ассигнований из госбюджета, предназначенных для органов государственного управления.

Это была «золотая пора» российского ВАК, когда его практически никто не контролировал (контроль со стороны президента был номинальным). Но именно тогда стало увеличиваться количество советов и количество защит (после некоторого его падения в годы «шоковой терапии»). В предыдущей главе я приводил статистику, свидетельствующую об экстенсивном росте защит в постсоветской России (впрочем, связанном и с экстенсивным ростом количества вузов).

В 1998 году ВАК начинает подвергаться административному прессингу. ВАК был переименован в Государственный высший аттестационный комитет, председатель ВАК назначается и снимается с должности уже председателем правительства¹⁹². Затем, после учреждения Министерства образования РФ, ВАК был подчинен ему, а с 2004 года, после преобразования министерства в Министерство образования и науки и создания при нем Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), подчинен этой службе. Это еще больше понизило статус ВАК. Однако при этом ВАК все же сохранял свое право присуждать степени доктора наук и утверждать (отклонять) решения диссоветов о присуждении ученой степени кандидата наук, то есть непосредственно заниматься раздачей степеней и званий. Наиболее болезненный удар был нанесен по ВАК в 2011 году, когда вышло новое «Положение о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ» (утверждено постановлением Правительства РФ от 20 июня 2011 года

192 Правительство Российской Федерации. Постановление от 30 апреля 1997 года № 506 «О Внесении изменений в Положение о Высшем Аттестационном Комитете Российской Федерации» // Семерка — Российский правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.law7.ru/base52/part4/d52ru4270.htm> (дата обращения: 16.04.2014).

№ 474¹⁹³). Согласно ему ВАК (ставший снова комиссией) превращался в экспертный орган и отлучался от участия в административно-научном раздатке. За ВАК оставалось лишь право давать заключения министерству по вопросам создания диссоветов, их состава, экспертизам докторских диссертаций, присвоения ученых званий, представления кандидатских и докторских диссертаций, а также права давать рекомендации о перечне кандидатских экзаменов, о программах кандидатских экзаменов, о перечне рецензируемых научных журналов («списке ВАК», о котором позже). Решения о присуждении ученых степеней и присвоении научных званий принимал теперь министр науки и образования, дипломы и аттестаты за подписью министра или его заместителя выдавало министерство. В 2012—2013 годах по ВАК ударила серия скандалов, связанных с плагиатом в диссертациях. В результате с 2012 года большинство советов закрыты, работа ВАК парализована.

Так закончилась эра «либеральных свобод» для ВАК. Фактически постановление 2011 года вернуло ВАК статус, который она имела в советские времена (когда ВАК возглавлял министр образования), если не ухудшило ее положение, ведь в советские времена все же ВАК не подчинялась министерству, а лишь включала в свой состав министра образования, подчинялась же комиссия совету министров. Эта острая борьба между чиновниками Министерства образования и Рособрнадзора, желавшими во что бы то ни стало получить доступ к непосредственным механизмам раздачи ученых степеней и званий (и связанных с ними льгот), и привилегированной группой ученых-администраторов, получивших от Б. Н. Ельцина право самим распоряжаться этой раздачей, закончилась в пользу чиновников. И не только потому, что с начала 2000-х в России во всех сферах намечается авторитарный этатистский поворот. В начале 2000-х государство «вдруг» озаботилось резким падением качества диссертационных работ, какового раньше оно «не замечало» (на самом деле, как уже говорилось, закончился негласный договор между государством и вузами, согласно которому государство давало возможность практически всем преподавателям защищаться и делать карьеру в обмен на их согласие работать за низкую зарплату). Одной из самых заметных попыток обуздать активность местных диссоветов, продолжавших штамповать кандидатов и докторов наук в огромных количествах, было введение ВАК так называемого «ваковского списка журналов». Эта реформа сильно ударила по рядовым преподавателям вузов, затруднила им процедуры за-

193 Положение о высшей аттестационной комиссии // Интернет-портал ВАК при Минобрнауки России [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/ru/about/position/> (дата обращения: 16.04.2014).

щит, а значит, и доступ к тем благам, которые негласно предоставляло им государство в 1990-е. И в то же время своей цели реформа не достигла, наоборот, она лишь усугубила ситуацию.

В 2001 году был принят и в 2002 опубликован в «Бюллетене ВАК» перечень рецензируемых научных журналов, где рекомендовалось опубликовать статьи перед защитой диссертации. Свое нововведение авторы реформы объясняли тем, что увеличилось количество защит низкокачественных работ, результаты которых публикуются в никому не известных сборниках и журналах и научной ценности и резонанса не имеют. Как позже объяснял начальника отдела диссертационных советов Управления государственной аттестации научных и научно-педагогических работников Рособрнадзора Владимир Мамаев, в 1990-е годы возросло количество журналов, «многие из которых называли себя научными», а «для экспертов ВАК журналы, в которых выходили статьи защищающихся, были совершенно незнакомы»¹⁹⁴. Однако состав списка сразу вызвал множество нареканий. Особое возмущение вызвал тот факт, что в списке не было ни одного иностранного научного журнала (иногда отсутствовали и крупные российские журналы), зато были представлены никому не известные российские издания и вестники различных провинциальных вузов. В итоге ученые с мировым именем, публикующиеся в крупных зарубежных изданиях (особенно представители естественных и точных наук), попали в трагикомическую ситуацию: имея множество публикаций за рубежом, они были вынуждены «организовывать» публикацию в каком-нибудь «Усть-Урюпинском вестнике», входящем в список ВАК¹⁹⁵. В то же время первоначальный список был невелик, а планируемое количество защит огромно, поэтому многие рядовые аспиранты и докторанты не имели возможность опубликоваться в этих изданиях. Однако в 2002 году ВАК принимает решение об обязательности публикации результатов диссертаций в изданиях из «списка ВАК», в противном случае ВАК отказывалась присуждать (утверждать) ученую степень. От аспирантов требовали одну такую публикацию, от докторантов — от 3 до 50 (в случае защиты по совокупности научных достижений). В реальности диссоветы требовали еще больше из соображений перестраховки.

194 Цит. по: Демина Н. Список ВАК как зеркало российской науки // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/09/07/spisokvak/> (дата обращения: 16.04.2014).

195 Куприянов А. ВАК радикально пересматривает список журналов // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/12/12/vaklist/> (дата обращения: 16.04.2014).

Между тем список ВАК меняется и увеличивается. Периодически ВАК расширяет это список: в 2001 году он состоял из 640 наименований, в 2005-м — 1105, в 2007-м — 1319, последний вариант списка, за 2012 год, включает в себя уже 2267 названий¹⁹⁶. В списке ВАК появляются и иностранные журналы, однако, как замечают критики этой реформы, зачастую отсутствуют ведущие иностранные издания по определенным специальностям. Зато с каждым новым списком становится больше вестников провинциальных вузов, электронных и бумажных журналов, которые никому не известны в научном мире и публикация статьи в которых не дает никаких отзывов. Тем не менее возникают очереди из желающих опубликоваться в них. Несмотря на строгие приказы из ВАК печатать работы аспирантов бесплатно (видимо, по мнению ВАК докторанты могут и заплатить за публикацию), возникает целый рынок ваковских публикаций. Оплата публикации оформляется как оплата редактирования статьи (за этим эвфемизмом может скрываться что угодно: от подстановки недостающих запятых до полного написания статьи за автора). Рынок бурно развивается: в 2007 году публикация готовой, написанной самим автором статьи в ваковском журнале стоила от 2,5 до 30 тысяч рублей¹⁹⁷ (по экономическим дисциплинам от 20 до 30 тысяч¹⁹⁸). Конечно, это было не повсеместно; существовали и существуют журналы, которые не брали деньги за публикации и не снижали требований к присылаемым материалам. Но их было очень мало (в основном это московские и петербургские элитные журналы, которые действительно, а не по характеристике ВАК были ведущими и научными). Вскоре статус «ваковский журнал» в определенных научных кругах начинает восприниматься со скепсисом: как только журнал становится ваковским, на него обрушивается вал низкокачественных материалов и предложений заплатить за публикацию, нормальная работа научного журнала становится затруднительной. Появляются серьезные научные журналы, которые добровольно выходят из списка ВАК. Так, известный не только в России, но и за рубежом философский журнал «Логос» добровольно отказался от продолжения своего пребывания в списке ВАК. Научный

196 Нестеров В. Ненаучная фантастика // Коммерсант.ру: Огонек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2130259> (дата обращения: 16.04.2014).

197 Портал аспирантов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aspirantura.spb.ru/forum/archive/index.php/t-7.html> (дата обращения: 16.04.2014).

198 401-й способ Остапа Бендера // Троицкий вариант. Наука. — 2008. — Вып. № 13 (839) от 30 сентября. 2008. — С. 2—3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scientific.ru/trv/2008/013/ostap_bender.html (дата обращения: 16.04.2014).

редактор журнала Виталий Куренной сказал об этом: «Пока журнал не в списке ВАК — именно в это время он может действовать, руководствуясь нормами, которые ближе всего к нормальным научным. А когда в списке — вступают в действие другие нормы, далекие от собственно научных»¹⁹⁹. Тем самым признается, что замысел создателей «ваковского списка» остался нереализованным, они ведь стремились к тому, чтоб защищались только те соискатели степеней, которые публикуются в ведущих научных журналах, на деле список ВАК стал разлагающе действовать не только на соискателей, но и на журналы.

Возникают издания-однодневки, созданные лишь для того, чтобы продавать ваковские публикации. Яркий пример — «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов» (г. Курск, главный редактор — В. В. Иванов), который в 2008 году оказался в центре скандала. Члены редколлегии газеты научной общественности «Троицкий вариант» в 2008 году сгенерировали с помощью программы SCIgen бессмысленный текст, напоминающий научную статью, на английском языке, перевели ее на русский и послали от лица несуществующего аспиранта Михаила Сергеевича Жукова в данный журнал. После оплаты 4500 рублей за редакционные услуги авторы получили положительный отзыв рецензента (с двумя незначительными замечаниями), и статья была опубликована. После раскрытия мистификации ВАК исключил данный журнал из списка²⁰⁰.

Тот факт, что таких журналов по сей день немало, очевиден: в Интернете множество открытых предложений опубликоваться в ваковском журнале²⁰¹ с указанием примерных цен²⁰².

Хотя официальные представители ВАК винят в этом отдельных бизнесменов от науки, существуют и другие точки зрения. Сергей Белановский опубликовал в своем ЖЖ статью «Экономика ваковского журнала», в которой утверждает, что вершиной пирамиды являются

199 Куренной В. ВАК или не ВАК? // Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/anashvili/posts/421852807900256> (дата обращения: 16.04.2014).

200 Ерунда // Троицкий вариант. Наука. — 2008. — Вып. № 13 (839) от 30 сентября. — С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific.ru/trv/2008/013/erunda.html> (дата обращения: 16.04.2014).

201 Срочные публикации ВАК статей // Aspirans.com: Содействие научным стремлениям [Электронный ресурс]. URL: <http://aspirans.com/srochnye-publikatsii-nauchnykh-statei/#/> (дата обращения: 16.04.2014).

202 Цена за публикацию от 7500 рублей до 14500 рублей, при этом предоставляется услуга выкупа части или всего номера журнала из списка ВАК для коллектива авторов (! — Р. В.) по договорной цене; см. Aspirans.com: Содействие научным стремлениям [Электронный ресурс]. URL: <http://aspirans.com/nauchnye-publikatsii-zhurnaly-vak> (дата обращения: 16.04.2014).

сами члены ВАК (разумеется, не все, а представители коррумпированных группировок, окопавшихся в ВАКе). По сведениям Белановского, включить журнал в ваковский список при помощи члена ВАК стоит до 1 млн рублей, при этом журнал приносит годовую прибыль в размере 2—2,5 млн рублей (за счет взимания платы с авторов). При этом такие журналы в реальности практически не существуют, в выходных данных указывается неверный завышенный тираж, печатаются же только несколько десятков экземпляров для авторов и библиотек²⁰³. Если это действительно так, то перед нами система сбора ренты группировками в составе ВАК с редакций журналов, а возможно, и с диссоветов.

Итак, в результате введения ваковского списка удалось несколько снизить темпы прироста научного сообщества, так, в 2008 году количество защит сократилось на 20%²⁰⁴. Однако достигнуто это было ценой коммерциализации механизмов воспроизводства научных работников в России, возникновения целого рынка псевдонаучных публикаций и повсеместного развращения научного сообщества (значительное количество аспирантов и докторантов не видят ничего дурного в существовании журналов, наживающихся на публикациях, и с удовольствием пользуются их услугами, при этом им все равно, что таким образом разрушаются фундаментальные положения этоса науки и российская наука становится прибежищем шарлатанов и жуликов).

В 2012 году разразился скандал с «липовыми» публикациями и диссертациями, которые защищались в МГПУ в диссовете, возглавляемым историком Александром Даниловым, бывшим одновременно экспертом ВАК²⁰⁵. Глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов заявил, что планируется серьезное сокращение диссертационных советов, особенно по гуманитарным дисциплинам (экономика, психология). Более того, министерство намерено сократить и цифры приема в аспирантуру тех вузов, где не ведется активная научная работа. Минобрнауки в

203 Белановский С. Экономика ваковского журнала // Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <http://belan.livejournal.com/171030.html> (дата обращения: 16.04.2014).

204 Кирпичников М. ВАК без обратных связей // Частный Корреспондент [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/mihail_kirpichnikov_vak_bez_obratnyh_svyazej_14770 (дата обращения: 16.04.2014).

205 Комиссия Минобрнауки выявила «липовые» диссертации в МГПУ // M24.ru — сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m24.ru/articles/12312> (дата обращения: 16.04.2014).

206 Демьянец Э. В 2013 году планируется сокращение числа диссертационных советов // NT-inform — информационный интернет-канал [Электронный ресурс]. URL: http://www.rsci.ru/grants/admin_news/233413.php (дата обращения: 16.04.2014).

России занимается раздатком не только ученых степеней и званий, но и права претендовать на них (что дает, прежде всего, аспирантура)²⁰⁸. Легко предположить, что такая мера приведет к тому же результату, что и введение ваковского списка: возникнет новый рынок в связи с желанием попасть в сокращенный министерский список оставленных «хороших» вузов, где разрешено открывать аспирантуру и защищать диссертации. В мае 2013 года Ливанов подписал приказ об оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук²⁰⁷, согласно которому должна быть проведена фронтальная проверка деятельности диссоветов комиссиями из министерства, число советов сокращено в 2 раза, а состав обновлен. Все это должно быть произведено до 1 марта 2014 года. Такая спешка уже вызвала скептическую реакцию со стороны академического сообщества²⁰⁸. Кроме того, ВАК под руководством нового председателя В. Филиппова ужесточила требования к диссертациям: они должны теперь выкладываться в Интернет для свободного обсуждения и проходить обязательную компьютерную проверку на плагиат²⁰⁹, сами защиты решено записывать на видео и транслировать в Интернете в режиме онлайн. Создаются механизмы для жалоб и апелляций (при советах будут экспертные комиссии по плагиату, куда каждый может подать заявления и уличить соискателя в плагиате), вернули советскую норму запрета на защиту в диссовете руководителя учреждения, при котором создан диссовет.

Как видим, в течение 2001—2013 годов происходило ужесточение контроля государства над ВАК РФ и министерства образования и ВАК над диссоветами и преподавателями вузов, направленное на сокращение количества диссоветов, защит и обладателей ученых степеней. Полного контроля достичь до сих пор не удалось в силу возникновения теневых механизмов сбора ренты, нейтрализующих усилия реформаторов.

207 Ливанов сократит число диссертационных советов в 2 раза // Деловая газета «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/551346#ixzz2mVOOtchI> (дата обращения: 16.04.2014).

208 Гутенев В. Сокращение диссертационных советов может привести к негативным последствиям // Регионы России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosrf.ru/news/10249/> (дата обращения: 16.04.2014).

209 Министерство образования ужесточит требования к защите диссертаций // Методический кабинет управления образования администрации Прикубанского муниципального района КЧР. Персональный сайт заведующей РМК Жук Т. И. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prikrmk.sfedor.ru/fed/2866-ministerstvo-obrazovaniya-uzhestochit-trebovaniya-k-zashhite-dissertacij.html> (дата обращения: 16.04.2014).

4.7. «ОПТИМИЗАЦИЯ» ВУЗОВ

После того как Минобрнауки выстроило систему жесткого контроля над вузами (начиная с регулирования потоков абитуриентов при помощи ЕГЭ и кончая фактическим подчинением ректоров вузов министерству), в стане реформаторов стали раздаваться голоса о сокращении количества вузов. Действительно, в стране более 600 вузов (без филиалов), из них около половины — в подчинении Минобра (для сравнения: в СССР, в который кроме России входило еще 14 республик, было более 800 вузов, то есть лишь на 200 больше). Трудно спорить с тем, что значительное количество вузов, особенно в провинции, дают низкокачественное образование; если называть вещи своими именами, то они выполняют не образовательные, а социальные функции, которые были нужны государству в 1990-е, но в 2000-е стали уже не нужны. В связи с деиндустриализацией объективно уменьшилось количество необходимых хозяйству специалистов. Кроме того, в связи с демографическим кризисом количество абитуриентов уменьшается (за 2007—2012 годы оно уменьшилось с 1,4 млн человек до 730 тысяч). По мысли реформаторов, поэтому вузы нужно «оптимизировать», т. е. попросту сливать и сокращать (логика, прямо скажем, странная, ведь, скажем, сокращение институтов, ориентированных на подготовку специалистов для промышленности, делает необратимой деиндустриализацию России, а сокращение педвузов ставит крест на России как стране, пережившей Просвещение, пусть и в весьма специфичном виде).

В 2009 году об этом откровенно заявил ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов, которого небезосновательно считают одним из главных идеологов реформы высшего образования: «Продолжать подготовку полуграмотных экономистов (а это почти 40% контингента большинства технических и технологических вузов и филиалов), педагогов, из которых 70% в школу не собирается идти ни при каких обстоятельствах, инженеров из школьных троечников по математике и физике государство больше не в состоянии»²¹⁰. Примечательно, что в качестве инструмента сокращения вузов Кузьминов предлагал использовать нормативно-подушевое финансирование. Логика

210 Кузьминов Я. И. Плюсы и минусы нормативно-подушевого финансирования вузов // Официальный сайт Поволжского государственного технологического университета [Электронный ресурс]. URL: http://www.volgatech.net/news/problems-of-development-of-higher-school/13125/?backurl=/news/problems-of-development-of-higher-school/?logout=yes&PAGEN_1=90 (дата обращения: 16.04.2014).

здесь была такова: если государство определит норматив финансирования студентов госвузов, учащихся на определенных направлениях и профилях госвузов за счет средств госбюджета, то финансирование вузов, в которые идет большое количество абитуриентов, возрастет, а финансирование вузов, которые выбирает меньшее количество абитуриентов, — упадет. Следовательно, «слабые» вузы исчезнут «естественным» образом. В этих словах, очевидно, есть доля лукавства, я говорил в начале этой главы, что механизм ЕГЭ у нас в стране устроен так, что государство имеет возможность, устанавливая минимальный балл, управлять потоками абитуриентов и направлять их в нужные ему вузы. То есть никакой естественности в смерти «слабых вузов» не будет, так как государство будет решать, какие вузы считать «слабыми», а потом уже «душить» их при помощи системы нормативно-подушевого финансирования. Между прочим, нормативно-подушевое финансирование действительно было введено министерством в 2012 году.

Позднее об этом заговорили и высшие чиновники. Предыдущий министр образования Андрей Фурсенко в 2012 году заявлял о необходимости существенного сокращения вузовской системы²¹¹. Нынешний министр образования Дмитрий Ливанов называет уже конкретные цифры, а именно в ближайшие три года он планирует провести сокращение госвузов на 20%, а их филиалов — на 30%²¹². А в самом конце 2012 года председатель правительства Д.А. Медведев подписал так называемую «Дорожную карту “Образование”», по которой до 2017 года планируется сократить в России 44% профессорско-преподавательского персонала вузов (около 140 тысяч ныне действующих преподавателей), а нагрузку оставшихся повысить на 28%²¹³ (при этом за счет сокращений ставок планируется увеличение зарплат действующим педагогам — вплоть до двойной от средней зарплаты в данном регионе). Основным критерием при ликвидации

211 Фурсенко высказался за сокращение количества вузов // Российская газета. — 2012. — 27 марта // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/27/vuz-anons.html> (дата обращения: 16.04.2014).

212 Министр образования: целью оптимизации вузов будет их направленность на развитие регионов // Информатизация и образование: Электронное обучение, библиотеки, ФИС ЕГЭ, программы и Антиплагиат [Электронный ресурс]. URL: <http://hotuser.ru/vyshee-obrazovanie-v-rf/2555-ministr-obrazovaniya-czelyu-optimizaczii-vuzov-budet-ix-napravlennost-na-razvitie-regionov> (дата обращения: 16.04.2014).

213 Медведев уволил 240 тысяч преподавателей одной подписью // РусПолитика: новости без цензуры: Общественный информационно-политический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://rupolitika.ru/child/medvedev-uvolil-240-tyisyach-prepodavateley-odnoy-rospisyu/> (дата обращения: 16.04.2014).

или «оптимизации» вуза будет выяснение, эффективен вуз или нет. В 2012 году по поручению президента и председателя правительства Минобрнауки провело мониторинг эффективности вузов, находящихся в его юрисдикции. В мониторинге участвовал 541 вуз и 994 филиала²¹⁴. По словам министра Д. Ливанова, «признаки неэффективности были выявлены у 18,4% головных вузов и 20,4% филиалов»²¹⁵. Причем Ливанов заявил также, что, возможно, «вузы, не прошедшие мониторинг эффективности, будут лишаться аккредитации», хотя «неэффективный список» не является окончательным, и у вузов есть «реальные шансы выйти из него и впоследствии быть признанными эффективными»²¹⁶. Несомненно, последнее заявление — приглашение к административному торгу администраций вузов с министерством.

Общественность неоднократно высказывала как возмущение самим фактом грядущего сокращения вузовских педагогов и вузов, так и недоумение тем, какие критерии были выбраны Минобром для выявления степени эффективности вуза. Это:

- 1) средний балл ЕГЭ абитуриентов, поступивших на госбюджетные места в этом вузе;
- 2) научная работа преподавателей вуза;
- 3) численность иностранных студентов, учащихся в вузе;
- 4) объем инфраструктуры вуза²¹⁷.

Очевидно, что эффективность тем самым автоматически обеспечивается большинству московских и петербургских вузов (куда идут наиболее подготовленные абитуриенты, где сосредоточены основные научные кадры, где больше всего иностранцев и достаточно денежных средств, чтоб обновлять и расширять инфраструктуру). Показать плохие результаты были обречены вузы в провинции, особенно технические, педагогические, сельскохозяйственные, куда традиционно с 1990-х годов очень малый набор в силу «непрестижности» специальностей в глазах абитуриентов.

214 Неэффективные вузы России 2012 // Блог Честного Статистика [Электронный ресурс]. URL: http://statistic.su/blog/neeheffektivnye_vuzy_rossii_2012/2012-11-02-812 (дата обращения: 16.04.2014).

215 «Черный список» неэффективных вузов // Nord-News [Электронный ресурс]. URL: <http://nord-news.ru/news/2013/11/11/?newsid=55884> (дата обращения: 16.04.2014).

216 Там же.

217 Неэффективные вузы России 2012 // Блог Честного Статистика [Электронный ресурс]. URL: http://statistic.su/blog/neeheffektivnye_vuzy_rossii_2012/2012-11-02-812 (дата обращения: 16.04.2014).

Кроме того, критерии эффективности вузов превратились в средство манипулирования вузами: изменяя критерии²¹⁸, правительство заставляет их развиваться в заранее заданном нужном направлении, в том числе и в направлении деградации.

Можно не сомневаться, что, несмотря на бурные протесты общественности, планы по сокращению «неэффективных» вузов будут воплощаться в жизнь.

4.8. ПОИСКИ НОВОГО ОБЛИКА УНИВЕРСИТЕТА

В 1990-е годы понятие «университет» в России настолько расширилось, что практически утеряло смысл. Практически все бывшие институты переименовались в университеты, тем самым, видимо, желая приобрести символические дивиденды. Для того чтоб формально соответствовать этому статусу, то есть давать образование по разноплановым специальностям²¹⁹, технические институты стали открывать гуманитарные факультеты и готовить юристов, экономистов, пиарщиков. В итоге возникает феномен «технического университета» (бывшего технического института с довеском гуманитарного факультета) и «классического университета» (вуза, имевшего статус «университета» в советские времена). Бывшие классические университеты (точнее, педагогически-технические мультиинституты), у которых в советской цивилизации была специфическая ниша — подготовка высококвалифицированных педагогов с широким образовательным кругозором (учителей старших классов школ, преподавателей техникумов и институтов), а также инженеров, теперь стали просто выполнять функции социальной изоляции, тем самым мало отличаясь от других вузов (сохранили и расширили они лишь функции воспроизведения сословия юристов да в национальных регионах — воспроизведения национальных интеллигенций). В 2000-е в рамках реформы высшего образования государство начало искать новый облик университета в

218 Например, недавно был введен новый критерий — количество обращений выпускников на биржу труда.

219 Главной отличительной чертой университета закон № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» считает то, что университет, в отличие от института или академии, «реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру направлений подготовки (специальностей)» (гл. II, ч. 9).

России, и это выразилось в появлении федеральных университетов и научно-исследовательских университетов.

7 мая 2008 года тогдашний Президент РФ Д. А. Медведев подписал указ № 716 «О федеральных университетах». К тому времени в России уже существовало два федеральных университета (Сибирский и Южный), а планировалось создать не менее 20 федеральных университетов. На настоящий момент их девять (Балтийский, Дальневосточный, Приволжский, Северный, Северо-Восточный, Северо-Кавказский, Сибирский, Южный, Уральский). Образованы они в соответствующих федеральных округах за счет слияния нескольких вузов. В них учится 5,5% студентов России, совокупный объем их доходов — 42 млрд рублей в год²²⁰. Федеральные университеты (ФУ) финансируются из центра и в самих регионах по преимущественному принципу. Хотя в выступлениях высших лиц государства и в юридических документах ФУ много говорилось о научном развитии, инновациях и выходе нашего образования на международный уровень, специалисты в области высшего образования признают: «Смысл федерального университета — обеспечить качественное и доступное образование... в регионах»²²¹. Федеральные университеты призваны готовить региональную элиту, специалистов, востребованных хозяйственной и культурной жизнью региона, и обеспечивать региональные программы и проекты. Яркий пример — Сибирский федеральный университет. Когда его создавали, то не скрывали, что он нужен «для подготовки высококвалифицированных кадров под развернутые в Сибири масштабные инвестиционные проекты (Богучанская ГЭС, Нижнее Приангарье, Кызыл-Курагино, Юрубчено-Тахомское месторождение и т. д.)»²²².

Считается, что необходимость в ФУ возникла в силу падения уровня вузовской подготовки в регионах, но с этим можно согласиться лишь частично. В советские времена во многих регионах этот уровень тоже был невысок (хотя и не так удручающе низок, как сейчас). Однако тогда существовал институт распределения, и специалисты из крупных столичных вузов приезжали в регионы по распределению и зачастую там и оставались. Тем самым уровень региональных вузов существенно повышался. С 1991 года эта подпитка регионов

220 Веселкова Н., Мокерова Ю., Мельник Д., Меренков А. Федеральный университет: миссия выполнима? // Отечественные записки. — 2013. — № 4. — С. 159.

221 Веселкова Н., Мокерова Ю., Мельник Д., Меренков А. Федеральный университет: миссия выполнима? // Отечественные записки. — 2013. — № 4. — С. 162.

222 Туртапкина Е., Лаптева М., Румянцев М. Как отладить федеральный университет? // Отечественные записки. — 2013. — № 4. — С. 153.

специалистами прекратилась, а с ведением ЕГЭ наметился и отток талантливой и активной молодежи (и абитуриентов, и молодых преподавателей) в столицы.

Можно предположить, что инициатива по созданию ФУ — это еще и оборотная сторона сокращения тех региональных вузов, которые Минобрнауки посчитало «слабыми». Государство осознает необходимость поддержки региональной высшей школы, но желает поддерживать только те вузы, которые, по мнению чиновников из Минобрнауки, имеют высокую эффективность, готовят специалистов хорошего уровня для обеспечения региональных проектов и воспроизводства региональной элиты. Очевидно, это будут ФУ. Все остальные вузы обречены на прозябание, попадание в «черный список» неэффективных и исчезновение из образовательного пространства. Поскольку же решение о создании ФУ находится в компетенции Минобра и правительства, то есть государство раздает статус ФУ, то это будет происходить и уже происходит на основе непубличного административного торга между ректорами вузов, которые планируется объединить в ФУ, и Минобром и правительством.

Еще одна новая форма университета — научно-исследовательский университет (НИУ), ориентированный в большей степени не на образовательную, а на научную деятельность²²³. Президент, правительство и министерство открыто высказывались в том духе, что НИУ будут вузами мирового уровня в России. Этот проект стартовал в 2008 году, когда вышел указ Президента РФ «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов», который присвоил этот статус двум вузам — МИФИ (ставшему отныне Национальным исследовательским ядерным университетом) и МИСИС (отныне — национальный исследовательский технологический университет). В 2009 году вышло постановление Правительства РФ о проведении открытого конкурса на получение статуса национального исследовательского университета. Конкурс было доверено проводить Минобрнауки, статус давался на 10 лет. Статус обеспечивал

223 «Исследовательский университет — высшее учебное заведение, одинаково эффективно осуществляющее образовательную и научную деятельность на основе принципов интеграции науки и образования. Важнейшими отличительными признаками НИУ являются способность как генерировать знания, так и обеспечивать эффективный трансфер технологий в экономику; проведение широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований... Стратегической миссией НИУ является содействие динамичному развитию научно-технологического комплекса страны и обеспечение его необходимыми людскими ресурсами». См.: О концепции создания сети национальных исследовательских университетов // Элементы [Электронный ресурс]. URL: <http://elementy.ru/Library9/niu.htm> (дата обращения: 16.04.2014).

гораздо более высокий уровень финансирования вуза, нежели уровень финансирования обычных вузов.

В настоящее время после проведения двух конкурсов (в 2009 и 2010 годы) статус присвоен 27 вузам.

Перед нами опять государственный раздаток статуса. НИУ становятся не те вузы, которые действительно признаны в мире как научные центры (впрочем, таковых в России, кроме МГУ, находящегося в 9 сотне мирового рейтинга вузов, практически нет, символично, кстати, что МГУ так и не получил статуса НИУ), или хотя бы те, которые таковыми являются в России, а те, которые соответствуют критериям чиновников из Минобра. Обоснованность этих критериев — отдельный вопрос; на деле их «эффективность» — слагаемое из трех составляющих: действительно высокого (по российским меркам) научного потенциала, правильно составленной документации для министерства и уровня связей руководства вуза с министерством. Удельная часть каждой составляющей может быть какой угодно. Затем эти вузы начинают усиленно финансировать, дабы они в обозримой перспективе оправдали свой статус. Согласно концепции создания сети НИУ, ежегодное финансирование одного НИУ должно составлять 400 млн рублей в течение первых пяти лет, начиная с 2008 года. В 2009 году запланировано, правда, 200 млн на один университет, но в этом же году запланировано дополнительное вложение в НИУ 3 млрд рублей²²⁴. В реальности в 2009 году Президент РФ В.В. Путин объявил о выделении из госбюджета дополнительных средств на поддержку «ведущих вузов» (МГУ, СПГУ, ФУ и НИУ): «Объем дополнительных финансовых средств федерального бюджета — 90 млрд рублей, которые выделяются в 2010—2012 годах в размере 30 млрд рублей ежегодно»²²⁵.

Специалисты признают, что и НИУ сильно отличаются от западных университетов в плане объемов академической свободы и самоуправления. Перед нами вновь раздаточный вуз в раздаточном обществе. И государство пытается сделать его эффективным по правилам раздаточного общества — раздачей финансов и льгот. Вот только цели всего этого, как минимум, странные — не поставка стране необходимых ей специалистов, а улучшение международного имиджа нашей вузовской системы. Тот факт, что для государства важны не столько

224 О концепции создания сети национальных исследовательских университетов // Элементы [Электронный ресурс]. URL: <http://elementy.ru/Library9/niu.htm> (дата обращения: 16.04.2014).

225 Поддержка ведущих российских вузов // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/проекты/ведущие-вузы> (дата обращения: 16.04.2014).

выпускники «новых» университетов, сколько международный имидж специально для этого отобранных российских университетов, теперь уже очевиден. В 2012 году Президент РФ В. В. Путин выпустил указ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в котором перед Минобрнауки, администрациями и преподавателями университетов ставится задача вхождения «к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов»²²⁶ и увеличения «к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных “Сеть науки” (WEB of Science), до 2,44 процента»²²⁷, для чего увеличиваются объемы финансирования государственных научных фондов, а также исследований и разработок, осуществляемых на конкурсной основе ведущими университетами»²²⁸. В рамках выполнения этого указа президента был создан Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров; Минобрнауки объявило конкурс на право получения специальной субсидии на реализацию мероприятий, которые будут способствовать продвижению вузов в международных рейтингах, поступило 54 заявки, из них были допущены к конкурсу 6 и отобраны 15 вузов, из которых 3 — федеральные университеты (Дальневосточный, Казанский и Уральский), 1 — «традиционный университет» (Нижегородский государственный университет), 3 — технические университеты (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, МФТИ, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)), остальные — национальные исследовательские университеты, причем 3 из них — московские (МИФИ, МИСИС, ВШЭ) и 1 — Санкт-Петербургский (Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики).

Итак, выявились приоритеты финансирования университетов: преимущественно будут финансировать «ведущие университеты» (МГУ, СПбГУ, 15 университетов, претендующих на попадание в мировой

226 Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (дата обращения: 16.04.2014).

227 Там же.

228 Там же.

рейтинг, НИУ и ФУ). Все остальные, «традиционные университеты» (кроме одного, попавшего в число 15 «будущих мировых лидеров») обречены на прозябание, а в перспективе большое их число — на ликвидацию.

Впрочем, можно высказать серьезные сомнения и в том, что НИУ решат поставленные перед ними Президентом РФ и министерством задачи. Само по себе вкачивание в них средств ничего не решает: освоение средств бюрократическими структурами вузов с минимальным эффектом — обычное дело в раздаточном образовании. Сама сущность раздатка высшего образования состоит в том, что вузы данного типа не продуцируют новое научное знание, а лишь раздают имеющееся. Для создания нового знания нужны иные условия, прежде всего, механизмы компенсации, о которых я писал в главе 2. И уж как минимум нужно снизить нагрузку преподавателям до средней по европейским меркам. При нынешней нагрузке в 900—1000 часов в год времени для научной работы просто не остается.

4.9. ИТОГИ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ

По сути, в 2000-е произошло восстановление системы государственного раздатка, похожей на советскую. Только сложившаяся в ходе сталинской реформы высшей школы система была ориентирована на преимущественное развитие технических вузов, прежде всего, работающих на научное кадровое обеспечение военно-промышленного комплекса. Сложившаяся в ходе путинско-медведевской реформы 2000-х система ориентирована на поддержку университетов, обеспечивающих кадрами региональные проекты и занимающихся научными разработками. При этом можно не сомневаться, что доля нецелевого использования выделяемых ресурсов будет гораздо выше: нет того контроля, который осуществляло над вузами тоталитарное государство (режим 1930—1950-х годов), нет серьезного идеологического обеспечения проекта, а также веры в идеологию и энтузиазма масс. Сама задача продиктована не столько объективными нуждами, как задача индустриализации в 1930-е, сколько репутационными субъективными соображениями («энергетическая сверхдержава» не может не иметь хотя бы 5 «университетов мирового уровня»). Наконец, нет условий для нормальной научной работы преподавателей, основную часть их рабочего времени «съедает» преподавание.

Иными словами, в 2000-е годы относительная свобода российских вузов, и в том числе университетов, даденная им в 1990-х, была у них фактически отобрана. Государство в лице Президента ПФ, Правительства РФ, Минобрнауки, Рособрнадзора, ВАК стало жестко контролировать как поступление в вузы, так и работу преподавателей и администраций вузов. Те социальные функции, которые выполняли вузы в 1990-е и которые оправдывали существование системы раздатка высшего образования, перестали быть нужными государству. Государство стало сокращать вузы и их преподавательский состав и фокусировать ресурсораздачу на тех вузах, которые могут обеспечить хорошую репутацию российских университетов в глазах международного сообщества.

Заключение

Существует две идеальные модели высшего образования. Первая построена на «образовательном обмене», главные признаки которого — высшее образование как набор знаний и умений, частная собственность на знания, передаваемые от преподавателя к студентам, и договорные, равноправные, партнерские отношения между преподавателями и студентами. Вторая построена на образовательном раздатке, для которого характерны высшее образование как правовой статус, государственно-общественная собственность на знания и иерархические авторитарные отношения между преподавателями и студентами. Наиболее близок к первой идеальной модели гумбольдтовский университет, ко второй — средневековый университет. В реальности в XX веке мы встречаем симбиозы образовательного обмена и раздатки, и это прежде всего американский исследовательский университет, где обмен доминирует над раздатком, и советский вуз (в частности, мультиинститут, носящий имя университета), где, напротив, раздаток господствует над обменом.

Вопрос о том, какая модель лучше и эффективнее, лишен смысла, потому что следует учитывать почву, на которой существует и развивается тот или иной тип вуза, а также его социальные функции, которые специфичны для каждого конкретного общества. Возможно, кукуруза по ряду параметров лучше ржи, но в наших северных широтах кукуруза, как однажды выяснилось, не приживается.

История показала, что прямой перенос гумбольдтовского университета на российскую почву невозможен. Он здесь превращается в учреждение по раздатке высшего образования как правового статуса и прилагающихся к нему знаний и умений. Иного и не может быть в сословном обществе, сердцевина бытия которого — государственная раздача благ и привилегий (и вменение обязанностей). В периоды ослабления государства, каковыми в XX веке были 1920-е и 1990-е годы, конечно, предпринимались такие попытки, но заканчиваются всё возникновением новой институции образовательного раздатки. В этом был смысл сталинской реформы высшей школы 1931—1938 го-

дов, в этом смысл путинско-медведевской реформы, начатой в 2000-е и идущей до сих пор.

Вместе с тем реформа 1930-х годов выгодно отличалась от современной. Была четко обозначена цель — создать систему вузов для нужд индустриализации и культурной революции. Реформаторы 1930-х отказались от слепого копирования западных моделей и использовали наработки отечественного дореволюционного высшего образования (курсовая система, академические стипендии, распределение выпускников и т. д.). Современные реформаторы с упорством, достойным лучшего применения, пытаются выстроить в России вузы европейского типа. В результате они перенимают лишь внешние формы западного образования, под этим антуражем кроется тот же образовательный раздаток. Но поскольку он вводится стихийно, неосознанно, то получающиеся эклектические институты лишены достоинств образовательного раздатка, но уже приобрели недостатки западной высшей школы. Таким образом, деградация нашей высшей школы (по сравнению с тем уровнем, на котором она была лет 25 назад) вполне закономерна и попытки реформировать ее по западным образцам заранее обречены на провал.

Исследования раздатка высшего образования в России (и в частности раздаточного университета), как видим, более чем актуальны. Но они — лишь в самом начале. Мне представляется, что применение теорий раздатка О. Э. Бессоновой и сословности С. Г. Кордонского плодотворно и очень многое объясняет в специфике наших вузов. Это я и хотел показать в данной книге; удалось ли это — судить читателю.

*Сентябрь 2013 г. — февраль 2014 года,
г. Уфа*

Литература

1. Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – 86 с.
2. Андреев Ю. А. Российские университеты XVIII – начала XIX века в контексте университетской истории Европы. – М.: Знак, 2009. – 648 с.
3. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с. – 145 с.
4. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
5. Овсянников А. А., Иудин А. А. Укрупненный структурный анализ вузовских центров СССР. Аналитическая записка. – Горький, 1990. – 25 с.
6. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. Корбута. – М.: Изд. дом Гос. унта – Выш. шк. экономики, 2010. – М., 2010. – 304 с.
7. Суворов Н. С. Средневековые университеты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
8. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИДЕЯ в РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – начала XX веков. Антология. – М.: РОССПЭН, 2011. – 527 с.
9. Ясперс К. Идея университета / Пер. с нем. Т. В. Тягуновой. – Минск: БГУ, 2006. – 159 с.

Некоторые юридические документы, используемые в тексте:

1. Университетский устав 1804 г.
2. Университетский устав 1835 г.
3. Университетский устав 1863 г.
4. Университетский устав 1884 г.
5. Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г.
6. Типовой устав высшего учебного заведения (Утв. СНК СССР 5 сентября 1938 г.).
7. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (Закон СССР от 19 июля 1973 г.).
8. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г.
9. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г.
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.
11. Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) от 14 февраля 2008 г.
12. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (Утвержден Постановлением Минтруда РФ от 21 августа 1998 г.)

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РАЗДАТКА

ОБМЕН – процесс, в ходе которого частная собственность переходит от одного владельца к другому на законных основаниях. Обмен предполагает наличие предметов обмена в частной собственности, равенство сторон, добровольность и взаимовыгодность операции и эквивалентность предметов обмена. Обмен является основополагающим механизмом модернистского (капиталистического) общества.

Обмен бывает:

1. *экономический*, который разделяется на товарно-денежный обмен (рынок) и бартер. При экономическом обмене предметами обмена являются товары (в том числе деньги как универсальный товар);
2. *политический*, который составляет сущность представительной демократии. В ходе его суверен – народ обменивает власть, принадлежащую ему по закону, на конституционные блага (защиту жизни, собственности граждан и т. д.);
3. *социально-духовный*, при котором обмениваются идеальные ценности на уровень значимости (рейтинг) творца.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ – материальные и духовные блага, которыми владеет конкретное лицо на законных основаниях.

КЛАССЫ – социальные группы, выделяемые по уровню потребления, разделение на которые происходит в ходе рыночных операций. В наиболее простой модели в рыночном обществе есть высший (богатые) и низший (бедные) классы.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ – НАБОР ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, КОМПЕТЕНЦИЙ, которые передаются студенту в ходе обучения

в высшем учебном заведении (вузе). В идеальном классовом обществе с этим набором выпускник попадает на рынок труда, где ему вовсе не гарантируется попадание в высший класс, все зависит от его успешности как агента рынка. При этом наличие этих знаний и умений все равно ставит выпускника в более выгодное положение, поэтому вузы в этом обществе выполняют функции классовой социализации.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБМЕН – разновидность социально-духовного обмена, которая составляет сущность образовательной деятельности модернистского (гумбольдтовского) и современного (американского исследовательского) университета. В ходе него знания, принадлежащие преподавателю и произведенные на глазах студентов (в ходе лекции, демонстрирующей научный метод), обмениваются на повышение рейтинга данного преподавателя. При этом и то, и другое представляет собой частную собственность.

Раздаток – процесс нерыночного распределения ресурсов, принадлежащих государству. Раздаток предполагает сдачи и раздачи, служебную, государственную собственность, служебный труд, институт планирования, иерархические отношения в обществе, наличие института жалоб как механизма обратной связи между ресурсодателем и ресурсополучателем. Раздаток характерен для традиционного общества, однако существует в любом обществе, причем в модернистском он представляет собой дополнительный сегмент при господстве обмена. Раздаче подлежат материальные блага, власть, привилегии, духовные ценности.

Ресурс – материальная или нематериальная ценность, которая распределяется государством (в традиционном-архаическом обществе также религиозными организациями) внерыночным способом и выдается индивиду или общине (корпорации) для исполнения служебных обязанностей. Ресурс является собственностью государства, ресурсополучатель может им лишь распоряжаться в соответствии с назначением, предписанным государством. Ресурс в экономике противоположен товару.

Ресурс может быть

- 1) *экономическим (материальные блага);*
- 2) *политическим (властные полномочия);*
- 3) *социально-духовным (идеальные ценности) —*

в зависимости от того, о каком типе раздачи идет речь.

СДАЧА – передача произведенных благ государству.

РАЗДАЧА – передача собранных благ государством различным социальным слоям (сословиям) в зависимости от их статуса.

Сословия – социальные группы, которые государство наделяет определенными привилегиями и на которые налагает определенные обязанности. Сословия формируются в ходе раздачи государством ресурса, и каждое сословие получает определенную долю ресурса для обеспечения своей служебной деятельности.

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – деятельность сословий по выполнению наложенных на них государством обязанностей. Служебная деятельность в отличие от свободной деятельности имеет обязательный принудительный характер, и человек мотивирован к ней неэкономическими средствами.

Служебная деятельность бывает трех видов:

1. *служебная экономическая деятельность (служебный труд);*
2. *служебная политическая деятельность (например, в СССР обязанность ходить на выборы);*
3. *служебная духовно-социальная деятельность (например, служебный учебный труд в раздаточном вузе).*

ОБЩЕСТВЕННО-СЛУЖЕБНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ – материальные и духовные ценности, которые по закону принадлежат государству, церкви или иной социальной группе и которые выдаются конкретному лицу или социальной группе для выполнения служебной деятельности. Это лицо или группа распоряжаются данной собственностью, но не владеют ей. Контроль над целевым распоряжением остается за государством.

ИНСТИТУТ ПЛАНИРОВАНИЯ – институт, при помощи которого осуществляется соответствие сдач и раздач.

ИНСТИТУТ ЖАЛОБ – механизм обратной связи между ресурсополучателями и ресурсодателями, позволяющий корректировать сдачи и раздачи и превращающий раздаток в самоорганизующуюся систему.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ РАЗДАТОК – раздаток высшего образования как социально-правового статуса, знаний, а также материальных ресурсов, необходимых для учебы, администрацией и преподавателями вуза в сословном раздаточном обществе.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОСЛОВНОМ ОБЩЕСТВЕ – социально-правовой статус, который государство обязано дать человеку, окончившему вуз и выполнившему весь объем учебного труда, предписанного студенту вуза государством. В этом смысле высшее образование – сословная социализация, и получение его гарантирует определенные привилегии. Предполагается, что высшее образование дается только тому, кто приобрел соответствующие знания и умения, но это не всегда так, в реальности высшее образование как социальный статус и как набор знаний и компетенций разведены.

УНИВЕРСИТЕТ – корпорация преподавателей (учащих) и студентов (учащихся), обладающая рядом привилегий, дарованных государством и/или церковью и занимающаяся передачей научных знаний и/или производством нового научного знания.

При этом под корпорацией мы понимаем сообщество людей, объединенных долгосрочными общими интересами, осознающих свою общность, стремящихся к поддержке членов своих корпорации и противопоставляющих ее всем остальным.

Под привилегией мы понимаем особые права, даруемые социальной группе властным институтом (обычно государством) и ставящие ее членов в преимущественное правовое положение по сравнению с остальными.

Существует три исторических формы университета: **доклассический** (*средневековый*), **классический** (*модерный*) и **современный массовый** (*постмодернистский*).

Мультиинститут – возникшая в Российской империи форма вуза, мимикрирующая под университет («классический университет»), но таковым не являющаяся в силу отсутствия одного из главных признаков университета – корпорации, наделяемой привилегиями высшей властью. Мультиинститут представляет собой механическую совокупность факультетов, которые дублируют деятельность соответству-

ющих специализированных высших школ – институтов и являются, по сути, такими институтами. Между ними нет никакой связи, кроме наличия общего администрирования, осуществляемого назначаемыми министерством чиновниками (ректором, проректорами и т. д.). Поскольку формально в управлении мультиинститутом участвует выборный орган – совет, можно говорить о его мимикрии под университет. Существовало два исторических вида мультиинститута в России: мультиинститут госслужбы («императорский университет») и педагогически-производственный мультиинститут («советский университет»). Ныне в России также формируется мультиинститут, но сущность его пока не ясна.

ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ (1970 г.р.) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки факультета философии и социологии Башкирского государственного университета (г. Уфа), старший научный сотрудник Института Гуманитарных Исследований Республики Башкортостан.

В 2012-13 годах Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» выпустил следующие книги:

1) СИСТЕМА ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ : СБ. СТ. И МАТЕРИАЛОВ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕД. / [С. Г. Кордонский и др.] ; под ред. И. В. Кошкаровой. – М.: Страна Оз, 2012. – 400 с. – ISBN 978-5-906139-01-6.

Коллектив авторов: С. Г. Кордонский, Ю. А. Крашенинникова, А. Е. Колоното, А. Р. Тукаева, А. А. Позаненко.

Сборник посвящен отечественным институтам и практикам поддержания здоровья. В нем представлены основные результаты исследовательского проекта «Система поддержания здоровья в современной России». В книгу вошли статьи и материалы социологических экспедиций, проведенных в 2011–2012 годах в шести регионах страны. Обсуждаются вопросы интерпретации феномена «здоровье», особенности распределения ресурсов и эффективность государственной политики в области здравоохранения, роль альтернативных практик борьбы с болезнями. Книга адресована специалистам в области общественных наук и управления здравоохранением, а также широкому кругу читателей, интересующихся социальными проблемами современной России.

2) ОТХОДНИКИ : МОНОГРАФИЯ / [Ю. М. Плюснин и др.]. – М. : Новый Хронограф, 2013. – 288 с. – ISBN 978-5-94881-239-7.

Коллектив авторов: Ю. М. Плюснин, Я. Д. Заусаева, Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко. Монография посвящена проблеме современного отходничества – временному отъезду населения малых городов и сел из мест постоянного проживания на заработки в столицы и крупные города, промышленно развитые территории страны. До сих пор отходничество, являясь массовым феноменом, не фиксируется в экономике и статистике, находится вне интересов институтов публичного управления, вне интересов экономической и социологической науки. Авторский коллектив осуществил анализ отходничества на основе большого числа интервью с отходниками и местными экспертами непосредственно в местах их проживания. Полевые социологические исследования охватили преимущественно центральные и северные регионы Европейской России. Описаны основные направления отхода и специализация городов и территорий в видах отхожих промыслов. Представлены косвенные оценки численности отходников в России. Сделана попытка выписать социальный портрет современного отходника. По информации от самих отходников описано их поведение на работе в местах отхода, отношения, складывающиеся дома с соседями и местной властью. Дана социологическая оценка экономического и политического статуса современного отходничества.

В 2014-15 годах планируются к изданию книги по результатам следующих проектов:

- 1) Экономика неформального здравоохранения в современной России.
- 2) Информационно-аналитическая основа принятия управленческих решений органами местного самоуправления.
- 3) Структура российского провинциального общества.
- 4) Институциональный контекст формирования и развития насильственных практик на примере сельских и городских сообществ Северного Кавказа.
- 5) Распределенный образ жизни в российском моногороде.
- 6) Взаимодействие городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом.

1 [3] 2014

Фонд поддержки
социальных исследований
«Хамовники»

www.khamovniki.ru

Рустем Вахитов

**СУДЬБЫ
УНИВЕРСИТЕТА
В РОССИИ:**

имперский,
советский
и постсоветский
раздаточный
мультиинститут

ООО «Страна Оз»
101000, Москва, ул. Покровка
дом 11/13/6, стр. 2, офис 35
Тел.: +7 (495) 755-69-36
e-mail: info@land-oz.ru

Подписано в печать 10.07.2014
Формат 60×90/16.
Гарнитура Fedra Pro. Печ. л. 17,25
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 251
Отпечатано в ООО «Чебоксарская
типография №1» 428019, г. Чебоксары,
пр. И. Яковлева, 15

ISBN 978-5-906139-03-0

9 785906 139030